

Набросок тушью (1990)

ОБЛАКА

Детство встало на розовом склоне
И рукой помаhalo: "Пока!"
Закружили мне голову кони
И облака...
Как румянец горели зарницы,
Падal теплый снег с потолка.
Закружили мне голову птицы
И облака...
А когда отступило ненастье
И судьба показалаcь легка,
Закружило мне голову счастье
И облака...
Но когда были загнаны кони,
Гнезда птиц посмывала река,
Таял снег на раскрытой ладони
И облака...
Но когда зло и боль постарались,
Счастье плакало издалека,
Все ушло... Под ногами остались
Лишь облака.

ГОРИЗОНТ

Византийских бровей полукружъя
К переносью сошлись и - корят...
Мне страшнее любого оружья
Твой холодный, отточенный взгляд.
Разорву колдовское засилье!
Дым волос только трону рукой -
Рассыпается охристой пылью
Снов моих разудалый прибой...
Вот сейчас упаду на колени
И, целуя каблук сапожка,
Буду биться волной песнопений
О бетонную твердь потолка.
Вот - вскачу на лихого гнедого,
Покидая потерянный рай, -
Вместо самого высшего слова

Улыбнусь, не фальшивя: "Прощай!"
И не мальчиком робким, но - мужем
Вышибаю засов у ворот!
...Византийских бровей полукружья
Преодо мною, как горизонт.

х х х

Как встреча коротка -
Все мысли кувырком:
Прносятся века
За окнами - молчком.
Сиреневая ночь...
И я иду, спеша,
По лезвию ножа...
По лезвию ножа.
Как бесконечен путь,
Как надоедлив дождь,
Как холод режет грудь
И выбивает дрожь.
И зелень фонарей
Качается, дрожа,
На лезвии ножа,
На лезвии ножа...
А ты - во тьму, ты - вдаль...
И я кричу: "Постой!"
Прозрачная печаль
Вдруг стала темнотой.
Окончена игра,
Но как скользит душа
По лезвию ножа,
По лезвию ножа.

СКОМОРОХ

По копеечной монете
Набросайте счастья мне:
Благо, что на этом свете
Скоморошество - в цене!
Сыплю шутки из кармана:
Не кричи, что горяча...
Сердце плачет от обмана,
Как от раны, по ночам.
Смех - гримасой вызываю...
Объясните: что со мной?
Почему я разрешаю
Ей смеяться над собой?
Все твердит, что несерьезен,

Что нескладен, не пригож,
И не знатен, и не грозен -
Не престижен ни на грош...
До чего ж ей надо мало!
Смех рассыплю, как горох:
Смейся, старый! Смейся, малый!
Скоморох так скоморох...

х х х

С какой-то суетою глобусной
Секунды встреч текут в века:
Лежит на поручне автобусном
Ее русалочья рука.
И пальцы ломкие касаются
Металла белого слегка...
Как это в память все врезается,
Чтобы манить издалека.
Такой пустяк: рука на поручне
И смуглой кисти серебро.
Рукав - тяжелым, темным обручем,
И шубки меховой тавро...
За окнами снега цветистые,
А сзади храп и дрызг дверей...
Рука - прозрачная и чистая -
На поручне спешащих дней.

х х х

Ты - как древнерусская парсуна,
Так светла, наивна и чиста...
Но, отвергнув старого Перуна,
Не приемлю - нового Христа:
Был я сам, как прокопченный идол,
Рубленный тяжелым топором,
С деревянным и суровым видом
Смех и боль встречая напролом.
Только дней языческих теченье
Ты замкнула... И в недобрый час
Я впервые принял всепрощенье,
Как религию далеких глаз,
И пошел к неведомому богу
Наугад, не ведая дорог.
Только левую подставить щеку
После битой правой - я не смог.
Обругав друг друга как попало,
Вдруг сцепились помыслы Христа
И богов языческих начало

В жизни той, что только начата.
Я не лезу в бой их правомерный -
Пусть рычат, катаясь по траве.
Для меня одной святою верой -
Те глаза, что тают в синеве.

х х х

Красивых много... Даже слишком много.
Но сердцу мало просто красоты.
И юноши пускаются в дорогу,
С пустынными ветрами став на "ты".
И, значит, остается что-то кроме,
Как говорили предки: "Ясным днем
Невеста в дом вошла - светлее в доме.
Жена вошла - теплее стало в нем..."
А мы все топчем пыль, сминая версты,
Рвем удила, меняем лошадей...
И с неба равнодушно смотрят звезды
На вечные метания людей.
Как хочется нам девственно-кристальных
Прелестниц, умниц, лапушек...
А что ж?
Хоть сами мы совсем не идеальны,
Но идеал нам вынь да и положи!
А те, чья внешность красками убога,
Кто в стороне от столбовых дорог?
Потупившись, вздыхаем у порога:
"Дай бог им счастья..." Но не щедр бог.
А мы опять в рассветной дымке таем,
Со старой скукой - в новые пути...
И снова ищем. Ищем - и теряем
Ту, что могли и не смогли найти.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

Все воздушные замки мои
Взяты яростным приступом.
Тех, кто их защищал, повязали
И взяли в полон.
Небеса мои ясные
Стали вдруг дымными, мглистыми,
Все вокруг - как несбывшийся
Сказочный сон.
Золотые мечты

Вокруг пальца умело обведены:
Мои крылья слежались
В один полосатый матрас...
Мои быстрые кони
Цыганами ловко уведены.
Мои песни застыли
Снежинками брошенных фраз.
Ты ушла...
Ты прошла, словно ливень.
Ты не возвращаешься!
Не кричу... Не зову...
Не кусаю в бессилии губ.
Перед смертью деревья
Печально и гордо качаются -
Зажимаю ладонью
Березовый, розовый сруб...
Ты - любовь, ты - мечта,
Ты - печаль,
Ты - виновница бед моя.
Но, тебя извиняя,
Себе ежечасно твержу:
Ты - как детство...
Ты - юность,
Ты песня - наивная, светлая...
А меня закрутило:
Я вновь от себя ухожу.
По горам, по лесам,
По просторам, глубинам
И отмелям -
От нелепой надежды:
Ушедшую радость вернуть...
Видно, вовремя замки мои
Разорили и отняли:
Впереди - горизонт
И свободу дарующий путь.

х х х

Как маленький кусочек янтаря,
Держу твою ладонь в своей ладони.
А за окном вечерняя заря
И облака кудрявые, как кони.
А за окном такой далекий мир
Течет, переливается, струится
И, разноцветьем разливаясь вширь,
Вдруг преломляется в твоих ресницах.
И сам я отражаюсь в полный рост,
И чувствую себя сильнее и выше...
Так отраженный свет далеких звезд
Порой нам ближе, чем звезда над крышей.

ПЕТР I В АСТРАХАНИ

Жарко!.. Пот со лба рукою
Надоело вытирать...
Боже! Небо здесь какое -
Царским взглядом не объять!
И Успенский ладным станом
Словно недругам грозит -
Право: лепотнее храма
Нет покуда на Руси.
Видно сразу: постарались...
А резьба-то как хитра!
И откуль такие взялись
Астраханцы-мастера?
Крепостица близко моря,
И надежа и оплот.
Здесь, на Волге, флоту воля...
Царь доволен: "Будет флот!"
...Тянут ванты, крепят реи,
Топоры стучат с утра:
Будет новый флот Рассеи -
Детище царя Петра.
И, притихшие спросонок,
В раззолоченной пыли,
Из осиновых пеленок
Вырастают корабли.
Не видать работе края...
Царь, с устатку, на часок
Сел, с ботфортов отряхая
Волжский ласковый песок.
Отдыхая помаленьку,
Царь крутил свой сивый ус:
Вдруг впервые понял Стеньку -
Дикой воли смысл и вкус.
Что - держава? Оковали
Душу тысячи забот...
Все б отдал за эти дали!
А гримаса сводит рот:
- Все б отдал?
А власть кому же?
Что Россия - без царя?
Ей подпруги-то потуже,
Чай, затягивал не зря.
Это нынче - честь и слава,
Начинали - с топора...
Вот и здесь: тебе, держава,
Сладим флот - и в путь пора,
Чтоб ни с юга, ни с востока
Не грозил набегом тать,-

Нам опять в бою жестоком
Мир от недругов спасти...
...И когда под вечер, поздно
В небо вышло туч кольцо,
Петр яростно и грозно
Рассмеялся им в лицо!

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Ах, какие струны у гитары!
Ах, какая песня у костра!
И молчат ахтырские гусары,
На затылки сдвинув кивера.
Огрубели руки от поводьев,
Застудило рану на груди...
Только голос медленно выводит
Нежные слова: "О, пощади..."
Верится, что где-то терпеливо
Ждет нас чья-то нежная ладонь...
Ходят кони, встряхивая гривой,
И косят зрачками на огонь.
Обреченно догорают чурки,
Слушая гитарный перебор:
В нем смешался дивный звук мазурки
С звяканьем удил, клинков и шпор.
Замечтались звезды в небе синем,
Только почему-то не до сна.
...И Денис поет о Катерине
В предрассветный час Бородина.

ДУРОВОЙ

"Кавалерист-девица? Как напыщенно...
Гусар-девчонка, проще говоря..."
Над горизонтом алой нитью вышита
Далекая вечерняя заря.
- Все это бред! Готов о том поспорить я.
А сказкам верит только лишь дурак...
- Mon cher, не забывайте об истории:
Ведь амазонки были, или - как?
- Ах, господа, причина спора стоит ли?
Все это просто глупый анекдот...
- Но женщины, при всех иных достоинствах,
Такой непредсказуемый народ...
- И все-таки поверить этим домыслам?
Ну как ее среди наших молодцов
Не раскусили по походке, голосу,

По формам, *mile pardon*, в конце концов?
- А вы, корнет? Мы ждем и ваше мнение...
Ответ остер и ум не по годам!
- Вы правы: это недоразумение
Пленит воображение юных дам.
Ах, дамы!.. Но особо не раскрутишься...
- А помнишь ли красотку в том селе?
- Что? Александров? Очень милый юноша:
Гусар, храбрец, а как сидит в седле!
- С утра в поход - мы вновь отходим к северу,
А там, корнет, начнутся чудеса...
...Ты отвернулась, прислонилась к дереву:
Шумит костер, слипаются глаза.
Уже луна на небе тает медленно,
Но лишь под утро стихнет споров гул.
Ты так устала... Так устала, бедная!
- Что Александров?
- Кажется, уснул...

х х х

Поручик Лермонтов. Полковая разведка.
Внимательный взгляд чуть прищуренных глаз.
Чеченским выстрелом хрустнула ветка;
Холодные звезды, дорога, Кавказ.
Костры отдаленные, песни солдатские,
Разлитый в дурманящем воздухе мед...
Но вот кто-то новый, в мундирчике статского:
"Мне нужен Лермонтов. Пусть войдет.
Вы в красной рубашке? С распахнутой грудью?
Ужели смерти искали взгляд?
Ведь знали: конница и орудия
От пули в спину не защитят...
Поручик Лермонтов, толкуют разное.
За что вас все-таки? Прошу как друг...
Ах, горы любите? А не опасно ли?
Что?! Не опаснее, чем Петербург?!!
Шутить изволите? Напрасно, душенька:
Гусаров-ухарей не долог век.
Не вы ль тот юноша... ну, что про Пушкина?
О... Вы отчаянный человек!
К тому ж поэт. Ну и пели б всласть себе
Про очи томные да нежность рук.
А то вдруг на тебе: конфликты с властью...
Vous comprenez moi, мой юный друг?
Вам, может, хочется - весь век в изгнании?
А чтоб покаяться - так недосуг?
Идите... душенька..."
В глухом молчании

Снял шапку белую седой Машук.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Из былей и легенд седого прошлого,
Средь старых стен и намогильных плит,
Где пену с губ роняющие лошади
В полете обгоняют стук копыт,
Где струги и ладьи, давно отплывшие,
И стук щитов, похожий на прибор...
Где падают друзья, за все простившие
И в этот миг прощенные тобой.
... К нам прошлое идет само собою,
И мы вдыхаем, как горячий дым,
И простоту, и мужество мужское,
И все, что вообще зовем мужским.
Вдыхаем аромат степей ковыльных,
Звон сабель, стрел смертельных суеты,
Чтобы не впасть в беспамятство бессилья,
Вдыхаем Правду, Честь и Доброту.
Не очень это просто - стать мужчиной,
Но с прошлым нас навек связала нить,
Где предок мой стоит в ряду былинном,
На шаг не позволяя отступить.

ВРУБЕЛЬ. ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ

Царевна-Лебедь...
Опускаю руки
И чувствую безумное желанье,
Как пред иконой, преклонить
Колени...
Мои мечты, души бурлящей муки
И сердца сбой, неровное дыханье
Сквозь образы бесовских
Наваждений,
Как облака, облитые закатом,
В волшебной раме
Камышей прибрежных
Как серебро,
Как молоко,
Как снег...
И хлам забот уносится куда-то:
Я вижу крыльев трепетную нежность
И этот взгляд
Из-под смущенных век.
Царевна-Лебедь, не молчи, молю!
Кто втиснул в кисти дивное искусство,

Заставив хаос
Красок бессловесных
Твердить:
- Люблю...
Люблю...
Люблю?!
До святости возвысив это чувство,
Что рухнуло лавиною отвесной,
Заставив обоженный горем разум
Из ничего на холст явить нам
Чудо!
В которое и сам не вправе верить:
То из былин или славянских сказок,
Из тьмы веков,
А может, ниоткуда?
И вдохновенье можно ли измерить?
...Мне кажется, ты дышишь.
И дыханье
Плывет печальной ласкою на плечи
Далекого и близкого сюжета,
Как первое любовное признание,
Что душу так томит
И сердце лечит.
Ты только не молчи...
Но нет ответа.
Царевна-Лебедь!

ПАНИ АЛИНА

Здравствуйте, пани Алина!
Не зажигайте свечи,-
Я из двадцатого века
И ненадолго к вам.
Знаете, я вас помню:
Вашу улыбку, плечи...
Вы так внимали дивно
Древним колоколам.
Плащ на вас был атласный,
И серебро браслетов
Схватывало запястье,
Словно оковы льда.
В ваших глазах играло
Золото прошлого лета,
А ведь меж нами были
Эры, века, года.
Слушайте, пани Алина!
Нет, не пугайтесь, что вы, -
К черту проклятия бога -
Я на решения скор:
Знаю, у вашей двери

Стражник стоит суровый.
Знаю: сегодня утром
Вас поведут на костер.
Знаю: престижу церкви
Выгодна гибель ваша.
И красота, наверное,
Страшное волшебство...
Я украду вас, пани!
Вызволю бесшабашно,
Хоть бы и против бога,
Но совершу воровство.
Вы не идете? Как же?
Глупый огонь встречая,
Дальше-то что, скажите:
В пепел, в ничто, в трубу?!
Как же вы, пани Алина?
Пани Алина, прощайте...
Я унесу вас силой,
Переломив судьбу!

х х х

Отзвенела снегами зима,
Но жару не хватает накала...
Друг влюбился и сходит с ума,
Словно прочих забот ему мало, -
Пишет письма... Строчит, торопясь,
Про тревоги, про ветры, про чувство,
И стихи мои шлет, вдохновясь,
За свое выдавая искусство.
Мне не жалко. И если она
Чуть теплей в твою сторону глянет, -
Буду рад: никакая стена
Между нами на этом не встанет.
А когда ты придешь в ее дом,
Став от счастья немножечко пьяным,
Посмеетесь вы вместе потом
Над бесхитростным этим обманом.
Но уж тут ты меня выручай:
О стихах не веди разговора.
Если ж спросит она невзначай
Обо мне и о той, о которой...
Вот тогда, всем печалям назло,
Ложь свою за улыбкою пряча,
Ей ответь: "И ему повезло:
Ждет и любит. А как же иначе?"

АРМЕЙСКАЯ МУЗА

Мы не привыкли пятиться -
Жизнь приказала: "В строй!"
И Муза в легком платьице
Отправилась за мной.
А командир, как в варево,
Меня в Устав, грозя:
- Здесь, мать вашу, армия!
Здесь с бабою нельзя!
Ну что ж мне - лечь и помереть?
Не выставишь за дверь -
Совсем-совсем ребенок ведь,
Куда ее теперь?
Вон, сквозь ресницы мокрые -
Обида в ручейках:
Начальство, шутки клеклые -
Аж пятна на щеках...
И все-таки она поет!
А мне - так хоть кричи,
Ведь ножку дивную ее
Не сунешь в кирзачи.
Укрыл шинелью, как могу,
На кулаки не слаб,
Ее, как душу, берегу
От всяких грязных лап.
Ее в тревоги не бужу -
Еще далек рассвет,
Приеду - сам порасскажу,
Что было, а что нет.
Когда ж мне горек быта дым
И тяжело буйство чувств,
И белым крылышком своим
На сердце ляжет грусть, -
Присядет рядышком она,
Смешав и явь, и сон:
Из-под шинельного сукна
Знакомой лиры звон...

х х х

Надо мной шумят дубы,
Мирно кроны их качаются.
...Полосатые столбы
На границе не кончаются.
Очень многое деля,
Эта грань проходит резкая.
...За моей спиной земля,
Наша и моя - советская.
Ну а служба - не кино:
Не рассчитана на серии.

Нужно, в общем-то, одно:
Чтобы ждали, чтобы верили.
Остальное, что - в судьбу,
Мы осилим - мы настырные.
...К полосатому столбу
Тишина прижалась мирная.

х х х

Наверное, вы правы...
Правы...
Вроде бы...
И в теме я забуксовал,
Как в тине:
Конечно, надо бы писать
О Родине,
А я все почему-то -
Об Алине...
И нужно бы о доме,
Понимаю...
О городе,
Где небеса так сини:
Об Астрахани,
О родимом крае,
А я все почему-то -
Об Алине.
Служу, как говорят,
Других не хуже:
Наивности ребячьей
Нет в помине,-
Здесь чувство Родины
В душе сильнее и глубже,
И лишь стихи упорно -
Об Алине.
Что ж, кто-то видит Родину
Землею,
Что вспахана
Стараньями отца.
Березкою... Небесной синевою...
И матерью,
Стоящей у крыльца.
И надо бы - о журавлином клине,
И надо бы - о шелесте травы...
А я все почему-то -
Об Алине...
Хотя, конечно, в целом
Правы вы.

х х х

Здравствуй! Я вернулся. Слов не нужно,
Старый друг и так тебя поймет.
Просто я уже закончил службу,
Все два года, даже с лишним, вот...
Просто захотелось вновь увидеть,
Посмотреть, ну как ты тут? И что?..
Я? Да нет, я в общем не в обиде,
Жизнь есть жизнь: сплошное "Спортлото".
Повезло ему? Что ж, время лечит:
Мы так долго были далеки...
И дарить цветы, придя под вечер,
Мне, понятно, было не с руки.
Вам, конечно, было по дороге,
Все имело смысл: слова и взгляд...
А моя застава по тревоге
Вывозила на рубеж ребят.
Вы так рано в жизни не вставали,
Вы не знали соль и пот дорог.
Это ж мы за вас недосыпали,
Хоть, понятно, это не в упрек.
Главное, чтоб ты была счастливой,
Чтоб имела дом, семью, детей...
А меня застава научила
Не жалеть себя - спасибо ей.
Вот, пожалуй, все... Сказал довольно.
Улыбнись! Тебе нейдет печаль.
И - прощай... Ведь мне почти не больно.
Что же делать: это так... А жаль.

х х х

Пора уходить. Вот и все. Увольнение в запас.
Начальник нам руки пожмет, проводив до порога.
Ребята толпою толкнут торопящийся "ГАЗ" -
Улыбки на лицах... И все-таки грустно немного.
Ну, дальше все ясно: дорога, родители, дом.
Там ждали и ждут, там ладонями сердце согреют.
А что позади? Только память, фуражка, альбом
И что-то еще, что я даже назвать не сумею.
Останутся фото, а также еще адреса
И вера, что все же разлука не долго продлится...
На плоской кассете - живые друзей голоса,
В три легких аккорда чуть хриплые песни границы...
Ночные тревоги, прожектор, дозор, маскхалат...
И я буду долго валяться без сна до рассвета,
Увидев случайно, как мой еще маленький брат
Тайком примеряет фуражку зеленого цвета...

СЧАСТЛИВЫЙ СОН

Снится мне порою,
Как когда-то,
Астраханским воздухом
Дыша,
Яростное золото заката
Заливало город, не спеша.
Золотило крыши,
Башни, шпили,
Тополей янтарный окоем,
Облака над горизонтом
Плыли,
Золотым украшены шитьем.
А закат,
Все ярче разгораясь,
Разливался,
Ширился
И - рос!
И горели руки,
Прикасаясь
К чуду золотых твоих
Волос...
Заходило солнце,
Алым светом
Из последних напрягаясь сил.
Пять мгновений
Я во власти лета
На руках судьбу свою носил.
И искать не нужно
Виноватых,
Что тебе, в счастливое число,
Обручальным золотом заката
Безымянный палец обвело...

КАКИЕ МЫ?

Под голоса сказаний и баллад
Ковалась наша юность, наша честь.
И каждый был готов, и каждый рад
Изведать жизнь - такой, какая есть!
А жизнь бежала рядом - только тронь,
Следили мы за нею, сдвинув бровь...
Но Окуджавы сдержанный огонь
Вливался в жилы, разжигая кровь.
И подступало с четырех сторон
Предчувствие событий и судьбы,-
Высоцкого хрипящий баритон
Нам души обжигал в огне борьбы.

Пусть говорил известный ветеран,
Что поколение наше - "не ахти"...
Но наши парни шли в Афганистан
И знали, что домой не всем прийти.
И наших песен яростный рассвет
Ворвался в мир без лжи и без прикрас.
И на заставах парни наших лет
В наряд ходили, как в последний раз.
По строкам молодых и древних рун
Мы набираем нашу высоту.
Я славлю поколение тех, кто юн -
Их веру, их надежду, их мечту!
И, уходя из жизни насовсем,
Мы обойдемся без избитых фраз
И лишь в глаза открыто глянем тем,
Кто мир на плечи примет после нас.

х х х

Против меня - много,
Рядышком - никого...
Ночь уставилась строго:
Трое - на одного.
Трое, как на параде...
Что ж, перейдем на "ты".
Первый обходит сзади,
Внюхиваясь в следы.
Тот, что второй, - он скромн.
Что ж, и таких берут -
Будут стоять на стреме,
Ну, а при случае - пнут.
Третий... Ну, тот махина!
Встал на дороге - стоп!
Этого можно сдвинуть
Только снарядам в лоб...
Где ж ты, былая завязь
Дружеских теплых рук?
Зло. Равнодушие. Зависть.
Вот и замкнулся круг.
Может, я что не понял,-
Было не до того.
Но эту ночь запомнил:
Трое - на одного.

ДИАЛОГ

- Уйди.
- Уйду... но все к твоим ногам -

Все, от полночных звезд до славы липкой,
Все, что в душе и что в руках,- отдам,
И ничего - взамен. Даже улыбки.
Всю душу выгребу - нигде ни закутка,
Чтоб затаиться чувству или слову,
Чтоб не была протянутой рука,
В которую ты вложишь камень снова.
Чтоб мысли вновь - прозрачны и легки,
И чтоб всегда - прекрасная погода.
Чтоб знания жизни не были горьки
И сердце вдруг не спотыкалось с ходу...
- А что ж тебе?
- А мне - горячий чай,
Чтоб от тоски в душе не захлебнуться.
Чтобы тебя не встретить невзначай,
А встретив вдруг - спокойно отвернуться.
Чтоб жить - ни на ноже, ни по ножу,
Чтоб - нелюбим, так уж хотя бы понят...
- Уйди!
- Уже полжизни ухожу,
Но в спину снова гонят, гонят, гонят!
И глуше шаг, и в жилах вязнет кровь,
И незачем во всем искать основу, -
Уж если это мы зовем "любовь",
Зачем нам "жизнь" и "смерть" -
Два лишних слова.

х х х

Зима... Опять зима: деревья, как игрушки,
И самый чистый снег ложится в грязь дорог.
А у виска свистит шальным ядром из пушки
Случайно кем-то брошенный снежок.
Вон, девушка прошла и улыбнулась будто,
Но я прибавил шаг: торопят сотни дел.
А вдруг это судьба вот этим самым утром
Мне улыбнулась вслед, а я не разглядел?
К героям прошлых лет не стоит и тянуться.
На душах ставим крест и надпись "гололед"...
Я сам не соглашусь вот, прям сейчас, рехнуться,
Копье наперевес, меч в зубы и вперед!
Как много в мире зла, как мало Ланцелотов...
Как много пышных фраз, как мало просто слов.
И острый дефицит бродячих сумасбродов,
И не хватает струн, и песен, и стихов.
А может, все не так? Ведь сердце бьется вроде.
А может быть, сейчас, не глядя, в сей момент -
Ту девушку догнать, спросить хоть о погоде
И отпустить один старинный комплимент?
Я с места взял в карьер, причем, довольно лихо.

Надежды никакой, но все-таки успел!
Взглянула, не дыша, потом назвала психом
И улыбнулась так, что я чуть не запел.
...Зима, опять зима. А печь трещит о лете.
Безверье и тоска уносятся в трубу.
И коль в твоей душе хоть искорка, да светит,
Надвинь на брови шлем и - встреть свою судьбу.

ПЬЕРО

Что грустил, мой друг Пьеро?
Жизнь - не веселая игрушка.
В ней все продумано хитро
От космоса до погремушки.
И твой наивный белый цвет
Не защитит на злой планете
От мелкой сети липких бед
И сочных пятен грязных сплетен.
Да и надежней, впрочем, жить,
Имея дом, жену, зарплату,
И мир тихонько подменить,
Себе поставив с краю хату.
У них покой, достаток, тишь,
И только ты - не "сам с усами"
И все о девочке грустишь,
Что с голубыми волосами.

х х х

Не каприз и не притворство -
Ты с названьем не спеши,
В моей жизни каскадерство -
Как спасение души:
Повисаю на балконах,
Трюком в плотный узел свит,
Вылетев из рам оконных
Чьих-то мелочных обид.
Падаю с коней летящих,
Сбив запретные столбы,
Увернувшись от давящих,
Злых копыт моей судьбы.
Прыгаю с мостов железных
Трезвой памяти своей
И пытаюсь бесполезно
Боль забыть на пару дней.
И в любовь, как в дом, объятый
Самым яростным огнем,

Я вбегаю, если платой
Мне - мое сожжение в нем.
Не умею жить иначе,
Каскадер иль скоморох, -
Жаль, что для тебя я значу
Лишь души переполох.

НАБРОСОК ТУШЬЮ

По белой бумаге, глянец лощеной,
Вожу, как японец, кисточкой черной.
И вот проявляются черною тушью
Людские движенья, костюмы и - души.
Исправить нельзя: есть закон непреложный,
Что тушью набросок стереть невозможно,
Исправить нельзя и украсить в охоту:
Как сделал, так сделал - не переработать.
И движутся люди, под кисточкой тая,
Такие, как есть, а не так, как мечтают.
И черная тушь растекается смело
В сражении вечном меж черным и белым.

х х х

Приключений пьянящая брага
Выводила меня за село.
Что такое - мужская отвага?
Что такое - шелом и седло?
Не удержишь в затворенной келье -
Мне туда, где за взмахом орла
Понеслась с соловьиною трелью
Из кленового лука стрела.
Мне туда, где звенит о шеломы
Быстрых сабель отточенный свет,
Где со смертью так близко знакомы,
Словно братствуют тысячи лет.
Где ветра на кургане забытом
Колыхнули соленый ковыль...
Мне туда, где звенит под копытом
Русских песен далекая быль.

ИРИНЕ С.

Где искать тебя, амазонка?
Привстаю на стальных стременах:

За какой чертой горизонта
И в каких, скажи, временах?
Мир огромный тревожно замер...
Небо взглядом твоим манит.
Вижу след твой в рисунке амфор,
В барельефах афинских плит.
Мне уже ничего не странно...
А в сплетении зим и лет
От заросших степных истуканов
Для потомков один ответ:
"Наши боги суровой прочих..."
Жизнь не сказка, не сладкий сон...
И глядят в мою душу очи
Из горящих седых времен.
...Снова ветер бродячий стонет
На курганах к исходу дня.
И с девичьей серьгой в ладони
Выхожу я - седлать коня.

ВАРВАРЫ

"Вар-ва-ры!" - в хрип переходит крик,
Фыркает кровь из груди часового.
Всадник к растрепанной гриве приник,
Вслед ему - грохот тяжелого слова:
"Варвары!"... Вздогнул седой Ватикан,
Тяжесть мечей и задумчивых взглядов
Боли не знают, не чувствуют ран,
Не понимают, что значит: преграда.
Город ли, крепость, стена ли, скала,
Что бы ни стало - едино разрушат!
И византийских церквей купола
Молят спасти христианские души.
Но и сам бог что-то бледен с лица:
Страх - как комок обнажившихся нервов,
И под доспехами стынут сердца
Старых и опытных легионеров.
Мутное небо знаменья творит:
Тучи в движении пепельно-пенном.
"Варвары!" Посуху плыли ладьи
К окаменевшим от ужаса стенам.
...Быль или небыль о предках гласит -
Ждет лишь потомков пытливого взгляда,
Как Святослава порубанный щит
На неприступных вратах Цареграда.

КНЯЗЬ СКОЛОТ В ПЛЕНУ

Да, мы - россы или скифы,
Как бы ни назвали нас
Ваши греческие мифы,
Только лучше - без прикрас.
Да, мы знаем: ты - Двурогий,
Повергающий во прах,
И тебе победы боги
Напророчили в боях.
Не смотри, что я - в оковах,
Здесь, вокруг - моя земля.
Отвечай на княжье слово:
Задаю вопросы - я.
Отвечай мне, македонец,
Слышал ли когда-нибудь
Гулкий топот наших конниц,
Песнь стрелы, начавшей путь?
Эх, обидно, что ослаб я -
Бить плененного легко...
Вижу: вас вскормило бабье,
Нас - кобылье молоко.
Весть помчит на сауранах
И - попробуй догони!
Загорятся на курганах
Поминальные огни.
Застучат в степях секиры -
Копья вырастут, как лес.
С нами можно только миром,
Только миром, базилевс!
Шепот нарастал до крика,
Непреклонен и суров,
Но не понял царь великий
Половины грозных слов,-
Переводчики в испуге
Искажали смысл речей...
Тупо стискивали слуги
Ножны боевых мечей.
Но догадка опалила,-
Вздрогнул покоритель стран.
"Коль не гнется перед силой -
Смерть!" - промолвил Александр.
...Звезды тлели, сквозь туманы
Посылая робкий свет.
На сторожевых курганах
Вспыхнул скифских глаз ответ.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Копье в гортань - дракон прижат к земле,
Возрадуйтесь, зверье и человеки!
Георгий выпрямляется в седле

И верует, что зло сразил - навеки.
Путь к подвигу короче молодым -
У старости ни силы, ни резона.
Георгий - он, еще не став святым,
Карает зло в обличии дракона.
За веком век, среди других икон
Напоминает, что всемогущ разум.
Но притерпелся к боли и дракон -
Не дышит, но косит горящим глазом.
Зло терпеливо время ждет свое.
Дождется - беспощадными клыками
Враз переломит хрупкое копье,
Уже почти истлевшее с веками.
И - вырвется дракон!
И, ввысь скользя,
Поглотит все живущее - навеки.
Заплачет небо, и сгорит Земля,
И хлынут вспять обугленные реки.
Планета - как один большой погост...
Как черный вздох Галактики пустынной:
Под мертвым светом равнодушных звезд
Лишь пустота и пепел молча стынут...
...В соборе ли, в церквушке средь села,
Ни времени, ни усталости не меря,
Святой Георгий, не сходя с седла,
Сражается и верит, верит, верит!

х х х

Вражеский топор вбит в избы венец...
А ты встань-повстань, старый мой отец!
И к плечу плечом, не ступить назад,
А ты встань-повстань, раненый мой брат!
Осветилась ночь, сея смерть вокруг...
А ты встань-повстань, мой упавший друг!
Над родным жнивьем бешеный огонь...
А ты встань-повстань, мой усталый конь!
Словно смертный вздох - черный дым столбом...
А ты встань-повстань, мой сгоревший дом!
Стук копыт да вой - копыта до небес...
А ты встань-повстань, мой спаленный лес!
Мчатся тучи стрел, все вокруг паля...
А ты встань-повстань, русская земля!
Ликом грозным встань солнца на восход -
А ты встань-восстань, вольный мой народ!

МОИМ ДРУЗЬЯМ

В длительных поисках истины, веры и боли,
Кто-то верхом, кто-то просто с дорожной клюкой,
Мы уходили из дома по собственной воле:
Мы презирали уют и матрасный покой.
Под облаками мы рвали кольцо парашюта,
В юность входя под его белоснежным венцом,
Веруя в жизнь. Но порой выпадало кому-то
Вниз, в перехлестнутых стропах, в ромашки лицом...
Гнали коней мы, отчаянно-нетерпеливы,
Нас проносящих сквозь годы, сомненья и быт.
Если же кто-то не мог удержаться за гриву -
Как мы спешили спасти его из-под копыт.
Что мы узнали? Как пахнут сгоревшие травы,
Как останавливать кровь и стрелять на бегу,
Как нелегко быть всегда убедительно-правым,
Старых друзей оставляя на том берегу...
Но расправлялись нам вслед ковыли понемногу.
Память о доме, таясь, согревалась в груди.
Что мы успели? Найти горизонт и дорогу,
С вечною песней о той, что нас ждет впереди.

РАЗДУМЬЕ

Который год никак не разберусь:
Кто я такой на жизненном пиру?
И почему все время тороплюсь,
Как будто завтра я уже умру?
Я тороплюсь в случайном ритме встреч
Одуматься, опомниться, спасти
И друга от несчастья убересть,
И чью-то пулю грудью отвести.
Спешу опять сказать, решить, допеть,
Разведать неизвестные пути...
Неужто так уж страшно - не успеть?
Неужто жизнь уже - не впереди?
И разве наши долгие года
Прносятся, как желтые листья?
А если с неба падает звезда,
То это только раз и - с высоты!

СКРИПКА

Знакомство, встреча и ошибка
Судьбы с судьбой...
И слышу я, как плачет скрипка
О нас с тобой.
Она давно меня простила
И верит мне,

Но ты устало прислонила
Ее к стене.
Ты смотришь в радостные лица -
Ты им верна,
А за меня могла вступиться
Она одна.
Все, что металось и кипело
В душе моей,
Она сказать тебе хотела
Меня верней,
Не думая и не гадая -
Лишь бы успеть!
Прильни щекой и, не мешая,
Дай ей - допеть.

ПЕСНЯ СКРИПКИ

Песня скрипки. Свет свечи...
Почему я так беспечен?
Я же знал: не будет вечен
Миг декабрьской ночи.
Песня скрипки. Огонек...
Вальса тающие звуки.
И - протянутые руки
Через тысячу дорог.
Ни улыбки, ни словечка,
Ни признанье, ни любовь...
Вечер наш сгорит, как свечка,
И не повторится вновь.
И, наверно, без меня
Ты смычок ласкаешь снова.
Я же жгу фитиль сурово,
Греясь у его огня.
Мне тепло, как от печи...
Дружба бьется, словно блюдце,
Но со мною остаются:
Песня скрипки. Свет свечи.

х х х

Мне говорят, что я тебя придумал,
Что сочинил улыбку и глаза.
Что не взгляделся, трезво и угрюмо,
Не взвесил "против" и не взвесил "за".
Вообразил и доброту, и нежность,
И ласку рук, и трепетность ресниц,
И детских губ нетронутую свежесть,
И душу - без оков и без границ.

И невесомый от природы шаг,
И чистоту волос золототканых...
Пусть все, в конце концов, совсем не так,
Но в хороводе образов неожиданных
Останься выдумкой, несбывшейся мечтой,
Полетом птицы, кликом лебединым.
Стань мореходной дальнею звездой,
Рожденной вдохновением единым.
Метелицей по улицам метя,
В сомнениях и головокружении,
Чтоб понял я, что видел не тебя,
А зеркала слепое отраженье.
И вот тогда, идя напропалую
И не решая: "Быть или не быть?" -
Дай силы мне узнать тебя - земную,
Увидеть, разглядеть и - полюбить.

х х х

День, где виденьем - встреча с тобою.
Новое утро - как после боя.
Новое утро в старую смуту:
День, что был отдан за эту минуту!
Новый отдам, чтобы только увидеть,
Чтобы и взглядом тебя не обидеть,
Издали, робко, с сердцем застывшим,-
Только б минуту... Только б услышать
Голос негромкий, шаг невесомый,
Смех серебристый - слишком знакомый.
Только б минуту, только б мгновенье -
День отдаю лишь за взгляд на творенье
Жизни, которая мне подарила
Девушку, что ничего не простила.

х х х

Может быть, слаб я?
А может быть, трус?
Трудно в себе самому разобраться.
Был, и не раз,
В непростых ситуациях
И не боялся,
А тут вот - боюсь
Взглядом задеть
Или словом обидеть,
Жестом неловким спугнуть тебя:
Вдруг
Чудо закончится -

И не увидеть,
Как рассыпается
Сказочный круг.
Новая встреча...
О, как же ты близко!
Смотришь в глаза, словно в душу,-
Насквозь,
Я замираю на лезвии риска
И ничего не беру на "авось".
Эта открытость - без капли сомнений.
Вводишь в свой мир -
Замирает душа!
...Падают листья под ноги, шурша,-
Воспоминания светлых
Мгновений.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Тополь, помолчи,- в густых потемках
Легкий сон слетает ей на очи,-
Пусть Алина спит, и сон ребенка
Не тревожат звуки синей ночи.
Золото волос... Подушки хлопок...
Лунный луч посеребрил ресницы...
И от Волги до таежных сопок
Пусть прохлада в эти сны струится...
Пусть она увидит под часами,
Как поется в рыцарских балладах,
Юношу с гусарскими усами,
Взгляд его, где горечь и бравада.
Пусть увидит, как своим капризом
Кружат сад в объятьях листопады...
Моцарта в мгновенье импровиза,
Моцарта - еще до чаши с ядом!
Пусть услышит в сладком сне Алина
Музыку, что в сердце отозвалась,
Лета отзвук в песне лебединой
И зимы прощальную усталость...
Пусть ей снятся розовые кони
И полночных звезд высоких пенье...
...Спит Алина - под щекой ладони,
До рассвета - целое мгновенье...

ТЫ ПРОСТИ...

Я спешил, я сбился с ног,
Я еще не знал, что поздно.
Я себе все руки сжег,

Доставая с неба звезды.
Торопился, неся вскачь
И не знал, что опоздаю...
Ты прости меня, не плачь,-
Сам себе я - не прощаю.
Повторилась сказка вновь,
Искаженная немного,
И Успех, Война, Любовь
Преграждали мне дорогу,
Славу пели соловьи...
Сквозь успех не смог прорваться,
И до солнечной любви
Мне не удалось добраться.
На гнедом своем коне
Я не минул доли строгой
И остался на войне:
Мне обратно нет дороги.
...Не грусти, из майских гроз
Радуга на землю станет.
Ты из всех упавших звезд
Сохрани одну на память...

ГРАНИЦА

Лишь у ранней зимы есть свое
Нераздельное право:
Погружать суету
В снеговое объятие сна.
Ждем рассвета.
Пока не проснулась застава -
Тишина...
Ах, какая вокруг тишина!
А на той стороне
Все такие же горы и ели.
А на той стороне
Колыхнулся белесый туман.
Там, на той стороне,
Муэдзины тягуче запели,
И - не верь тишине:
Тишина - это тоже обман.
Мне потом, на гражданке,
Не раз еще, видно, приснится
И чужая,
И та, что сейчас за спиною, страна,
И рассвет,
И туман,
И негромкое слово "граница",
Над которой пока тишина,
Тишина, тишина...

х х х

Пишу стихи.
Мой строгий капитан,
Вы все смеетесь? Я не ради славы.
Они - во мне... И с горем пополам
Учу заставы строгие уставы.
Стихи - на турнике и на "козле" ...
Их тихий голос пробивает камень.
И на меня шатающей земле
Стихи растут, как мак весенний, сами.
Вокруг одна поэзия видна!
И я спешу, не выбирая броду,
Сорвать цветок!
Но рядом старшина:
- Кру-угом! В наряд!
Чтоб впредь ценил природу...
Наверное, дела мои плохи -
Здесь не ответишь:
- Я и сам - с усами...
А над заставой вновь летят стихи,
Родными окликаая голосами.
Да и усов уже в помине нет -
Гусарская краса не по уставу.
Но красоты земной прекрасен свет,
И я писать стихи не перестану.
Быть может, я и впрямь не подхожу
К армейской службе -
Точной и суровой?
...Опять наряд уходит к рубежу -
Я на ходу низаю слово к слову.

х х х

Жду звонка. А вечер в тучах тонет...
Жду звонка. А телефон молчит.
Кресло подо мной скрипит и стонет,
Предъявляя перечень обид.
Вновь вздохнет басовою струною
Белая гитара у стены...
Уведет старинной ворожбою
Гумилев в загадочные сны.
Мир волшебный, трепетный и робкий
Тайной слов чарует и манит...
Я же расшибу эту коробку,
Если вот сейчас не зазвонит!
Как дурак, сию весь вечер дома:
Тишина - как будто бы назло.
"Позвоню..." О боже, как знакомо!

Аж от скуки скулы повело...
Обещала в шесть, а скоро десять.
К черту и угрозы и нытье!
Но терпенья чашу перевесит,
Если... Зазвонило! Да?.. Але?!
Да, квартира... Да... А что за дело?
Маму? Да, пожалуйста. Прошу-с...
Все. Довольно. Хватит, надоело:
Я устал, я просто спать ложусь.
...От трезвона трубка как подскочит!
Я спросонок хриплый и - суров:
- Ты сума сошла? Двенадцать ночи!
Спать пора, какая там любовь...
Бросила... Ну все... пошла топиться?!
Впрямь дурак - ничто не излечит...
Завтра извинюсь... Сейчас не спится?
Нету сна... И телефон молчит.

х х х

Ты просила написать? Будь по-твоему.
Окунемся, так сказать, в дебри прошлого.
Вот и память брызжет болью утроенной,
И плохое помнит все, и хорошее.
Понимаешь, ты такая красивая,
Нет семнадцати и жизнь беззаботная.
А моя душа - не небушко синее,
Хоть, конечно, и не тина болотная.
Понимаешь, просто сердце - как выжжено
Ожиданьями, молчаньем, разлуками.
В клетке ребер бьется горько-униженно,
А лечу его я сказками глупыми.
Было время - сам глядел ясным соколом,
Сам судьбу ковал и мог - невозможное.
Только встретилась одна, невысокая,
Сразу стал ручным и стреноженным.
Было время, вешний град в спину выстрелил,
И последние снега птицы выпили...
Душу под ноги ковром ей так и выстелил,-
Вот об этот-то ковер их и вытерли.
Даже обуви не сняв: эка невидаль!
Эх, дурная голова, масть бубновая...
Старых песен голоса тают медленно,
А смогу ль назвать тебя песней новой?
Целоваться-то и то - не обучена...
А играть с тобой себе не позволю я.
Что же сердце так и точит, и мучает?
Или жаль чего, иль так - меланхолия?
Нелегко на свете жить, как распятому...
Впрочем, кажется, привык и не жалуясь.

Но - со мной иль не со мной - дело пятое,
Будь счастливой...
Будь счастливой! Пожалуйста...

х х х

Все одной тебе -
Весь свой мир отдам:
Пусть во сне - да твой,
Не ничей...
Облака смешав,
Я воздвигну храм
В позолоте степных лучей.
Все везде успею,
Все и вся любя -
До шальной волны краток срок, -
Из песка дворец
Вылью для тебя,
Ах, какой на Волге песок!
И на дне морском
Звезды все собрав,
И на небе - мне хватит сил, -
Все к твоим ногам...
А уж прав - не прав? -
Весь вопрос лишь в том:
Мил - не мил?
Только я его не задам тебе,
Может, кто другой и спросил...
Ну, а мне бы знать,
Что в твоей судьбе -
Был ли я вообще?
Я ли был?..

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

* * *

Вот выйду, взгляну на небушко,
А сердце в печали екает.
Ведь где-то ждет меня девушка
Прекрасная, но далекая.
Там в дымке у моря синего,
А в ясный день бирюзового,
Закаты плывут красивые.
Но вырвусь туда ли снова я?
Там ходят гнедые лошади,
И птицы поют возвышенно.
Там тают в платанах площади,

И спят облака над крышами;
Там горы стоят косматые
В уборе деревьев смешавшихся.
Там парни под маскхалатами
Хранят любовь к недождавшимся.
Подъемы в ружье привычные,
Но потом удача мерится.
И в полосу приграничную
Всерьез-то не сразу верится.
Вернуться туда б... Да где уж там...
Повязан делами, строками.
А где-то ждет меня девушка
Прекрасная, но далекая...

х х х

На мостовой играют солнца блики,
А на душе снега метет зима.
Цветы разлуки - желтые гвоздики
Несу тебе и не схожу с ума.
Как это странно, глупо и нелепо
И, главное, не надо даже слов.
Несу букет, слепой, безумный слепок
Твоих любимых бархатных цветов.
Зачем гадать, что будет, что не будет,-
На сто вопросов лишь один ответ.
И мне сейчас совсем чужие люди
С неясной грустью молча смотрят вслед.
В твоих глазах ни радости, ни муки,
И я не понял, ты или не ты:
Взгляд был спокоен, но дрожали руки,
Когда ты в вазу ставила цветы...
Расстались, как и не были знакомы -
Двух гордых душ могучая стена.
Приехал ночью, глянул, а над домом
Цветком разлуки - желтая луна.
Но тишина внезапно раскололась,
И я не верил слуху своему,
Услышав в трубке твой далекий голос:
"Ты напиши. Я все теперь пойму..."

х х х

Он странный был парень. Все
Порой совершал грехи.
Другим дарил поцелуи,
А ей посвящал стихи.
В каком-то хмельном угаре,

Опять-таки не как все,
Другим играл на гитаре,
А ей заводил Бизе.
Познав мастерства секреты,
Игривым резцом Буше
Другим рисовал портреты,
Ее же ваял в душе.
И был он на самом деле,
И совесть храня и честь,
С другими - каким хотели,
Лишь с нею таким, как есть.
Ее воспевал он имя,
Молился ее глазам.
Других принимал земными,
Ее вознес к небесам.
А ей так хотелось ласки,
Огня, поцелуев, слов.
Но он, как в старинной сказке,
Любил лишь свою любовь...

х х х

Девушка из третьего купе -
Чудо с бирюзовыми глазами.
Как герой великого Распэ,
Я играю жизнью и стихами...
Низведу запретное табу,
Упиваясь радостью открытий.
Сам себе придумаю судьбу,
Сам себе направлю рок событий.
Оседлаю черного коня
В стиле паладинов и эмиров,
Вознесу на кончике копья
Званье королевы всех турниров.
Положу венец у ваших ног
И, звеня изрубленной кольчугой,
Навсегда исчезну в ритме строк
Менестрелей с пламенного Юга.
Все вернется - хлеб и молоко,
Жизнь сольется в годы и мгновенья...
Рыцари уходят так легко
В даль, в небытие и в сновиденья...
Стук колес иллюзию создаст,
А быть может, просто не заметит
Отраженье бирюзовых глаз...
Стук копыт на стыке трех столетий...

ВСТРЕЧА

Тебе казалось: это очень просто -
Как жемчуг, обронить десяток слов...
А знаешь, ведь Земля всего лишь остров
Средь тысячи вселенных и миров.
И мы на ней лишь гости - на мгновенье
Пришедшие в движение планет
По высшему чьему-то вдохновенью
Лишь только раз, чтобы увидеть свет...
Не чудо ли, что в этой яркой вспышке
Столкнуло нас в горниле звезд и чувств,
Не где-то, не шутя, не понаслышке -
Глаза в глаза, смешав дыханье уст?
Мы встретились... И не сказав: "спасибо"
Судьбе, укрывшей нас, как двух котят,
Слепых и глупых, от бетонной глыбы,
Которую, разлукой окрестят
Другие люди. Те, что будут следом,
Что разберут сюжет, характер, жанр:
Что было с этим раненым поэтом
И с девочкой, направившей удар?
Они поймут, что было между нами.
Оценят вес поступков и обид.
Напишут трехметровыми словами,
Что золото не все, мол, что блесит.
...А мы, на них взглянув, как в кинозале,
Из тьмы своих ухоженных могил,
Вдруг вспомним просто вечер на вокзале -
Один лишь вечер... Пусть один - но был!
И было - все... И не хотела стрелка
Часов вокзальных двигаться вперед.
Все, что потом,- так пусто и так мелко...
Все, что потом,- отчаянье и лед!
До этих строк потомкам что за дело?
И у свечи так робок огонек...
Любовь была. Но ты не разглядела.
Я не судья.
Прости, что не сберег...

х х х

Я забываю имена.
Спросонья или сполупьяна
Басовым звуком фортепьяно
Встает забвения стена.
Я забываю голоса,
И даже старых песен звуки
В мои протянутые руки
Ложатся лишь на полчаса.
Я забываю адреса...

И те, кто где-то ждут упрямо
Письма иль строчки телеграммы,
Уже не верят в чудеса.
Я забываю, как в бреду,
Победы, пораженья, войны.
Так тише и куда спокойней,
И, в общем, знал, куда иду.
Душе теперь не привыкать,
Плащом забвенья укрывая,
Страницы памяти листая,
Их беспощадно вырывать.
Но тянет, что там ни пророчь,
За бешенством ветров-скитальцев,
Разбить стекло, изрезав пальцы,
И чье-то имя крикнуть в ночь...

х х х

Сколько весен прошло. Мне уже двадцать три.
Сплавы верности, клятвы и непостоянства.
Я, конечно, не стар, просто где-то внутри
Зреют мысли о вечности и о пространстве...
Сколько силы в руках, сколько можно успеть
До прощального текста на траурном канте.
Я не скоро умру и надеюсь, что смерть
В чем-то тоже, как жизнь по теории Данте.
Эта вечная жизнь, просто в мире ином,
Что при жителях стольких однако, не тесен...
Если буду в аду, то на круге втором -
За безумство любви и за яростность песен.
Если рай, что ж, и там можно, видимо, жить.
Там культурные люди и общество мило.
Я, конечно, найду, что читать, с кем дружить...
Только вечный покой скоро станет постылым.
Что мне там без тебя? Ты пойми и прости.
Это время слепое стучится и стонет.
Просто душу мою ты в ладони впусти -
Пусть мой Ад или Рай будет в этих ладонях...

х х х

Все кувырком. Огонь и лед.
И целомудрия грехи.
И я полночи напролет
Читал стихи, читал стихи.
Плескались звуки в темноте,
И в ритме строк звучал апрель.
А там, в безбрежной высоте,

Звенела звездная капель.
В ладони теплый шелк волос,
Так безмятежно золотых...
И мучил маленький вопрос:
Что это - песня или стих?
А может, - сон, а может, - бред?
Цветной цветаевский романс?
Так близко между "да" и "нет"
Мы этой ночью первый раз.
Да что мы знаем о любви?
Весь опыт прошлого не в счет.
Как далеки глаза твои...
Как близко смуглое плечо!
Хранила сон моя рука,
А разум в облаках витал,
Но почему-то я пока
Счастливых строк не написал.
И мысль о счастье в этот час
Не приходила, хоть убей.
И даже пару легких фраз
Не мог связать я в голове.
"Любовь - творец!" А что творит
Твое дыханье в этот миг?
И, словно серебро, горит
На медной коже лунный блик.
Я знаю - все умчится прочь
В рассвета алые штрихи.
А в сердце - боль, любовь и ночь,
И напролет стихи, стихи...

МАРИЯ-АННА (1991)

ВСТУПЛЕНИЕ...

Замшелые камни когда-то известных могил
Откроют все тайны умеющим слушать и ждать,
О тех, кто когда-то боролся, страдал и любил,
И, видимо, тоже совсем не хотел умирать.
Послушайте голос полыни на горькой земле, -
Для памяти - годы, для времени -
крошечный миг.
Одни умирали, как жили, - с улыбкой, в седле,
Другие в постели, среди лицемерных родных.
Как время стирает деяния и города,
И те имена, где смешались и небыль, и быль...
Но если о первых хоть песня звучит иногда,

То что от вторых нам осталось?
Лишь серая пыль...

х х х

Это было со мной, но в какое-то
Давнее время,
О котором забыл или вспомнить
Еще не успел.
Мне тогда не казалось звенящим
Горячее стремя,
Я не слышал поэзии
В жалящем шелесте стрел.
Мне казалось, что меч -
Это просто оружие боя.
Я любил свой клинок,
Но без ложного пафоса слов.
И в понятии: "смерть"
Мне не чудилось что-то такое...
Умирать, чтобы жить -
Вот простая основа основ.
Как мы верили в жизнь!
Но никто не боялся и смерти.
Все боялись лишь мора
И гнева суровых богов.
Над огнем и в огне
Нас ворочал чудовищный вертел,
И судьба нам являлась
В смятении пророческих снов.
Горький дым пепелищ
И горящие гневом погони,
И ночные бои
Средь огня половецких костров...
Были кони у нас -
Ах, какие у нас были кони!
Я сейчас, как тогда,
Целовать их копыта готов.
И друзья на руках умирали,
Успев улыбнуться,
И бессильные слезы текли
По небритым щекам...
Я безумно хочу
В это давнее время вернуться
И пройти по своим,
Может быть, неостывшим следам.
Звездный полог принять
Вместо быта в оклеенных стенах,
Вольной жизни вдохнуть
Вместо лозунгов, правил и слов...
Это время мое

Горькой памятью пенится в венах
И зовет за собой
Древней песней славянских богов.

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Диптих

НАЧАЛО ТЫСЯЧЕЛЕНИЯ

Ты не просишь пощады? Гордый...
Ночь всю степь синевой укрыла.
Зарастают травой сорной
Даже самых отважных могилы.
Ты над смертью в глаза смеялся,
Но сегодня над ней не волен.
Почему ты не защищался -
Даже руки связать позволил?
Что молчишь? Иль на сердце пусто?
Иль не сбылись гаданья снов всех?
Но, хоть ты не похож на труса,
Нас щадить не учили вовсе.
И заря для тебя не встанет,
Мне лишь стоит нахмурить брови.
Слышишь, стрелы в моем колчане
Взвыли, запах почуяв крови!
Почему ты так странно смотришь?
На лице твоём шрамов просечь...
Гнев богов - он всегда наотмашь...
Ну скажи же хоть слово, росич!
Пусть в огне не бывает брода,
Стоит жить ли болотной слизью?!
Знай, жестоки законы рода:
Непокорные платят жизнью.
Уходи! Я разрежу пути.
Видишь, воздух напоен смертью...
Уходи! Непонятный... Любый...
В край, где ждет тебя чье-то сердце.
А чтоб встретиться вновь друг с другом,
Путь наш долог, как бесконечность...
На мгновенье лишь, дай мне руку -
Между мной и тобою - вечность!

В КОНЦЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЯ

Было время, и каждый третий
Погибал тогда на коне...
Я листаю пласты столетий
И они давят горло мне:
Были росичи и хазары,
Киев, Полоцк, Рязань, Кижы...
Были сабельные удары,
Грубо кованые ножи.

Но когда-то спаленный колос
Прорастал сквозь золу и прах.
И далекий девичий голос
Неустанно стучит в висках!
Где ни попадя гнев срываю
От отчаянья - не со зла.
Может, что и не понимаю,
Но была ведь, была... Была!
Как в предверьи забытой тайны,
От волнения не дыша,
Память, словно резцом хрустальным,
Чертит профиль ее, спеша.
И несется гнедая лошадь,
Презирая ветров оскал...
"Гнев богов - он всегда наотмашь"! -
Кто, когда мне это сказал?
Голос - свистом ногайской плети:
"Уходи!" - а в глазах мольба...
Лишь на миг в суете столетий
Нас столкнула, шутя, судьба.
Эта песня во мне не стынет...
От беды своей горд и груб,
Я вдыхаю дурман полыни,
Словно запах знакомых губ...

СКОМОРОХ

"Ты хочешь жить?
Послушай, скоморох,
Я нынче добр,- скажи Христу спасибо.
Для воров и убийц у нас острог,
Для вашей братии одна петля да дыба.
Чего ж молчишь? Чего отводишь взгляд?
А что ты нес тогда при всем народе?
Так, что валился с хохота посад,
И третью ночь не спится воеводе?
Ну, повтори, что говорил при всех?
Под пыткой говорить совсем несложно...
Что ты сказал? Ах, ты!.. Откуда смех?
Что? Стражники смеются? Ах, безбожник?
Углей сюда! Ну, я те посмеюсь!
Как милости, крича, запросишь смерти...
Подать щипцы! А... встрепенулся, гусь?
Что ты сказал? Опять заржали, черти?!
Всем замолчать! Иуды! Запорю!!!
Любого - кто хоть только улыбнется!
В тиски его! К огню его! К огню!!!
Смеется? Он смеется... Он - смеется!"
...И возносился стон до небеси,
И чьи-то раны засыпались солью,

И скомороший смех по всей Руси
Звенел и струнной, и кандалной болью.
Но как бы там ни зажимали рот,
А смех был независим, словно солнце.
И знать со страхом слушала народ,-
Смеется ли? Смеется! Он - смеется!!!

РЫЦАРЬ

Шотландская баллада
Я вновь склонен у твоих колен -
Я только сейчас с коня.
Не страшен был сарацинский плен...
Но как ты ждала меня?
В крови мой плащ и зазубрен меч,
Пробита моя броня.
В конце концов не об этом речь...
Но как ты ждала меня?
Пока я бился в чужих краях,
Не зная ночи и дня,
За гроб Господень, за чистый прах...
Но как ты ждала меня?
Шаги за дверью - измена в дом
Страшней степного огня.
И месяц узким сверкнул клинком...
Но как ты ждала меня?
Из крепкого бука шотландских роц
Поднятая мной скамья.
А в спину всажен толедский нож...
Но как ты ждала меня?
Два шага... Только бы не упасть
На грани добра и зла.
В последнем вздохе упрек и страсть:
- Но как ты ждала...

ДОН ЖУАН

О нашей беседе
Зевакам узнать не дано...
Помилуйте, леди! -
Жалеть о прошедшем смешно...
Наивно немножко,
Но чувства кружили, как хмель.
Рукой из окошка
Махните мне, мадмуазель...
А ревность и ссоры -
Приправы к любви в самый раз:
Ну что вы, сеньора? -

Я думаю только о вас!
Коль вы не простите -
Я просто возьму и умру!
Но, пани, продлите
Один поцелуй на ветру!
Пусть там, на погосте,
Когда-нибудь мы отдохнем -
Ах, барышня, бросьте:
Никто не увидит, идем!
В любовном тумане
Раскаянье позднее - вздор!
И медленно тянет
Десницу свою Командор...

МАРИЯ-АННА

Триптих

I

Разбит волной форштевень корабля,
И штормовое море так тревожно...
А впереди далекая земля,
К которой подобраться невозможно.
Еще два дня и точно - будет бунт...
Прошу: услышь меня, Мария-Анна!
Но даже ванты наподобье струн
Поют о горькой доле капитана.
За нами смерть сегодня - по пятам:
Здесь, на борту, уже не мало мертвых...
Я точно знаю: берег где-то там!
Но за туманом не видать ни черта.
Тяжелый день... И кровь стучит в виски.
Команда ни во что уже не верит...
Два пистолета. Взведены курки.
Они идут,- шаги уже у двери.
Кто первый? - Выходи!
...Короткий бой.
В камзоле рейнском колотая рана,
И выстрелы, вдруг перекрывший вой:
- Земля! Земля!
- Прости, Мария-Анна...

II

Ты жив еще? Я за тобой пришла.
Корабль твой на рифах удержался.
Команда в шляпках к берегу гребла,
Но ни один до суши не добрался,
Ты выполз из каюты? Что потом?
О жажда жизни - нудная забота...
Ну вот: лежишь на палубе, крестом
Раскинув руки, и зовешь кого-то,
Наверно, бога? Глупый человек!

А я вот прихожу всегда незванно...
Не слышит бог, - кричи хоть целый век.
Что ты сказал? Как, как? - Мария-Анна?
Мария-Анна! - Вот о чем печаль?
Все о наивной страсти человеческой -
Все о любви... Но как тебе не жаль
Расстаться с жизнью навсегда, навечно?
Пойми: ты - мой. Спасенья больше нет:
Час или два - прилив развалит судно.
Чего ж тянуть? Вот чей-то пистолет -
Бери, я пододвину, мне не трудно...
Тонуть в волнах, как брошенный щенок,
Иль смерть принять по рангу и по чину?
Плотней на дуло уложи висок.
Чего ты тянешь? Ну же, будь мужчиной!
Нажми курок - всего какой-то миг...
Иди ко мне и сам себя не мучай!
Что это там вдали? Английский бриг?
Идет сюда... Какой нелепый случай...
Гляди - тебе матросы машут с вант, -
Поднимешься?! Какое чувство долга...
Ну что ж, даю отсрочку, капитан!
Прощаемся, надеюсь, ненадолго...

III

Весна манит сиреневым вином
И полногрудным ощущеньем воли...
Что я скажу, когда войду в твой дом
И трону дверь, знакомую до боли?
Вот кто-то промелькнул из-за стекла
Оконного... Но не она... Как странно -
Старуха? Эй, старуха! - Здесь жила
Когда-то девушка - Мария-Анна...
Я так хотел упасть к ее ногам!
Я долго шел...
Ах, ты глуха на ухо?
Мария-Анна! Что? Что значит: "там"?
Там - кладбище...
Ты лжешь... Ты лжешь, старуха!
Я умирал - я дважды видел смерть,
И лишь любовь давала к жизни силы...
Ты лжешь - она не может умереть! -
Она ждала... Она меня любила!
...Нет больше слов. В груди тоскливый вой,
И в сердце боль накатывает глухо.
Смеешься? Ты смеешься надо мной?!
Напрасно - я узнал тебя, старуха.
Мне в этом мире ничего не жаль.
Одна лишь мысль стучится неустанно:
Отсрочка... Что ж, недолгая печаль...
Я вновь иду к тебе, Мария-Анна!

ЛЮБОВЬ

В певучих строчках рыцарских баллад,
Под звон мечей и чаш она рождалась.
И с каждой песней вознесясь стократ,
Любовь с небесной сферой смешалась.
Понятие: "небесная любовь"
Для неба не жалело красок синих.
И даже в очертаньях облаков
Казались людям облики любимых.
Как револьверной пулею в туза
Приходит смерть и милует, и губит.
Но даже мертвый открывал глаза,
Поняв, что на земле и ждут, и любят.
Понятие простой, земной любви
Бросало порох в кровь и жар в ладони.
Ей посвящали оды соловьи,
К ней восходили лебеди и кони.
И две любви над миром раскрыля,
Их жизнь соединила в быль и небыль.
Различные, как небо и земля,
Единые, словно земля и небо.

НЕЗНАКОМКА В АВТОБУСЕ

Девушка с рыжей косой ниже пояса -
Огненной лавой, катящейся с плеч,-
Мысли в смятении, чувства в расстройстве,
Где уж тут каплю рассудка сберечь?
Белая кожа каррарского мрамора, -
Целая песня, по крайности - стих...
Брови вразлет восхитительно траурны -
Черного бархата тающий штрих.
Мысли о прошлом, мгновенно сметенные,
Мысли о будущем стерты с доски,
Только глаза так волшебны-зеленые,
Память надежды, весны и тоски...
Двигается к выходу - близко ль до дома ей?
Время-то к ночи... Пойти, проводить...
Вышла и сразу, увидев знакомого,
Хрипло ругнулась, спросив прикурить.
Как развернуло меня - "на попятную"! -
Медленно, медленно стынет душа:
Чуть не влюбился... И дело понятное...
Стерва, конечно... Но как хороша!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Правду... Правду?
Только правду!
С неба вниз:
- Гражданин судья, вы славно
Развлеклись.
Речь моя бессвязна слишком
И смешна.
Да - влюбился, как мальчишка!
Да - одна...
Лишь одна - на целом свете,
Прочих - нет!
Как же я ее не встретил
Столько лет?!
Пусть о нас растреплют разом
Все друзья...
Вы - холодный, трезвый разум.
Вы - судья?!
Старых сплетен вдохновенье,
Слухов нить...
Вы - общественное мнение?
Вам - судить?
Что вы знаете об этом?
Все не вточь!
Сумасшедшим и поэтам
Не помочь.
Я не каюсь, добры люди,
Крик иль стон? -
"Да, виновен!
Да - подсуден!
Да - влюблен!!!"

х х х

Ветер ночной суров.
И далеко рассвет.
А у меня любовь
Вечно меж "да" и "нет".
Снова не как у всех -
Сердца не приневольт.
Горькое слово "смех",
Сладкое слово "боль".
Белой бумаги лист,
В баночке черной тушь,
Музыку дарит Лист,
Веря в единство душ.
Вялы движенья рук...
Но уж сложилось так:
Мутное слово "друг",
Ясное слово "враг".

В гриву вцепясь, держись! -
Бурных дней круговерть...
Так же жестока жизнь,
Как милосердна смерть.
Но из последних сил,
Стоя, как на краю:
Прошлое - "я любил..."
Вечное - "я люблю!"

х х х

Какое бешенство в крови
И в жилах жжение!
Перевернулся целый мир,
И нет спасения!
Кто эту ночь благословил -
Не царь ли ада?
И нет спасенья от любви,
И нет пощады.
Движенье взглядов, мыслей, губ
И рук скольженье...
И резок сердца стук... И груб...
И нет прощенья.
Я был от рая в двух шагах,-
Закрыты врата,
И прежний бог повергнут в прах.
И нет - возврата?

х х х

Ларисе В.

В зеленой мраморной комнате
Продуманность - невзначай.
Там были всегда, Вы помните?
Поэмы Лорки и... чай.
За боль и печаль возмездием
Плыл запах увядших роз,
А в окнах цвели созвездия
Осколками прошлых грез.
Витало там вдохновение,
Но думалось об одном:
Какие глаза оленьи
У девушки в доме том...
И вновь переходим к шепоту,
Где мы почти на "ты",

Словно к волшебному омуту
Нежности и доброты.
В зеленой мраморной комнате
Витают в обрывках снов
Великая и непонятная
Такая земная любовь...

НАВАЖДЕНИЕ

Что-то душно мне сегодня и невесело:
Накатилась боль-тоска, их величество:
Ночь сырая. И трава пахнет плесенью...
И весь вечер чей-то взгляд в спину тычется.
А возьмусь за карандаш,- и немедленно
Так и прет из-под руки вся нелепица:
Средь болотных камышей рожа ведьмина
И кошачьи глаза так и светятся!
Хороша, как херувим... Даже с рожками.
А коль их спилить, - тогда вовсе лапушка...
И ведет меня кривой дорожкой
По болотам, по пескам, да по камушкам.
Я и вправду не встречал, чтоб - красивее,
Только сердце злая боль жмет и комкает,
И ржавеет за окном небо синее, -
Запах серы с губ ее бродит в комнатах.
Рву бумагу и - в рассвет, ясный, ветреный!
За стеклом фонарный свет надоедливый,
Жаркий оттиск женских губ -
ало-пепельный,
Да зеленые глаза - тают медленно...

НАТУРЩИЦА

*

"Натурщица..." На-ту-р-щи-ца! Взгляните?!
Вся голая, и, нате вам,- стоит!
Позирует! А где же здесь, скажите,
Девичья честь? Элементарный стыд?
У... во коза! С такою-то фигурой...
Художник, видно, парень с головой:
С такой девахой, если шуры-муры,
Я б рисанул... А чо? А я такой!
Недурно, но... Увы, не в колорите...
Неверен цвет, в рисунке есть изъян.
Я рассуждаю, в общем-то, как зритель,
Недурно, но... увы - не Тициан!
Ведь надо же бесстыдства-то набраться?!
И я еще справней ее была,

Но мне б так предложили рисоваться,
Так хоть озолоти - а не пошла!
Натурщица. Ну вот опять... Порода
Таких девиц ясна, как спортлото,
Красиво, нету слов, но для народа...
Для молодежи... Все-таки не то...
*

Узнают или нет? Смешно и страшно.
А вдруг придут знакомые, друзья?
Как я решилась? Это бесшабашно,
Но так красиво... Я или не я?
Конечно я. Осанка, руки, плечи.
Стоят студенты. Слышу их слова:
"Ужели это дочерь человечья,
Поднятая до ранга божества?"
Смеются. Или нет? Глаза серьезны.
Блеснул кавказца радостный оскал,
А если что, оглядываться поздно...
Ведь не поймут, что только рисовал,
Что даже взгляда липкого не бросил?
Что он другой, что не такой, как все?
Его палитры радостная осень
И та струит какой-то теплый свет.
Он так писал безумно, вдохновенно.
Что не сложилось - не его вина.
А я... Что я? Вполне обыкновенно.
Не узнают. Не верят, что земна...
*

Холст дышит сам. Едва сойдя с мольберта,
Тебе уже он не принадлежит:
Любая красота легка и смертна,
И время, как речной песок, бежит.
За годом год. Как пчелы лепят соты.
Пройдет и жизнь. Та девушка умрет.
И хорошо, если твоя работа
Хотя б на день ее переживет.
После ее, после моей ли смерти,
Натурщицу увидев на холсте,
Хоть кто-нибудь, без зла и грязи в сердце,
Пусть удивится этой красоте.
Пусть будет добр, пусть будет чист и ясен,
Пусть этот мир не превратит в мишень,
Почувствует, что человек прекрасен,
И это чувство сохранит в душе.
Ну, хватит, все, спусти на землю сходни,
Наговорил и в шутку, и всерьез.
Ты позвони, и встреть ее сегодня,
И захвати букет огромных роз...

Я УЕДУ В ПАРИЖ

Волжский мой городок - гладь да тишь.
Рассуждаю наивно и смело:
Мне сейчас очень нужно в Париж,
Понимаете, срочно, по делу!
Козырнет часовой на посту
И - родное уже за порогом...
У меня на Лионском мосту
Намечается встреча с Ван-Гогом.
А потом, погуляв вдоль реки,
Заглянуть под влияньем момента
В кабачок у папаши Танги -
Выпить горькую рюмку абсента.
Мне твердят: "Ты устал, ты блажишь -
Закружили семья и работа..."
Но мне надо, мне надо в Париж!
Очень надо... И очень охота...
Там, в уютном кафе за углом,
Средь солидных маршанов и пьяни,
Посидеть за тем самым столом,
Где когда-то сидел Модильяни.
Рисовать тушью черной, как креп,
Словно с сердца срывая заплаты...
И оставить на кофе и хлеб
Пару быстрых рисунков в уплату.
Говорят: "Ну куда ты спешишь?
Дел и дома по горло хватает..."
Но мне надо, мне надо в Париж -
Позарез! А меня не пускают.
Не пускают дела и семья,
И работа, и строй, и система...
А в Булонском тоскует скамья
О поэзии Поля Верлена...
Ну, не могут: нельзя, не дано -
Зря спешил с нерешенным вопросом.
Вот такая вот жизнь, Сирано, -
Плачь иль смейся - останешься с носом!
Ты не веришь, ты ждешь, ты звонишь,-
В трубке дальнего голоса эхо...
Вот и все, я уехал в Париж.
Не держи - я уехал! Уехал...

ХУДОЖНИЦА

Нагаше В.

Волной волос до пояса укрыта...
На теплоту наш мир преступно скуп,
И черных мыслей креповая свита
Ложится горькой складкою у губ.
Слепых дождей звенящая кантата,
Пустых дорог высокопарный слог,
И снова боль, с упорством автомата,
Раскалывает мраморный висок.

А горизонт, как прежде, чист и ласков,
Но веры нет в бессмертье наших душ.
И вот все чаще вместо ярких красок
Бумагу душил траурная тушь.
Я боль сниму ладонями, как накипь,
Как ржавчину сотру ее с чела,
Я докажу, что есть другие знаки,
Кроме единства и добра и зла.
Я боль возьму, сожму, сомну, как тряпку,
Волью в себя израненную кровь
И о любви что-то такое ляпну,
Что ты поймешь, что есть она - любовь!
Потом уйду. Привычно и не ново.
Затерянный в толпе знакомых лиц.
Но появлюсь неждан-незванный снова,
Едва почуяв дрожь твоих ресниц...

"В. ВЫСОЦКИЙ"

Ах, как хочется снова со всеми на "ты",
Ах, как хочется нежности и доброты,
Но слетают с церкви, кувыркаясь, кресты.
И опять мне стоять у последней черты.
Но сегодня не я и не вышел мой срок.
Ни окольных путей, ни забытых дорог,
Ни улыбок друзей, ни полночных тревог,
Ну, а что не успел, не сказал и не смог
Под Полярной Звездой
и под Южным Крестом,
Под бумагой, холстом да кленовым листом.
И покажется все удивительным сном.
Если что не допел - постараюсь потом...

х х х

"Запрягу я тройку борзых,
Темно-карих лошадей..."
Вдаль, по первому морозу,
От печали и страстей.
От случайных строк и звуков,
Чьей-то каши, чьих-то дров.
От жужжащих в уши слухов,
Прений и выговоров.
В поднебесье ранней ранью
Чуть заплещется рассвет,
Белый снег звенящей сканью
Заметет мой свежий след.
Если можно, Боже правый,

Нас помилуй и прости:
Независимое право -
Бросить вожжи среди пути.
Серебро на плечи сыплет,
Вскачь и - наплевать: куда?!
Кони влет, по звездной зыби,
Вплоть до Страшного суда.
Только где-то там, в тумане,
Прозвонят колокола...
Были кони. Были - сани.
Жизнь была и не была...

х х х

Дай руку, Сирано!
Безумное желанье...
Анжуйское вино
Прокисло в ожиданьи.
Какой сегодня день? -
Он так наивно светел!
А за спиной, как тень,
Шлейф зависти и сплетен.
К историкам седым
Ворвется в кабинеты
Карманной славы дым
Бретера и поэта.
И снова - против всех!
Единая отрада -
Разящий, горький смех
На кончике эспады.
И лишь на полчаса
Так нежно осиянны
Далекie глаза
Мечтательной Роксаны...
Ход времени суров,
Но в памяти осталась
Лишь шпага да любовь,-
Такая, впрочем, малость...
И истинный мотив
Трагедии старинной
Не в том, что - некрасив,
А в том, что - нелюбимый.
Но, что ни говори,
А бешенство металла
И таинство любви -
Уж так ли это мало?..

ГОЙЯ

- Как жизнь, маэстро?
Не вставляйте, что вы, -
Я здесь случайно, так:
Пришел - ушел...
А что, офорты ваши не готовы?
Мне лишь взглянуть, позвольте,
Хорошо?
А эти можно? Не судите строго...
Какая жизнь... Как бесконечен путь...
Но ваш талант, поверьте, не от Бога.
Вы глубоко сумели заглянуть
В людские души, в таинство стремлений,
В предчувствие конца и вечный мрак:
Они - не люди и не звери - тени,
Слепые тени ищут выход, так?
Как странно, право, черное на белом?
И в этом все. Все грани и цвета,
И жизнь, и смерть... Безвыходно
И - смело!
И нет спасенья с плоскости листа...
Вы правы: жизнь проста и многосложна,
Добро и Зло едины и - равны.
Как различить: что истинно, что - ложно?
Молитвы, да пророческие сны
Отсрочат подведение итога.
Да, это трудно - быть самим собой...
Но, коль молитва не дошла до Бога,
То вдруг ее услышал тот - другой?
У вас ведь нет готового ответа,
Признайтесь: нет!
...Офортная игла,
Наметив контуры автопортрета,
Споткнувшись, на мгновенье замерла...
- Ведь вам в лицо хохочут все невежды!
Вам с целым миром оборвали нить!
...Но новый лист последнею надеждой
Ждет оттиска, как права - говорить.

АХТЫРЦЫ

Литавры и фанфары,
И шелк штандартов - влет,
Ахтырские гусары,
Настал и ваш черед!
Подобраны поводья,
Опущены клинки,
И даже мысли, вроде,
Прозрачны и легки.
Не поведешь и усом

На пулю у виска,
Чтоб не назвали трусом
Ребята из полка.
И от кровавых пашен
Идя к пустым полям,
Подсчитываешь павших
По брошенным коням...
Герои и повесы
Осуждены уже
По крови на эфесах
И по любви в душе.

БАЛЛАДА О МУНДИРАХ

Погожий день в Париже.
И небо ярко-синее.
Наполеон повержен.
Окончена война.
Великий император,
Глава всея России,
Рассеянно, с моноклем,
Мечтает у окна.
Внизу идут парадом
Казацкие лошадки,
Владимирские пушки,
Смоленские полки,
Кричат: "Виват!" трехкратно,
И вверх бросают шапки,
Полощутся знамена,
Слепят глаза штыки.
На мостовой, качаясь,
Звенят почти как струны,
Окованных лафетов
Тяжелые зады.
И синие уланы, и красные драгуны,
Малиново-золотые гусарские ряды,
Один другого ярче!
И царь кивнул: "Похвально..."

А после государя чуть не хватил удар:
Со свистом, гамом, громом,
Проносится нахально
Крылатая колонна...
Коричневых гусар!

Коричневых?! О, боже!
Какая-то ошибка:
Подобный цвет мундиров
Не носят на Руси!
И с царских губ слетело

Подобие улыбки.
"Вернуть сюда тотчас же!
Вернуть и - допросить!"
Вернулись.
Доложились.
И честно рассказали,
Что были в партизанах,
Громя тылы врагов.
И в этой бурной жизни
Мундиры истрепались,-
Не убережь костюма
Средь леса и снегов.
Искали матерьяла,
Чтобы пошить другие:
Ведь старые, ей-богу! -
Изорваны до дыр...
Все лавки до Парижа
Давно стоят пустые,
А тут попался как-то
Девичий монастырь.
Мундиры-то ни к черту,
А так хотелось новых!
Монашенки брыкались...
Но все ж в конце концов
Все то, что шло на рясы
Пятьсот невест Христовых,
Пошло на вицмундиры
Ахтырских молодцов!
И царь расхохотался:
"Потешили, мерзавцы!
Коричневые... чтоб вас!
С монашенками... ах!"
А снизу улыбался
На вороном красавце
Кудрявый подполковник
С чертятами в глазах.

"ВРУБЕЛЬ"

Подлунный мир, похожий на мираж...
Душа, как створки окон,- нараспашку.
Мне обжигает пальцы карандаш,
Закованный в кленовую рубашку.
Как бесконечно тянутся часы!
И как неясен тусклый смысл созвездий,
Как долог путь от млечной полосы
До лестницы в заплеванном подъезде...
И оттиски далеких черных дней
Стучат в висках холодной звонкой болью.
И в сердце кровь шалеющих коней,

Насыщенная порохом и солью...
Я больше не могу в таком огне
И пустоты, и недопониманья.
Но где-то там, в душе, на самом дне
Весь первобытный ужас мирозданья!
И вот тогда бессильны образа,
И каждый миг, словно столетье, длится.
И Демона хрустальная слеза,
Как жизнь моя, скользит, боясь разбиться.
Который век? Которое число?
Кто выдумал, что красота бессмертна?
Холодный воздух утра... Рассвело.
Короткий путь от вечности к мольберту...

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Господин офицер, вы еще не одеты?
Небо смотрит нахмуренно и свысока.
А вдали, в розоватых брабантских манжетах,
Облака, облака, облака, облака...
Господин офицер, что же вы загрустили?
Умирают не только герои в стихах.
Видно, Бог и судьба все же вам отпустили
Три высоких креста на граненых штыках.
Господин офицер, это ясно и просто:
Революция, царь - кто там прав, кто не прав.
Первый крест - крест Георгия Победоносца
Не отнять, даже с мясом с мундира сорвав.
Господин офицер, руки за спину молча.
Сапоги, гимнастерка - все сняли: убрать!
Крест нательный - накинулись стаею волчьей...
Ничего: это в сердце, а там не достать.
Господин офицер, третий крест - в изголовье.
В небесах уже явно бушует рассвет:
Кружева облаков наливаются кровью,
Принимая багрово-торжественный цвет,
И несутся принять под защиту и стражу,
Но надежен затвор и проверен прицел,
Отработанный залп! А поэзия как же?
Господин офицер... Господин офицер!

х х х

Что делать? Что - делать?!
Такая нелепая жизнь...
Конечно, не мелочь -
Смещение здравниц и тризн.
Бывает: упустишь,

И не возвратятся мечты...
Ты точно не струсил
Меня проводить до черты?
И только... А там уж
Я - сам. И беда - не беда!
А дальше - хоть замуж,
Да, можешь хоть замуж тогда.
Счастливой не будешь,-
Помочь не сумею, прости...
Наверно, осудишь,
Раз нету иного пути.
Я все понимаю,
Но, боль и обиды гоня,
Ты, вновь проклиная,
Зачем отпускаешь меня?
Паденье - итогом.
И смерть сторожит у черты.
Но став перед Богом,
Скажу, что виновна - не ты!

х х х

Наши ссоры переходят в вечность,
Сны и мысли, видимо, не те...
Уходя, зажги на память свечку -
Я боюсь остаться в темноте.
В синем небе тает невесомо
Твой искристый смех и теплый взгляд...
Уходя, возьми ключи от дома -
Этот дом ни в чем не виноват.
Если даже ни во что не веришь,
Ничего не хочешь и не ждешь -
Уходя, оставь открытой дверь лишь,
Как надежду в то, что ты придешь.
Уходить занятие не простое...
Ах, мой драгоценный человек! -
Уходя, возьми меня с собою:
Сменим вместе город, время, век...

СТРАННЫЕ СТИХИ

Такая странная любовь...
Звонками плавим телефоны
И дарим океан цветов,
Улыбки, звезды и короны.
Такие странные слова...
Смешенье шуток и нотаций.
И так кружится голова

От голоса и интонаций.
Такие странные сердца...
С какой-то верою античной -
Чтоб от начала до конца
Не как у всех, а - романтичной...
До странности спокойны сны...
Лишь мысль стучится беспрестанно:
Как странно: мы не влюблены
И не расстались, как ни странно...

х х х

Мелькают минуты, часы обрезаются стрелками,
А жизнь впереди так предельно и ясно видна,
За шиворот дождь с неприятными каплями мелкими
И служба как служба, и ночи как ночи, без сна.
Нет писем, нет слов. Значит, нет мне прощенья грешному,
В осенние листья уходит наряд, торопясь,
Я с вами, ребята, а губы смыкает по-прежнему
Остынувших песен слепая, ненужная вязь.
Горелая накипь с души уже начисто сколота.
А "быть или не быть" не тревожит сердца и умы,
И осень готовит зиме подвенечное золото.
Не надо спешить. Все равно не уйти от зимы...
Зимы наших чувств. Не открестись и не откупишься,
Захочешь забыть. Только памяти голос суров.
Накинешь шинель и в тоску, словно в женщину, влюбишься,
А фото забудешь в какой-нибудь книге стихов.

х х х

Как был спокоен жизни круг -
Мне мнилось,
Но небо рухнуло,
И вдруг -
Свершилось!
Смещение граней, звуков, слов -
Как странно...
Необъяснимая любовь -
Вне плана!
Я ничего уже не ждал,
Но это
В ладонь упавшая звезда,
Всплеск света!
Слияние добра и зла
Усилит,
Как пуля или как стрела -
Навылет.

Пусть высшей мерой весь мой путь
Судит.
Пусть так не вовремя, но пусть
Будет!

х х х

Наш долгий разговор в пустой ночи,
И стрелки на часах безмолвно встали...
Я предпочел бы, видимо, мечи
С глухим акцентом харалужной стали.
Я предпочел бы, видимо, коня,
Вдали огни растоптанного стана
И жаркий бой посреди бела дня
С ближайшим толстомордым басурманом.
Я предпочел бы рану в пол-лица,
Не дрогнув от звериного оскала,
Сражаться и бороться до конца,
И победить, и бросить меч устало.
Потом подъехать к твоему крыльцу,
С седла сползая от потери крови,
Чтоб у тебя - да слезы по лицу
И удивленно-жалостные брови!
Когда иного просто нет пути
И нету силы даже улыбаться,
Успеть сказать: "Боярышня, прости!"
Простишь ведь... А куда тебе деваться...

ЛЮБОВЬ

Все понимая с полувзгляда
И все прощая с полужеста,
Ты и могильная ограда,
Ты и желанная невеста.
Слиянье радости и страха,
Как наземь сброшенное платье,
Ты и задумчивая плаха,
И долгожданное распятье.
Но звонким смехом и слезами
Из века в век, как и сегодня,
Ты просто божье наказание,
Ты просто благодать господня.
И в нужный час тебя узнать бы,
Имея капельку терпенья,
Ты и последнее проклятье,
Ты и молитва о спасеньи...

х х х

Я пыль у твоих ног,
Застывший в ночи крик,
Поверженный наземь бог
И лунный прозрачный блик.
Я ветер в твоих кудрях,
Огонь у твоих колен...
Я твой первобытный страх
И твой долгожданный плен.
Я искра в твоих глазах,
Которая не сгорит...
Я тот, кто приходит в снах
И тает в огне зари.
Я лед твоих детских рук
И ярость слепых комет,
Я самый надежный друг,
Единый, как ночь и свет...
Сквозь буйный, весенний гам
Я всадник, принесший весть,
Я вечно то тут, то там,
И весь на ладони, здесь.
Я, тополем ввысь скользя,
Взойду на твоём пути...
И мне без тебя нельзя...
Ты только меня найди!

х х х

Как ты нашла меня? В каких календарях
Начертан путь наш, медленно и верно?
Двадцать восьмые сутки декабря
Свели нас вместе так закономерно...
Я улыбался, выгибая бровь,
Не понимая, что влечет бездонность,
Что девушка по имени Любовь -
Действительно любовь, а не влюбленность...
Весь мир готов проклясть или обнять,
Я шел по жизни тлеющей лампадой...
Как ты смогла поверить и понять?
И все простить, не упрекнув и взглядом?
Я путал все, дороги и следы,
Выплескивался в рифмах и конвертах.
И именем твоим назвав других,
Считал себя счастливейшим из смертных?!
А счастье - вот. Обрушилось, как снег.
До удивленья, Господи - как близко...
И время снова ускоряет бег,
И прошлым встречам ставит обелиски.

Не надо слез и восхищенных слов.
Не надо клятв ни письменных, ни устных...
Как невозможно называть Любовь
Заезженным и скучным словом - чувство...
Слились в одно два яростных огня,
Одни из тех, что эту землю вертят.
...И все-таки как ты нашла меня
Меж первым поцелуем и бессмертьем?..

х х х

По снегу...
По самому белому снегу.
В санях, запряженных четверкой гнедых,
Приеду.
Я этой же ночью приеду.
И в дверь постучу, и войду в твои грезы
и сны...
По лугу...
По самому свежему лугу.
Оставив на небе одну голубую строку,
Прибуду...
На этой неделе прибуду,
И к дому пойду и ромашек нарву
на бегу...
По морю...
По самому синему морю,
Не Черным, не Красным, а я был
и в этих морях...
Не спорю.
Прошел уже месяц, не спорю,
Но сильно штормит, и досадно
не светит маяк...
По небу...
По самому чистому небу,
Где просто нет места для зависти,
боли и зла...
С победой...
Я должен вернуться с победой.
Чтоб знала, кого ты все долгие годы ждала...
По снегу...
По лугу, по морю, по небу, по снегу...
Копытами смяв леденяще-янтарный рассвет,
Приеду.
Я этой же ночью приеду,
Хотя до тебя далеко и меня больше нет...

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

* * *

Я сейчас вспоминаю тебя - мне нужна тишина.
Нет, не мертвая тишь, а живое молчанье природы,
Бесконечный закат и зеленая в небе луна,
И в муаровой мгле чуть застенчивых звезд хороводы.
Я тебя на руках, как волну, как охапку цветов
Нес в безумстве веселом, кружа в ритме вальса по лужам.
Что тогда говорил? Я сегодня не помню тех слов,
И сейчас подобрать не сумею ни лучше, ни хуже...
Ты так жалобно мне говорила: "Зачем? Отпусти...
Я заплачу сейчас или крикну милиционера,
Видишь, люди вокруг..." - а сама прижималась к груди.
Крепче всяких запретов нас держит такая вот вера.
Губы сами тянулись к дурманным твоим волосам;
Их закусывал в кровь я, и взгляд отводил в поднебесье,
И себя проклинал за покорность тем синим глазам,
Что так ласково греют далекой и близкою песней.
Ты тогда пожалела меня? Или что там еще...
Или попросту знала, что это продлится недолго?
И дрожала рука, на мое опустившись плечо,
И прощальною свежестью лета пах ветер над Волгой.
Где потом не носило меня? В прикаспийских степях,
В хичаурских дорогах и в скалах седых Габустана.
То, что было тогда в самых синих на свете глазах,
Я забыл. И старался забыть поскорей, как ни странно.
Мне бы все позабыть. А когда я зимою вернусь,
Снова встретиться вдруг, - и замрут переулки пустые...
И почувствовать в сердце далекую светлую грусть,
И понять то, что это - любовь...
И что это - впервые...

х х х

Я все теперь приму наполовину.
И, на полсердца наложив печать,
На полувзгляд и полувыстрел в спину
Полуулыбкой буду отвечать.
Полуобман приму на полуверу,
Полуогонь приму на полдуши,
На полбеды отвечу полумерой
И буду скромно доживать в тиши.
Помилуй бог! Как просто и спокойно!
Не надо только принимать всерьез
Обиду, подлость, травлю или бойню,
А также мир надежд, ошибок, грез...
Я буду жить с полухолодной кровью
И ждать багряных листьев к сентябрю.
Я полупьян твоей полулюбовью
И полуверю в то, что говорю...

х х х

Где ты, Монгольская улица?
Редкие фонари.
Маленький дом сутулится
В сумерках до зари.
Пыльный трамвай покатится
Красным пятном с моста.
Память опять спохватится,
И захлестнет мечта.
Будда, вздохнув, неопытно
Взял самурайский меч.
День суетился хлопотно
В жанре случайных встреч,
В стиле заезжих вестернов
И мелодрам, и снов;
Проще назвать, естественно,
Все это как - любовь...
Проще, надежней, выгодней,
Не погрешив в строке.
Вот и рванулась иволгой
Песня в моей руке.
Все мы достойны лучшего,
Чем огонек в пути.
Не обещай, не мучайся,
Не вспоминай... Лети...

х х х

По аллее шел гвардейский полк,
Тихо шел, без труб и без знамен.
Городок провинциальный смолк,
Чуть прищурился ставенки окон,
И ни смех не слышался, ни плач.
Чувства оставались на потом.
На лафете спал седой трубач
Самым тихим, самым вечным сном.
Оставляли русские Смоленск.
Горько-тих чеканный шаг солдат.
Аксельбантов порыжевший блеск
Как-то был не к месту и не в такт.
Небосвод так безнадежно сер.
Да и все хватили через край.
Но усталый бледный офицер
Вдруг взмахнул рукою: "Запевай!"
Вицмундиров черное рваньё!
Не до песен тем, кто чудом цел.

Гаркнуло злорадно воронье,
Только полк собрался и запел...
Пели в иступленье, как в бреду.
Голоса охрипшие сорвав,
Пели, спотыкаясь на ходу,
И безбожно путая слова.
Пели так, что слезы на щеках
Ни один за слабость не считал.
Поднималась песня на штыках,
И дрожал нагретый металл.
Ветер в нетерпении звенел,
Напоенный болью и свинцом.
И, едва поющий, офицер
Рухнул в гриву мраморным лицом.
Гул орудий плыл издалека.
Ничего... Вернемся... Ничего...
И несли солдаты на руках
Тело командира своего...

х х х

Все в капканах бед и обид,
Душит землю слепая злоба.
А над городом стук копыт,
Словно гвозди бьют в крышку гроба.
Тощих фонарей мутный свет:
Раз пророки спят, небо - немо!
Откровенья - бред, откровенных - нет!
Не горят огни Вифлеема!
Век еще живет, мир еще не стар,
И слепой поэт помнит Музу.
А планета мчит, как бильярдный шар,
И вот-вот закатится в лузу.
Там в сетях систем уже много лет,
Завершив свой бег бесполезный,
Мертвые шары вспыхнувших планет
Повисают над звездной бездной.
Мы спасемся, мы выросли в пене битв,
И оружие у нас любое -
От молитвы, похожей на пьяный хрип,
До бессильных смертей героев!
Нас столетьями вскармливал старый сон,
Что придет наш Спаситель светлый.
Приходили, помногу, из всех времен,
Но земля покрывалась - пеплом!
Птиц и ангелов убивают - влет...
Притерпелись, долой химеры!
И надежды нет, но ведь Он придет,
Наша память и наша вера!

ГРУСТНЫЙ АНГЕЛ (1996)

х х х

Мы затеяли роман
С канделябрами и тмином..
Праздничный самообман
Таёт искоркой каминной.
И смеется свысока
Грань хрустального фужера...
Обнаженная рука -
Полувольность, полумера?
Лепесток свечи дрожит,
Как прозреньё иноверца.
Капля воска вниз бежит,
Принимая форму сердца.
Обольстительная ночь,
Отменив закон деленья,
Нас отбрасывает прочь
От приличий и сомнений
В правильности наших встреч,
В праведности наших взглядов.
Нас уже не уберечь
От напитка с вечным ядом.
Не укрыть и не спасти
В многогранности Вселенной,
И последнее "прости.."
Прозвучит одновременно...

В. К.

Не твоя вина в том, что мы не вместе.
Не моя вина в том, что мы в разлуке.
Мир бездумно слеп и преступно тесен,
И пространство глушит песен звуки.
Мы идем по кромке листопада
И сдуваем облака с ладони...
Объяснять нам ничего не надо,
Ты же так мудра. Я же так спокоен.
Мы идем вдвоем, улыбаясь шуткам,
И в движеньи губ не найти печали.
Ах, как легок шаг! Только в небе мутно,
И на сердце лед - не согреть свечами...
Нет меж нами стен и глухой ограды,

Сплетни так пусты, так наивны вести...
Нам не надо слов, нам довольно взгляда
Убедиться в том, что, как прежде,- вместе.
Пусть пустых надежд отшумели битвы
На ветру эпох, в суматохе буден...
Отписав стихи, отшептав молитвы
И... теперь уже ничего не будет.
Ты чужая мне. Я тебе не милый.
Разлучите нас - мы умрем в неволе.
Не твоя вина в том, что ты не в силах.
Не моя вина в том, что я не волен...

х х х

Ваша светлость, дама в черном,
Таит след в тумане зыбком...
Я ответственный, бесспорно,
За нелепую ошибку.
Но чем строже наказание,
Тем возвышенной прощенье.
Как похоже на призванье -
Это позднее прозренье.
Запоздалость комплимента.
Неуверенность ответа.
Зазмеившаяся лента,
Словно путь в былое лето,
В давние воспоминанья
Поцелуев рукотворных.
Это все-таки призванье,
Ваша светлость, дама в черном...
Вы уйдете в бесконечность,
В листопадное смятенье.
Я, спеша, срифмую Вечность
С этим траурным Мгновеньем.
Время, может быть, излечит,
Но заставит с новой болью
Ждать суда случайной встречи
С неслучайною любовью...

* * *

Я все переживу... И эту ночь,
И этот день, что будет вслед за ночью.
Не оставляя места междустрочью.
Вернусь таким же, как и был, точь-в-точь.
Ты не заметишь измененья глаз,
Неловкую медлительность движений,
Поставив это, как и в прошлый раз,
На счет моих обид и поражений.
Я вспомню год, и месяц, и число,
Сгоню со лба ненужную усталость...
И если все решу начать сначала -

Скорей себе, а не тебе назло.
В бессмысленности прошлых убеждений
Я отыщу далекий небосклон,
Пойду к нему, и станет только он
Заглавною строкой стихотворений.
Я не стремлюсь забыть твои черты.
Нелепо, глупо и ни капли толку.
Конечно, можно применить двустволку,
Но лишь за тем, чтоб улыбнулась ты.
Все станется. Привыкнув к укоризне,
Весь в поисках вселенных и систем...
Я все переживу. И нет проблем.
Как нет того, что называлось жизнью...

х х х

Ледоход на реке. Ледоход
Наших чувств, наших слов, наших нот.
Бесполезный, подтаявший лед -
Плывет...
На зеленом стекле воды
То ли муть, то ли знак беды
И мелькает сквозь облака -
Рука...
Все навязчивей бредней жгут,
Я не жду, и меня не ждут.
И она сейчас не одна -
Весна...
Не сценарий и не сюжет.
Есть надежда, но веры нет.
Жизнь, конечно, во всем права -
Слова...
Неизменна судьба и крест...
Вот и ангел сошел с небес...
Как недавно он стал седым -
Молчим...
Тихо тлеет стихов зола.
Нет ни искорки, ни тепла.
Черным пеплом слова "прости..."
В горсти...

х х х

Ваши царственные плечи...
Мир, расколотый на части.
Я почти готов отречься
От любых былых пристрастий.
Я почти готов скатиться

До банальных комплиментов
Или просто разразиться
В восхвалении момента!
Перепробовать движенья
Губ восторженно-менящих...
Выдох, как самосожжение,
Вдох, как неприятье счастья.
Я не верю расстояниям,
Я забуду о смиренье
В зное нашего прощанья,
В свете верного решенья.
Мы расстанемся... завидно,
Как итог любой дилеммы.
Жаль, но мне пока не видно
Разрешения проблемы.
Обездолен, обездвижен
Взгляд безмолвного протеста...
Шаг во тьму - и не увижу
Всепрощающего жеста...

х х х

Тяжело... До обид, до горечи,
Выговаривать твое имя...
В раскаленной бессонницей полночи
Перед звездами золотыми.
Не молясь и не проклиная...
Но железом налиты губы...
Как легко уходить, читая:
"Нелюбимый..." или "нелюбый..."
Как легко размыкать объятья
Рук, которые отпускают
На распутье или распяты
Обнаженного бездны края.
Где возвышенным междометьем
И принятием всякой боли
Я себе кажусь просто третьим,
Третьим лишним на этом поле.
Побреду в цветах по колению
Над разлуки дырой озонной,
Буду душу лечить от плена
Золотой чертой горизонта.
Распевая казачьи песни,
Распивая донские вина,
Веселее и интересней
Ощущать себя мокрой глиной.
Слепим сердце, чирикнем спичкой
Так художественно и безвредно -
Вот и новый готов кирпичик
Мавзолею твоей победы...

х х х

Отпусти меня с ладони,
Как дыхание свечи...
Отзвук колокола тонет
В очертаньях каланчи.
На оранжевом закате
Силуэтом черный храм.
Память ошалело платит
Мелкой дробью телеграмм
За минувшие обиды,
За мелькнувшие огни.
Мы смеемся и для вида,
Наугад, считаем дни.
От последней нашей встречи,
До касания руки -
Стоит ли цветок калечить,
Обрывая лепестки?
Если оба знаем - любит,
Поцелует и прижмет.
Если узел, то разрубит.
Если угол, повернет.
Все исправит до штришочка,
На податливом листе -
Можно смело ставить точку,
Вместе с датой на плите.
В старой раме из левкоев
Отыскать поддержку снам...
И расстаться, как герои
Самых мыльных мелодрам...

х х х

Не было других... Она - единственная!
Вечная модель для всех художников.
В ее честь возжигались таинственно
Души, как жертвы, на медных треножниках.
Нет совершенства... Ни здесь, ни выше.
Прядь со лба отодвинув устало,
Жизнь расплескалась вулканным жижей
Вечным стремлением к идеалу.
Перед грозой железной прянула
Дикая кровь амазонок Каспия,
Болью набатною с неба грянула,
В горло стрелу направляя ласково.
Ты, без подпруги, на волчьей шкуре,
Вздыбила вдруг скакуна косматого.

Что за женщина! Взгляд нахмуренный,
Руки, привыкшие к делу ратному.
Как нежны они были, помнится...
Поцелуями мною вскормлены.
Там, где раньше скакала конница,
Там сегодня шоссе да вороны...
Только не было, не появится
Равной той, что ушла в закатное,
Чьи следы растворились в мареве
Раскаленного солнца Запада.
И брожу я с полынной веткою
Облетевшего и отцветшего,
Разгоняя туманы редкие,
Окликаая давно ушедшее...

х х х

Один телефонный звонок, почти что из ниоткуда.
От той, что жила вдали бесчисленно много дней.
Обрывки случайных слов, осколки седьмого чуда
Упали в мою ладонь и тихо согрелись в ней.
Расплавилась, как стекло, тягучей, прозрачной негой
Мгновений, где я вдыхал упрямство ее волос,
Где плыл аромат церковей, холодная ласка снега
И детская вера в то, что мир состоит из грез.
Мы оба играли гимн...Мечтая пленить друг друга
Кто внешностью, кто умом, кто формой, кто силой рук.
Для нас усмиряться дождь, о нас разбивалась вьюга,
Но вот наступил момент традиционно - вдруг!
Вдруг - обожженный взрыв, разом взломавший почву...
Установивший грань, как пограничный столб.
Мягкая тень греха пала меж нами ночью
И разлучила нас, к радости праздных толп.
Но в шестизначьи цифр нового телефона
Дышит среди мембран ложная жесткость фраз.
Истинны не слова - таинства полутона
Той, что прошла меж рифм, не поднимая глаз...

х х х

Черным мелом чертит вечер
Контур плеч на сером фоне...
Память стынет, время лечит,
Тонет облако в затоне.
Струны шепчутся о главном
Не открыто, а намеком.
Мир в неведенье бесславном
Прозябает одиноко.

Бесполезное занятие -
Сочинять стихи о светлом -
Муза ходит в черном платье,
Посыпая кудри пеплом.
Потому что слишком поздно.
Потому что век просрочен.
Потому что эти звезды
Не для нас смеялись ночью.
Да и ночь была чужою...
В хриплой трубке телефона
Гул неясный, по покрою
Поминального трезвона.
Все останется, как было:
Встреча, сон, полуулыбка...
Из трущоб плывет уныло
Чья-то пьяненькая скрипка.
Этот город постепенно
Все равно простит обоих -
Я целую след от Тени
На растресканных обоях...

х х х

В фужере плещут звезды,
Вино мадам Клико...
Все так безбожно просто
И дьявольски легко.
Но как отточен профиль -
Камеей на плите!
У женщины напротив
В скользящем декольте.
Отнекиваться глупо.
Где грань меж "нет" и "да"?
Распахнутые губы
Без капельки стыда...
Нежданная награда
В мелькнувшем сонме лиц,
И вечная прохлада
Под трауром ресниц.
В глазах звериный голод.
Неслышен сердца стук.
Какой могильный холод
Моих коснулся рук!
Я, с первым поцелуем,
Рванув одежды клочок -
Серебряную пулю
Пустил себе в висок...

х х х

Не бывает любви условной...
В небе звезды застыли гроздью.
Бьет двенадцать, сегодня в дом мой
Обещала прийти гостья.
Длинноногая недотрога.
Кровь неровно стучится в венах...
Что-то стукнуло в раме окон
И прошло сквозняком по стенам.
Только свет зажигать не буду,
Даже если луна в тучах.
Если я не поверю чуду,
Хоть кому-нибудь станет лучше?
Я приму ее руки-тени
В ковш горячих моих ладоней.
Брошу все дела на неделе
Из-за глаз, что ночи бездонней.
Пусть не скажет она ни слова,
Я прочту сквозь ее молчанье
Отрицание - лобового,
Понимание - тонких тканей...
Озаренье иных мечтаний,
Неподвластного измеренья,
Разложение сочетаний,
Искажение точек зренья.
И она, улыбаясь тайно,
Мне напомнит, что все бывает...
Что уже остывает чайник,
Что уже шоколад тает...
На прощанье обернется,
Бросит взгляд на жилье поэта
И сюда уже не вернется.
И мы оба поверим в это...

х х х

Какая сказочная ночь!
Знак отрицанья и вопроса.
И темнота, как черный скотч,
В окошко тычет мокрым носом.
Веду безмолвный разговор
С чужою тенью. Дивный профиль...
Старинный мейсенский фарфор
Нам охлаждает горький кофе.
Стихи и белое вино,
Неспешный шепот рифм, усталость...
Все это было так давно,
Что, видимо, и не кончалось.
Все, что вершится - не во сне.
На зависть всем иным поэтам,

Пришли вы именно ко мне.
Я почему-то знаю это.
Движенье красок, нот и чувств,
То в небо ввысь, то вниз с откоса.
Как заслужил, чем расплачусь,
Я не настроен на вопросы.
В ночи сверкала бирюза
Меж звезд торжественно и броско...
Со свечки падала слеза,
Застыв немым комочком воска.
Рассыпался хрустальный смех
Сто лет назад. Но и поныне
Я вспоминаю это имя,
Но не для всех...

х х х

Незаметным поцелуем
Чуть коснувшись ваших плеч,
Я, наверное, рискую
Продолженьем наших встреч.
Что поделаешь, ну - было!
Ну прошло - чего скорбеть?
О печальном и унылом
Неохота даже петь.
Лучше грянем о казацком,
О бескрайнем и лихом!
Так, чтоб сердцу разорваться,
Обожженному стихом.
Чтоб слепить судьбу из воска
Умирающей свечи...
Пусть напрасной, пусть уродской,
Но горячей, хоть кричи!
А потом с полынным веком
Повести коней в зарю,
Отражением поблеклым
Прежних лет - шептать "люблю"...
Ты смеешься... Я не верю
В то, что ты не веришь снам.
Невеликая потеря -
Где-то скачущий Руслан.
Что нам сказочные слезы,
Верность рифме, как ножу?
Ты уйдешь. Я просто прозу,
Прозу жизни напишу...

х х х

Вот и выпал снег, замело...
Легким хрустом озвучен шаг.
На аллеях белым-бело...
И щебечут стихи в ушах.
Воздух чист, как голландский спирт,
Так ведь можно сойти с ума...
И толкает на легкий флирт
Обаятельная зима.
Этот танец достоин Вас...
Все вернется, и все пройдет.
Полагаю, что это вальс,
Не вдаваясь в анализ нот.
Что за сон меня вдохновил?
Я, похоже, сейчас влюблюсь,
Я ведь даже чуть-чуть боюсь
Стать достойным такой любви.
Вечность нас под крыло взяла,
Заблудившихся в декабре,
И вся в белом невеста шла,
Я, как князь, был весь в серебре.
Как торжественно снег молчал...
Я свой кубок допил до дна,
И не спрашивай - кто венчал?
И не спрашивай - кто она?

х х х

Француженка... Salut! Bonjour!
Мой каждый вздох шелками вышит...
Зеленой лампы абажур
Заменит круг луны над крышей.
Ваш стол завален всем подряд.
Смахнем тетради и блокноты,
В окошке звезды догорят,
А кот не справится с зевотой,
Но мы... Мы будем говорить.
Непринужденно, долго, вольно,
Нанизывать часы на нить
Десятка слов программы школьной.
Ваш шепот с мягкой буквой "р"
Щекочет струны вдохновенья,
И старомодный секретер
Сливает наши отраженья
В один каприз. В один сонет,
Где многозначность снов и взглядов...
Свечи покорный силуэт
Дрожит, как плечико наяды,
Влечение душ не разорвать
Банальной фразой - "время лечит".
Что остается? Угадать

Число и век грядущей встречи.
Мечтать о милых пустяках
Вселенского происхожденья
И на верленовских стихах
Оттачивать произношение...

х х х

Хотите, я побуду Вашим псом,
Лохматым, романтичным сенбернаром?
Хотите, я пребуду Вашим сном,
Лирическим или сплошным кошмаром?
А может быть, мне сковырнуть звезду?
Оправить в серебро и в алых лентах,
Приплюсовав шалфей и резеду,
Вам поднести коленопреклоненно...
Настало время выдачи слонов
И превращений черепашек в принцев!
В любой любви - гармония без слов,
Обычно не обязанность, а принцип,
Принципиально - буду Вашим я.
Не слишком важно - где, когда, насколько?
Закружит нас волшебная струя
В прыгучем танце под названием - полька,
Хотите, мы исправим весь сюжет?
И повесть станет праздничным романом,
Где Ваш полуодетый силуэт
Интимно тает в мареве туманном.
Душа скользит с нелепой крутизны,
Я ухожу, глуша огонь желанья,
И на ладони Вашей холм Луны
Изысканно целую на прощанье...

х х х

...Поцелуй твой пахнет дымом
Золота сгоревших листьев,
И бегут необратимо
В никуда шальные мысли.
Между стен змеится зависть,
И скользящие цитаты
Падают, не разбираясь,
В руки правых, виноватых...
Все равно пройдет эпоха,
Обещанья станут пылью.
Будет все не так уж плохо,
Не как раньше, но стабильно.
Нет, дебильно! Понимаешь...

Пряный вкус непостоянства
Лучше быта, где витаешь
В промежутках лжи и пьянства.
Так проглотим, как лекарство,
Горечь прошлых откровений -
В небе Бог, на небе Царство..
Переступим наши тени,
Перейдем в иную сущность,
В неземное измеренье -
И взаимную ненужность
Примем как благословенье...

х х х

Вашу увядшую розу
Я достаю из вазы.
Столько в душе вопросов,
И не ответишь сразу...
Столько ассоциаций,
Поводов для поэмы...
Хочется углубляться
В многомасштабность темы.
Спеть о былом величье,
Рвущем сердца на части...
Смело, до неприличья,
Вывернуть душу настежь.
Понапридумать строчек
В стиле речей Востока,
Чуть изменяя почерк,
Нить о любви высокой.
И воссоздать, как символ
Вечности и страданья,
Этот цветок красивый
В горечи увяданья.
Можно сплести завесу,
Выкроив час и место,
Можно поставить пьесу,
Все рассчитав до жеста.
И освятить рассветом
Полную смысла позу...
Что же я все же предал,
Бросив сухую розу?

х х х

Зажгу свечу в старинном канделябре,
Налью вино в высокие бокалы,
А за окошком мечется ноябрь,

И вечер опускается устало...
На белый лист неспешно лягут строки,
Воссоздавая тень воспоминаний,
Смещая лица, раздвигая сроки
И путаясь с возвышенными снами.
Бросая тень, словно изнанку света,
На все, что мне казалось безупречным.
На дальний отзвук выцветшего лета,
Что затерялось на дороге Млечной
И выпало под утро спелым ливнем,
Преобразившись на холсте в признание
Моей мечты о давнем и о дивном
В зеркальном искажающем мерцанье...
Забывать про все и стать самим собою.
Писать картины, сочинять сонеты,
Где наша встреча, ставшая судьбою,
Тоскует в раме черного багета...

х х х

Падает небо ажурным дождем,
Бывшее некогда синим...
Мы умираем, творим и живем
В мире изломанных линий.
Как силуэт, отраженный в окне
Долгой вагонной дороги,
Изморозь дней в очищающем сне
Взвешают небрежные боги.
И подведут неучтенный баланс
С уймой ошибок на бланке,
Щедры отдав подвернувшийся шанс -
Встретиться на полустанке.
Там, где грохочет на стыке ветров
Бешеный поезд Вселенной,
Мы разглядим неземную любовь,
Ставшую гордой и тленной.
Мы улыбнемся, почувствовав связь
Судеб, как вечных истоков.
Злоба пройдет, и отмоеется грязь -
Ты уже не одинока!
Не уходи. И тогда, и теперь
Висну плющом на балконе...
И обреченное время потерь
Пересыпаю в ладонях...

х х х

По черной траве я иду к тебе,

По черной траве...
В ветвях запутался соловей,
В умершей листве.
И гасит шорох моих шагов
Тумана плед,
Где отраженье банальных снов
Змеится вслед...
Целую призраков, пью вино,
Смеюсь в зенит,
Неторопливо в немом кино
Вращаю дни.
Почти случайной дарю навек
Свое кольцо,
И грудь сжимает железный век,
Дыша в лицо...
В любое время застывших нот
Здесь так темно.
Твоя трибуна - мой эшафот,
Уже одно!
И звезды падают с высоты,
Цветной горох..
А запах серы из темноты
Корежит вдох.
В горячем смерче чужих кровей
На робкий свет -
По черной траве я иду к тебе,
По черной траве...

х х х

Я поставил любовь на обрыв у реки.
Я холодной рукой взвел спокойно курки.
Выстрел грянул, как пробка шампанского - хлоп!
И в плечо мне хлестнула горячая дробь.
Сгустки боли как черного дыма комки...
Я прицелился тщательней, с левой руки,
Точно в сердце. Упрямо.
Качнулся прицел -
Снова выстрел... Ну вот, я опять не успел...
Ветер выбросил руку, как добрый отец,
И швырнул мне к ногам бесполезный свинец.
...Что за сон? Странный сон.
Надо б в церкви свечей...
Я кривлюсь от бессмысленной боли в плече!

х х х

Помнишь лето? Жаркий полдень,

Плеск волны зеленогровкой..
Пароходик на природе
Шел вперед неторопливо.
Коренные астраханцы -
Мы так радовались зною.
Над рекой в небрежном танце
Облака несло прибоем.
День стремился обернуться
Сном, проплывшим между нами,
Как боязнь соприкоснуться
Обнаженными плечами.
Даже ветер счел ошибкой
И последствием испуга
Наши робкие попытки -
Не смотреть в глаза друг друга.
Говорить о постороннем,
О бессмысленном и брэнном...
Радуга на небосклоне
Мягкой линией колена
Окуналась в стрежень Волги.
Тих, услужлив, но нескромен,
Хитрый вечер втихомолку
Целовал твои ладони.
Сердце сжав в осколок кремня,
Мне казалось - мир не вправе
Наши души гнать на землю
В этой августовской лаве,
Если прожито так мало,
А возносят лишь за муки.
За спиной вздыхал устало
Ангел грусти и разлуки...

х х х

Что за имя - Мейхани...
Легкое, непрочное,
Как звучащая в тени
Музыка восточная.
Многоцветье древних строк
В ритмах века нервного.
Розоватый лепесток
У бутона первого.
Откровение и бред,
Удивленье вечности.
Робкий, нежный силуэт
Детства и беспечности.
Плач валторны, Мейхани...
Не сродни унылости.
И Господь тебя храни
В неизбывной милости.

Жизнь - слепое колесо,
Как еще завертится?
У судьбы возможно все -
Верится, не верится...
Может, вспомнишь, может, нет,
Память - вещь неточная.
Вечер, встреча и поэт,
Дальше - многоточие...

х х х

Твоя власть, твое право
Моими стихами мостить дороги
Дарить налево, дарить направо,
Словно об коврик - вытирать ноги.
А я звоню, молясь телефону,
Он с пониманием соединяет,
И в проводах меднотелых стонут
Рифмы, которых не принимают.
Успеть бы спеть моей королеве,
Покуда сон не сомкнул ресницы,
О том, что в полях зацветает клевер,
А нам обоим еще не тридцать...
Еще мы можем бродить по лужам,
Смеясь угрозам полночной птицы.
И водевили о глупом муже
Роскошно ставить, играя в лицах.
Еще возможно читать меж строчек,
Как меж прожилок опавших листьев.
Край неба розовым оторочен,
Но мой закат без тебя немыслим.
Так день, отмеченный нелюбовью,
Проходит мимо, в отдельном ранге,
Склонился скорбно у изголовья
Мой грустный ангел...

х х х

Белый холст и кисти белые.
Белый потолок и простыня.
Первые мазки, еще несмелые,
Но уже проложена по белому
Белым снегом белая лыжня.
Падают дожди оторопелые,
А в столичном граде ночи белые
Развели висячие мосты...
В белом небе словно обгорелые
Над Гостинной церковью кресты.

Белой леди всходит смерть по лестнице,
Покрываясь мягкой пеленой...
Хочется заплакать и повеситься
На рогах серебряного месяца,
Криво усмехаясь над судьбой.
Вверх взлететь белесою субстанцией,
По тоннелю до последней станции,
Снежной грани между да и нет,
Чтобы через много - много лет
Девушка с улыбкою Констанции
Целовала мой цветной портрет...

х х х

Сумерки.
Не жизнь - сплошные сумерки.
Отрицанье света и гармонии.
Может быть, и чувства просто умерли,
Растворившись в траурной симфонии?
Если нет любви и нет желания
Продолжать затянутые опыты...
И просить любви, как подаяния,
Жалким, прерывающимся шепотом,
Что упал в ладонь копейкой медною,
Вымученной каплей на надгробие...
Наших писем робкое и бледное,
Но закономерное подобие.
Мы, возможно, поступали правильно -
Время не гоня, шагали пешими...
То ли все вокруг настолько праведны?
То ли мы с тобой такие грешные?
Падаем - разбитые, бескрылые..
Сумерки подводят к бесконечности.
Дальше только ночь, ты слышишь, милая?
Только ночь, в последнем вздохе Вечности...

х х х

Упала тень, и вечер звезды сжег...
В туманной мгле лишь сосны тихо стонут,
Где, подводя грядущему итог,
Мы в прошлое глядим, как в черный омут.
Прочь оттолкнув покатою крыши край,
Я ринусь вверх, немой и вдохновенный-
Пойдем со мной, в мой Водолейский рай,
И нет прекрасней места во Вселенной.
В мою ладонь вложи свои мечты.
В моих руках оставь воспоминанья.

Всего лишь шаг с зовущей высоты,
Всего лишь миг от веры до призванья.
Закрой глаза и веером ресниц
Вдохни мне в душу память первых взглядов,
Тень хуторов, предчувствие столиц
И слов, каких произносить не надо.
Наложен крест, заклятье и запрет
На долгий сон, на ровное дыханье.
Пойдем со мной, но близится рассвет
И трезвый взгляд, и быт, и пониманье.
Не торопись, подумай, отыграй
Свое лицо на сцене настоящей.
Осталась ночь и вот он, этот край -
Отточенный, заветный и манящий...

х х х

Я такой же предмет, как любая деталь интерьера.
Создаю антураж и коплю на поверхности пыль.
Мне присуща во всем утонченная гамма и мера,
Освещение, место, высокий классический стиль.
Я подчеркнуто вежлив, изысканно - официален,
Элегантен, улыбчив, доступен (на данный момент).
Если в голосе вдруг и мелькнет ощущение стали,
То и это зависит от веяния перемен.
Я могу объяснить все случайности этого мира
И указывать всем оптимальное время для гнезд.
Препарировать Сон. Разобрать по созвучиям Лиру.
Успокоить поэта, вдохнувшего Славы и Грез.
Я надежен как танк и трезвей, чем расчет дельтаплана,
И готов оплатить безналично представленный счет.
Мне почти ничего в этой жизни ни дико, ни странно,
Потому что Она сюда больше уже не придет.
Не войдет в старый дом, не поправит на окнах портьеры,
Не откроет рассвет, где в живую поют соловьи...
Я такой же предмет, как любая деталь интерьера
И я так же умру, не дождавшись Случайной любви...

х х х

Что за ночь была!
Звезды тусклые,
Как пророчества
Заратустровы.
А в глазах ее
Полумесяцем -
Пламя светится!

Искры бесятся!
Сожжены мосты,
Угли красные...
Все слова пусты.
Все - напрасные!
А к бровям ее
Обособленно -
Мягкий бархат льнет
Черным соболем!
И снега стеной
Старой крепости...
Я верчу судьбой
До нелепости.
А в кудрях ее
Златокованных -
Лунный луч поет
Заколдованно!
И в стихах теперь
Сны не вещи...
Меж примет-потерь
Все зловещие...
В суматохе лет
Чувства - тщение...
Но оставь хоть след,
Сновидение!

х х х

Н.

Издеваясь над теченьем дней,
Поезд неся из границ зимы,
Увозя совсем чужих людей,
Даже внешне не таких, как мы.
И качало их тайком купе
В шалой неге молодой весны,
Веселился тощий стол Распэ,
И мгновенья превращались в сны.
А когда разбил окно рассвет
И ушла последняя звезда,
Эта девушка сказала "нет",
Что, конечно, означало "да".
У бессонниц лишь одна беда -
Что ни ночь, то просто тихий бред.
И мужчина подтвердил "ну, да..."
Что, конечно, означало "нет".
Напрягались души и умы,
И, наверно б, страшным был конец...

Но спокойно развенчали мы
Всю романтику смешных сердец.
Эти двое развели мосты...
Все так ясно стало впереди.
Что за легкость - вплоть до пустоты,
Где-то в левой стороне груди...

х х х

Эти вишни впитали тепло ваших пальцев...
Ваши губы хранят аромат этих вишен,
И манят облака откровеньем скитальцев,
И луна обреченно ложится на крыши.
Мы не можем бродить этим городом вечно.
Наплевав на условности общей морали,
Мы должны расставаться легко и беспечно
Между трещин на легкой небесной эмали.
Улыбаться знакомым, заставшим нас вместе,
Но молиться в душе, чтоб они позабыли
То, что видели... И выцарапывать крестик
Каблучком башмачка на полуденной пыли.
Напряженно молчать - это необходимо.
Потому что слова все равно бесполезны
И поток временной давит неотвратимо,
Нас небрежно качая на краешке бездны.
Если верить всему - нам не стоило сбыться...
Раз уж атомы делят и сыпятся щепки,
То безумно легко было б нам разделиться,
Ощущая всю власть общепринятой лепки,
Ковки, кройки, строительства духа и тела
Для укладки в формат всем удобных канонов.
Гордый дух перемен налетит оголтело
И заставит идти без проблем и уклонов.
Дистилляция снов будет чаще и строже.
Нас избавят от слез, и стихов, и дебатов.
...Кровь раздавленных вишен упрямо похожа
На попытки души протолкнуться сквозь вату...

КАК НАЧАЛОСЬ НАЧАЛО (1998)

х х х

Ты помнишь - небо с тучами,
А мы идем вдвоем
В певучий и задумчивый

Странноприимный дом...
От требований требников
И слухов тиражей
Нас прятал храбрый Хлебников
Под сенью этажей.
Бежавшим, словно с паперти,
Мечталось сладким сном -
На стол с зеленой скатертью
Припасть горящим лбом.
Он там горячим кофе нас
Отпаивал от лжи,
А в средневожском профиле
Дрожали миражи...
Любовь дышала заново,
Попав в словесный храм,
Где сплетников Губановым
Хлестало по губам.
Где в сумерках верленовских,
В дневном сиянье ламп,
Казалось, откровенно скис
Документальный штамп!
Где над метаморфозами
В червонорядный рай
Мы падали, бесслезные,
В блестящий месяц Ай.
И в предвечернем таянье
В укор людской молвы
Нас провожало здание
Улыбкой Гуль-Муллы...

х х х

Бывает так, что, отложив тетрадь,
Не чувствуя спектральные цвета,
Бессмысленно стараешься понять
Значенье чисто белого листа.
Насмешкою на отгоревший день
В ночи чадят фонарные столбы,
И, кажется, порою просто лень
Выравнивать кривой каприз судьбы.
Под смех и вопли радостных ворон
Вновь поменять подножие и стиль,
И обедневший колокольный звон
Смахнуть в ладонь, как золотую пыль.
Из черных туч сколачивать кольцо
На безымянный палец в самый раз.
И успевать заглядывать в лицо,
И отмечать многообразие глаз.
Но, притворяясь сонным и глухим,
Ступить на край, где дышит пустота,

Перечеркнув остывшие стихи
Андреевским знаменем креста!

х х х

Научите меня песням. Я устал бренчать на лире.
Научите меня песням, чтобы ненависть и кровь
Зазвенели, растекаясь в этом полусонном мире,
Где рождаются на струнах прародители стихов!
Где летают альбатросы, где скользят меж сосен шпаги,
Где соленые баллады сотканы из облаков,
Где витают над планетой духи битвы и отваги,
Возрождая неземную вдохновенную любовь!
Научите меня песням. Вкладывая душу в звуки,
Научите меня песням, отражая в нотах боль...
О победах и паденьях, о печали и разлуке,
О пустой попытке вжиться в мне навязанную роль.
Невозможно отречение от земли или от неба,
Невозможно возлиянье и молитвы двум богам.
В небе чувствуешь острее жаркий вкус вина и хлеба,
На земле всю жизнь тоскуешь по небесным кренделям.
Научите меня песням. Только чтоб о самом главном.
Научите меня песням. Я рожден, я должен петь!
Очень просто быть известным, убедительным и славным
Прославляя томным альтом опустившуюся плеть...
Успокойте мою душу, разверните мои плечи,
Взвесьте все мои поступки на космических весах,
И тогда взойдет из тлена знание истины и речи,
И тогда родится Песня там, где ныне пыль и страх!

х х х

Где мой хмель в бокале?!
Я сегодня - вечер!
Выхожу из спален
Медленно, как вечность.
Мартовской скотиной
Вызолотив ус свой,
Выгибаю спину
С пошленьким искусством.
Вот такой я гадкий!
Вот такой порочный!
Весь в сплошных загадках,
Весь из многоточий...
Мастер компромиссов,
Неприличных сделок.
Ценник для капризов
И продажных девок.

Я гублю сироток.
Очугунив нервы,
Походя и кротко
Бью пенсионеров.
Люди от боязни
Валят меня скопом.
Я же в эти грязи
Намертво затоптан.
С дурью бесшабашной
В душу ломают двери.
Мне порою страшно,
Что и ты им веришь...
Словно черный ворон,
До сердечной рези
В воющую свору
Упаду возмездьем.
С рваной горловиной
К высшему подножию
Чистый и невинный,
Ровно агнец божий...
* * *

М. К.

Как это у вас дивно,
Как это у вас славно...
Вот ночь прошла ливнем,
Что теперь считать главным?
Как это у вас громко,
Как это у вас звучно...
Замер горизонт кромкой,
Облака над ним кучно.
Как это у вас грустно,
Как это у вас сладко...
На душе порой пусто,
И в судьбе не все гладко.
Как это у вас нежно,
Как это у вас гордо...
На висках уже снежно,
А какие там годы...
А какие здесь будни,
Одинокий во поле колос...
Возвратите нацию людям,
Позабывшим собственный голос!

х х х

Наташе Колесниковой

Кружево шарфика, белая ленточка,
Ласковых глаз полевая звезда...
Господи боже! Откуда ты, девочка?
Как ты сегодня попала сюда?
Так же нельзя... Это просто бессмысленно...
Крылья хрустят под чужим сапогом.
Тут убивают словами и числами,
Каждый палач и открыт, и знаком.
Здесь же стреляют! Здесь валят на пристани
Сразу все шестеро на одного...
Здесь невозможно по честному выстоять.
Здесь невозможно вообще - ни-че-го!
Больно... Я тоже срываюсь в истерику.
Спрячься, уйди, отдохни, подыши...
Чтоб на пути к осиянному берегу
Свято сберечь незабудку души.
Флейта не спорит с казацкою шашкою.
Вот твое облако - сядь и лети...
Выкраси жизнь освежающей краскою,
Всем рассказав, что приснилось в пути.
Девочка, милая, этой эпохою
Многое сломано. Что уж там мы...
В небе светлей. Ты подумай, а плохо ли
Петь, не боясь наступленья зимы?
Крылья расправь для полета.
Ну что же ты?!
Здесь не твоя ни война, ни вина...
Просто прими, что вон там, у подножия,
Высохла кровь, и теперь... Тишина...

х х х

Подними потолок. Просто нечем дышать,
Или стены раздвинь, я хочу потянуться...
В неоглядную ширь, в непролазную гать
На мгновенье уйти и совсем не вернуться.
Так ли надо спешить? Я же был в тех краях...
Там не пишут стихов, не страдают, не мыслят.
Я еще задержусь, но буквально на днях
Получил свой билет и бумаги на выезд.
Значит, снова плутать в черном небе без звезд,
Где прошедшая жизнь далека и условна...
Ах, как тихо вокруг! Желтый свечечный воск
Залепил бубенцы, и дорога безмолвна.
Ни дыханья, ни сна, ни пылинки в лицо...
Просто вечный покой. Даже скулы немеют...
Здесь прилежно живут и у мертвых певцов
Отбирают гитары для фондов музея.
Хоть бы стон, хоть бы храп, чей-то смех, или крик...

Но давненько огни потушили на башнях.
В облаках - то ли крест, то ль обугленный лик,
То совсем ничего... и становится страшно.
Если наша любовь все равно догорит
И останется здесь золотой и нетленной...
Над безверием тень, только где-то внутри
Сердца стук на Безмолвных
Скрижалях
Вселенной...

х х х

Ты помнишь этот страшный путь
Через горящий лох?
Как запах тленья резал грудь,
Мешая сделать вдох.
Там скалил зубы зверолов,
Дымились облака,
И смерть вылизывала кровь
С горячего клинка.
Ты понимал, что ты - один.
А за спиной лишь тень.
Над головою восходил
С плеча разящий день.
И обоюдоострый луч
С шипеньем резал плоть,
Спеша литую толщу туч
Наотмашь пропороть!
Чтоб хлынул дождь на эту грязь,
На этот смрад и боль.
В желудке колыхалась мразь
С названьем - алкоголь.
Я падал головой о стол,
Плюя в земную власть,
А пуля подавалась в ствол,
Потягиваясь всласть.
Скреблись граненые ножи
О реберную клеть,
И если это - наша жизнь,
То что ее жалеть?!
Восславим мертвую любовь!
Зажмем зубами крик!
Пусть наша алчущая кровь,
Упав, в единый миг
Прожжет слежавшийся гранит
Так, чтоб наверняка
Пробилось из-под тверди плит -
Подобие цветка!

х х х

Колокольный звон угас
Плавно так...
С древних фресок смотрит Спас
Жалобно.
В храмах пусто - волком вой.
Ветрено.
Бреют ангелов и в строй,
В рекруты.
В небе тучи да дожди -
Полосы.
Не дождешься, сколь ни жди,
Голоса.
В церкви ли навеселе
Каяться?
Пуля желтая в стволе
Мается...
Смерть все спишет, все простит
Важно ли?
Что за время на Руси
Страшное...

х х х

Бывает так, что путь нелеп и труден...
Из облаков, от неба отошедших,
Мы падаем на эту землю - люди
Из рода приходящих и ушедших.
Мы можем петь и улыбаться смерти,
Но никому не расстилаться в ноги.
Умеем драться, как морские черти,
И защищать ромашку у дороги.
Когда к стихам примешивая крики,
Мы небо держим или пламя гасим,-
Мы не двуличны, мы, скорей, трехлики
И очень цельны в каждой ипостаси.
Порой бедны, порой богаты словом...
К ногам танцовщиц расшвыряв монеты,
Мы принимаем все, что безусловно,
И понимаем все, что безответно.
Нам нет прощенья - мы его не ищем.
Нам нет награды - мы ее не просим.
Но нам, как сон, дарована Всевышним
Волшебная, таинственная осень!
Поэзия от жалости устала.
Весна - наивна, утомленно лето...
Прильнем к сиянию царского бокала
С сентябрьским возвышенным рассветом!

Нам даровали осень - наше время.
Эпоху менестрелей и сонетов,
Людей, лампадой делающих стремя
И чувствующих грани тьмы и света.
Первопроходцев, всадников, поэтов,
Упавших с неба на песок арены,
Где в поисках единого ответа
Ломавших жизнь, как мироздания стены.
А люди, нас сочтя за сумасшедших,
В слепой борьбе за собственное счастье,
Не забывая плакать об ушедших -
Не торопясь стреляют в проходящих!

х х х

Опять звонят колокола... Не слишком рано?
Оборвана струна, и даже не смешно...
А время берedit затянутые раны
И, выливаясь в мир, спешит упасть на дно.
Белеют в небесах осколки крыл лебязьих,
По перышку разнес случайный выстрел их.
Колеблются вдали все отгиски пейзажа
В оттенках городских субботних выходных...
Разложенный пасьянс не сходится упрямо...
И у аптеки вновь зажгутся фонари,
И снова будет ночь, и снова будет драма,
Пусть не на целый свет, так у меня внутри.
По стопкам разложив былые акварели,
Я вспомню имена и подведу итог
Растянутых страниц, неблагозвучных трелей,
Поднадоевших рифм, высокопарных строк.
Пытаясь миновать пороги и овраги,
Вновь совершу один из бытовых грехов.
Оставив на столе лист глянцевой бумаги
И проведя всю жизнь в предчувствии стихов!

х х х

В околесице событий,
в бешеном вращенье буден,
В ритме встреч и расставаний,
в сутолоке очередей
Вновь мелькают торопливо ноги,
спины, лица, груди -
Все в частичном варианте,
как осколки от людей.
Словно зеркало большое,
отражавшее реальность,

Разлетелось на миллионы искривлений,
капель, снов.
И в осколках преломившись,
серединой стала крайность,
И слышалась кантата
в хороводе странных слов.
"Ты пришел сюда незрячим,
ветер шил тебе одежды...
Все твое существованье
означало плоть и тлен!
Но, взвалив себе на плечи
непосильные надежды,
Ты ломал границы знаний
и шатал фундамент стен.
И тебе дарила вечность два крыла,
как смену суток.
День и ночь, огонь и воду,
жар и холод, тьму и свет,
Предначертанный веками
путь сомнения и шуток,
Отрицанье общих мыслей
и в один конец билет.
Хрупкий шаг канатоходца
между двух великих истин:
Рухнуть вправо или влево -
выбор, в общем, невелик.
Балансируя руками, ты пришел
к простейшей мысли,
Что канат, похоже, режут,
и остался только миг.
Миг на лезвии, на грани,
на вершине исступленья,
Где седая пыль Вселенной
начинает круговерть.
Миг последнего причастья
и светлей, и вдохновенней -
Тех нелепейших понятий,
что зовутся жизнь и смерть..."
Мерно тек поток прохожих
мимо стекол ресторана,
И никто уже не думал об утерянных стихах.
Голос смолк, и только звуки
вознесенного органа
Отражались в недалеких,
в предгрозовых, облаках...

х х х

И. С.

Мы живем в едином мире.
Дышим космосом и дымом.
Отражаем вкус предметов в общепризнанных стихах.
Посвящаем их Вселенной, или ветреным любимым,
Или каемся прилюдно в неосмысленных грехах.
Делаем дворцы и горы из песка, золы и пыли.
Стоит только дунуть ветру, - мы изменим весь сюжет.
Но незыблем лишь фундамент, кони загнанные, в мыле,
Перевернутый на рифах, нами брошенный корвет...
Здесь наступит разделение.
Я останусь - капитаном,
Не оставив свой корабль на возвышенную смерть.
Ты - настроишься на вечность и расчертишь пентаграммы,
Пробуя осколком рифмы - неба пламенную твердь.
А потом навеешь вечер, дальше - ночь.
И я увижу Дом, который ныне - пепел.
Мир, который - позабыл...
Красно-синий флаг с драконом голубей на белой крыше,
В золоченом божьем храме обращенье горних крыл.
Склеп, цветы в высоких вазах, позабытые могилы,
Прадед мой, что в те столетья был шальным и молодым.
Только стрелки циферблата продвигаются уныло,
Но я помню, что когда-то был прощен и... нелюбим.
А теперь, рассыпав время и блуждая наудачу,
От строфы к стихотворенью предваряя ритмов строй,
Мы идем к одной вершине - это что-нибудь, да значит!
Каждый движется своею, непроторенной тропой.
Не попутчик, не конвойный...
Все порой куда как строже.
Разность и еще раз разность...
Кто же знает почему?
Мы живем в едином мире, но не приведи нам боже,
Вдруг достигнуть той вершины и остаться одному!

х х х

Осень... Грустное соседство
Старых писем, прошлых снов.
Уплывает наше детство
В дымке дальних берегов.
Снились мальчикам гусары,
Пробок пьяная пальба,
И металась вдоль гитары
Ошалелая судьба.
Что нашли и что искали
Строго в рифму, точно в такт?
Отшумели, отплясали, отыграли
Первый акт.
Визы, планы, перемены,

С каждым днем слабее боль.
Кто теперь поставит сцену?
Кто теперь напишет роль?
Дуэлянты подустали,
Помирились не спеша,
И взошла на лунной стали
Опаленная душа.
Как же мы, не зная меры,
Словно с царского плеча,
Годы, строки и химеры
Раздарили сгоряча?
Что оставим у истоков
В день, когда услышим вновь
Гордый тон своих высоких
Ненаписанных стихов...

х х х

Я могу не говорить ничего...
Отшумела песен пьяная рать.
В светло-розовом сиянье снегов,
Оказалось, так легко умирать...
Как бродить босым в пуху облаков,
Как расти с травой, по пояс в росе,
Как прислушиваться к ритму шагов
На бетонной, неживой полосе.
Бросит карты мне цыганская дочь...
Выйдут черви и безногий валет.
Потому что за ушедшую ночь
Ни прощенья, ни раскаянья нет...
Если снова запечатан конверт,
В воске оттиск золотого рубля,
И распятый холст прилег на мольберт
В ожидании касанья угля.
Как причастье перед выходом в свет -
Аверс, реверс... Возлюби эти лбы!
Нет клиентов, покупателей нет.
Мерно катится монетка судьбы...

х х х

То ли стон, то ль зарево над землей,
Стадом перепуганным облака.
Только с церкви слышится "упокой"
Благо, что хоть колокол цел пока.
Сразу и не верится - бред и вздор
Что творится, господи, упаси...
Без суда, без следствия приговор -

Убивают ангелов на Руси!
Руки цепью схвачены без узлов,
И закат до времени так багров,
А по крыльям катится то ли кровь,
То ли просто ржавчина с кандалов.
Все сомненья по ветру, память - в дым,
Голубиной кротости тихий взор...
И не вечной каторгой на Чулим,
А на плаху липкую под топор!
Все молчат, и правильно, а не то...
Страшно оказаться меж двух систем.
Более не спрашивай - кто за что?
Догадайся вовремя, кто за кем!
Перед властью времени - нету прав!
Захлебнулся колокол - рвут язык!
Кто-то задыхается, осознав,
Одинокий мечется в небе крик...

х х х

А. А. Мамаеву...

Письмо написано и смято...
Долой пустые разговоры,
А за окошком пахнет мятой,
И я спешу задернуть шторы.
С какой-то затаенной дрожью
Раскрыть дневник воспоминаний.
Сесть за столом, где осторожно
Вдыхать осколки прошлых знаний.
Где с томиком Аполлинера
Гулять по пыльному Парижу...
Мерило чувств не знает меры.
И звезды вряд ли станут ближе.
В кармане хоть бы грош случайный,
Унылый таракан на блюде...
И остается вечной тайной -
Как зарабатывают люди?
Но, бросив горсть опилок в чайник,
С пустым желудком что скандалить?
Покажутся необычайны
Размеры неба и печали...
Холсты бессмысленны, а краски
Преступно яркие, как помада
Портовых шлюх. Оставим сказки,
Плеснем на дно стакана яда.
Мне не смешно... В моей России
Прошу в последнем прегрешенье
Ни хлеба, ни вина, а силы
Строки - на душу населенья!
В молчанье не найти ответа,

Хрипя в поту борьбы неравной.
С клеймом Иуды и поэта,
Не смея прикоснуться к храму
Души прозрачным хризолитом.
Почувствовать, что есть дорога
По линиям руки, пробитой
Ладони Бога...

ИЛОНА

Старых книг, юных снов бред,
Запах времени так прян...
Но тебя все равно нет,
Так чего же ищу я?
В твоём имени звон шпор,
Привкус стали и рев труб.
В твоём имени - приговор
Нарочито надменных губ.
Обещающий вечность взгляд
На равнине забытых тел...
В твоём имени трупный яд
Сарацинских зловещих стрел,
В твоём имени лязг мечей,
Обезумевших на крови,
Коронованных палачей
Вечно-вересковой любви!
Ты сама как роман в стихах,
Где рифмованность чистых чувств
Порождает недетский страх,
Запах меда и соли вкус.
Так слезинка с припухших век
Громогласна, как Благовест...
Где вознесся твой красный снег
На серебряный с чернью крест!

х х х

На гадальное блюдце легла чуть заметная трещина...
На верченом столе алфавитно-размеченный круг...
Ах ночная Тоска! Моя самая верная женщина
Из грядущих и прошлых любовниц, невест и подруг.
Я раскрою конверт с запечатанным девичьим локоном,
Чуть блеснут образа в повторенье лампадным огням...
Наша странная жизнь из каких только нитей ни соткана,
Или брошена вновь в перекройку нахлынувшим дням.
Надоело смотреть на бессмысленность встреч, размещающих
Нас на шахматном поле, где каждый стремится в ферзи.
Обреченный король уже сделал легко и отчаянно

Шаг на клетку вперед, понимая, чем это грозит...
Значит, первой умрет не моя утонченная лирика.
Значит, бесы не ждут петушиного крика вослед.
Все слова о любви возвышаются в ранг панегирика.
Все слова расставанья вплетаются в жесткий сонет.
Вот и строки письма ароматами дышат французскими...
Прикрываю глаза и пытаюсь поймать сквозь вуаль
Твой рассеянный взгляд, когда ты нарочито-искусственно,
Принимаешь меня, как свою ежегодную дань.
Эта страшная тень поглощает любимых и близких мне...
Ах, ночная Тоска, как приятен был твой произвол...
Но вернется рассвет, разгоня химеры и призраки
И я первый вгоню в твое сердце осиновый кол!

х х х

Фея леса - рыжая лиса,
Жадная и страстная колдунья...
Копятся чужие голоса,
Подтвердив грядущее безумье.
Обнажив обожествленный стих
В бесконечной смене декораций -
Если я чего-то и достиг,
То не для того, чтобы казаться
Чуть умней - пришедших до меня,
Чуть глупей - идущих вслед за мною.
Отблески небесного огня
Нас сравнивают с веком и судьбою.
Фея леса - рыжая лиса...
В долгий час полуденного пьянства
Прошлый мир наложит на глаза,
Вечную печать непостоянства,
Откровеньем вскопанных могил,
Павших звезд в системе мироздания,
Где страдал, мечтал и волком выл
О любви без веры и названья,
О земле, которой не пройду.
О душе, которой не встревожу -
Пусть хоть искрой в душащем бреду,
Но твоею искрой, святой боже...
Фея леса - рыжая лиса,
Пламень, разрывающий на части!
Предоставит Вечность полчаса,
Полпути в полупознание счастья.
Обреченный этому костру
Отдавать последнее с ладони,
Я уже навечно - не умру,
Возродившись в царственной короне.
Положу свой меч на аналой
В поисках возвышенного крова

И приму монаршеской рукой
Дикий мир утерянного Слова...

х х х

Расстаемся... Ты это всерьез?
Я не помню банальнее фразы.
Мне всегда представляется сразу
Океан из упреков и слез...
Убеждаю себя - не спеши.
Поиграв отражением лунным,
Пробегусь по ладам семиструнным
Одинокой, бродяжьей души.
Миги горьких и радостных встреч
Подбирая на пыльной дороге,
Я прикинусь немым и убогим,
Отложив восхищенную речь.
И отпраздную день расставанья,
Опьяненно вглядевшись в закат,
Если это усилит стократ
Сердца стук и длину расстоянья.
Боль строки, никогда, в никуда
Вознесет первобытная песня.
Как зеленый осколок из перстня,
С поднебесья сорвется звезда.
И зарю возвестят соловьи,
Далеко, не на этой планете.
Жизнь увидев в возвышенном свете,
Я порву все стихи о любви...

х х х

Матушка-императрица,
восемнадцать лет...
Раз увидев - вечно Ваш до вздоха!
Укороченная шпага, длинный пистолет,
Рев ветров, крылатая эпоха.
Что поделать, раз не время,
если не судьба
Встретиться, покаяться, проститься?
Вырвет из любых объятий грозная труба -
Не грусти, притихшая столица.
Это вечный крест -
менять любовь на миражи...
Что мы можем отсудить у века?
Горизонт всегда отодвигает рубежи
И смеется как немой калека.
Мертвый город глух к мольбам,

и нечего менять
Свой целковый на пригоршню меди...
Даже не смотрите вслед,
опять начнут пенять
Наши заграничные соседи.
Нам смешно, а их, как прежде,
душит тот же страх,
Ужас перед северным медведем...
Матушка-императрица, где в санях,
где в снах,
Все равно когда-нибудь доедем!
Над Невой зима опустит белое крыло,
Сжалившись, врачую и колдуя.
Я умру столетьем позже,
чуть вдохнув тепло
Вашего шального поцелуя...

х х х

Почти случайные знакомые...
Вдруг встретились, но что в том нового?
Лишь линии руки, так схожие
С прожилками листа кленового.
Вершились звездами знамени,
Грозя грядущим лихолетьем...
Какие были изменения,
Что мы их даже не заметили?
Но ветер, плачущий молитвенно,
Гасил все свечи под иконами,
И ночь, раскрывшаяся ливнями,
Смутила Вечность перезвонами.
Связала землю на мгновение
С престолом Господа, к которому
За сладкий час грехопадения
Я предступлю, склоняя голову.
Где золото закатной лавою
Сентябрьского солнцестояния
Зальет фальшивые, бесславные,
Пустые строки - покаяния...
В полях, сминая травы росные,
Прочту следы под крики сокола.
Там все тропинки судьбоносные,
Там все пути вокруг да около.
Забуду дни, что мне обещаны,
Швыряясь жизнью в небо с просинью,
За поцелуй прекрасной женщины,
С которой мы дышали Осенью...

х х х

Ничего мне уже не жаль,
И не надо мне никого.
Ночь накинёт на плечи шаль,
Пододвинет лист делово.
Так бывает, простой сюжет.
Да и важно ли вспоминать,
Сколько минуло зим и лет,
Ни приклеить, ни оторвать.
Разве имя напомним мне
Горький запах больших свечей,
Отблеск пламени на луне
И янтарь на ее плече.
Тонких пальцев томящий хруст
И бессвязно-немую речь,
Детских губ ее сонный вкус
На обрывках коротких встреч...
А потом, как последний вор,
Красть мгновенья живой весны,
И разбитый клеить фарфор,
И отчаянно верить в сны.
Не хочу. Я устал от строк,
Но в ушах отдаленный звон...
На пожизненный этот срок
Знать бы, кем я приговорен?
Ничего, притворюсь глухим,
А когда засвербит в крови,
Буду гордо писать стихи
В одуванчиковой любви.
Нарисую большой пейзаж -
Чтобы небо и облака,
Чтобы, Господи светлый наш,
Пожалел меня... А пока...
Ничего мне уже не жаль.
И не надо меня жалеть.
Расколосась моя эмаль,
А была ведь
и жизнь,
и смерть...

х х х

Ты такая красивая и молодая...
Я бы мог не писать уже больше ни слова,
Ибо сказано все. Ибо в этом основа
Нашей жизни, как вечного бега по краю.
Как ни сложится путь через горы и мели,
От "мечты стихотворца", до "бабочки" в баре-
Первый шаг уже сделан.
Фанфары пропели.

Отгремели салюты, но запахи гари
Еще носятся в воздухе. Давят на вздохе,
Присыпая ресницы невидимой тенью...
И разбитой любви обреченные крохи
Отмечают границы, года, сновиденья.
Траектория взлета, удара и боли...
Неповинна ни в чем и за это в ответе?
Если ангел-хранитель вступиться не волен,
Кто тебя защитит от ошибок и сплетен?
Смерть не очень страшна - тишина и прохлада...
Как задует свечу - стихнет суетность сует,
Унижающей лжи, раздевающих взглядов...
Это в мире ином нас не слишком волнует.
Но сейчас, но пока, в настоящем и данном
В пику мненьям, судьбе и озоновым дырам,
Когда мнимый успех раскрывается раной...
Когда шаг с высоты лишь паренье над миром...
Ты такая красивая... Господи правый!
Есть ли смысл в хуле и огне предсказаний?
Преклоняю колена в принятии славы,
Той, что выше Суда и любых оправданий...

х х х

Мы знали, что расстанемся.
Что ангелы уходят,
Что свечи гаснут и луна меняет очертанья.
Рассеянный рисунок звезд в небесном хороводе
Читает козлоногий бог без всякого желанья.
Мы знали, что не сбудется, не сложится, не спишется.
Что две налаженных судьбы сплести в одну... нелепо.
И вот - ресницы не дрожат.
И вот - ровнее дышится,
А на минувшую любовь наложен бантик крепа...
Мы знали, но упрямылись.
Клялись, смеялись, каялись,
Считали дни страницами и доверяли снам.
Мы плот себе придумали и веслами не маялись
Вдоль по молочной реченьке к кисельным берегам.
Мы знали о пророчествах, но плыли по течению...
Даст бог - куда и вынесет, а вышло - не дай бог!
И, как смиренный странничек, молю о снисхождении,
И, словно гость полуночный, боюсь нажать звонок.
Все прошлые свидания впечатаны в сознание,
В пучину бед, в пучину вод, в пучину всех стихий...
Мы знали, что расстанемся, но что мне в этом знании
Пока еще могу дышать и пишутся стихи...

х х х

Казалось, меняю сам
Судьбу по своим часам.
На собственный цвет и вкус,
На собственный глаз и ус.
Казалось, размерен шаг,
И сердце пора беречь,
И больше не будет встреч.
Казалось, но не сбылось.
Без повода, вкривь и вкось
Всю жизнь мою повело -
Крестился, не помогло...
Казалось, могу уйти.
Свободно сойти с пути.
И вся эта жизнь - игра,
Закончится до утра.
Казалось, не нов сюжет,
И критиков в зале нет.
И если идет не то,
Никто не подскажет - что.
На сцене лишь ветра вой,
Да в небе над головой,
Казалось, горит всегда
Насмешливая звезда...

х х х

У меня за окном снег.
Редкий снег, колючий и злой.
У тебя за окном - век.
И мгновения чередой.
У тебя за окном сны,
Золоченые купола...
Словно запах литой сосны,
Сохраняет тепло зола.
У меня за окном шум,
Визг машин, суета, гарь..
Я, наверно, в твоём лесу
Не сумею гулять, как встарь.
У тебя за окном синь,
И, в морозный узор дыша,
Будто птица в родимый клин,
Так и рвется к тебе душа.
У меня за окном - ритм.
Телефоны, сюжет, глава...
Но в любой из моих молитв
Узнаются твои слова.
И мечтается об одном,
Что тогда не сумел сберечь...
Я зачем-то свое окно

Занавесил от прошлых встреч.
И поверил, что все прошло.
Да и ты не зажжешь свечу...
Снег упрямо стучит в стекло,
Что-то шепчет, а я молчу....

х х х

Праздничный стол. Ощущение рвоты.
В кухне прощальный забег насекомых...
Я устаю быть фальшивой нотой
В гамме твоих драгоценных знакомых.
Кислая дрянь пузырится в стакане.
Рыбный салат представляется липким.
Знаешь, меня уже больше не ранят
Тонкие взгляды, шальные улыбки,
Полные мудрости и пониманья.
Мне остается спокойно напиться,
Не нарушая приличия грани,
Выйти за дверь и в снегу раствориться.
Вздых облегчения... Милые люди!
Знали бы вы, как я вас понимаю...
Вот ананас, оливье, а на блюде
Сельдь из под шубы слюну вызывает.
Ну, улыбнись, молодая хозяйка!
Я не король новогоднего пира...
Весь мой костюм - расписная фуфайка.
Вся моя роль - записного сатира.
Трон не вакантен. Обычное дело...
В общей гармонии быт - это важно!
Душу легко отделяют от тела.
Это не больно,
и это не страшно...

х х х

Все это было... Первый акт.
Арена для двоих.
Судьба с судьбой идут не в такт,
Не вписываясь в стих.
И неба нимб над головой,
Насыщенный свинцом,
Венчает нас с чужой женой
Серебряным кольцом.
Осенний дождь, как вечный храм,
Где гаснут свечи звезд...
Где чувств бушующий напалм,
Где все, всегда - всерьез.

Священник скажет: "Позабудь!
Иди и не греши..."
Но снова полосуют грудь
Фатальных строф ножи.
О, эта ватная стена
Непроломима лбом!
Там ночь прибита у окна
Осиновым колом,
За то, что чересчур черна
И в самый поздний час,
Упившись грешного вина, -
Уже простила нас.
Пусть вынесет вердикт небес
Надзвездное каре -
За Белый слог, за Черный крест,
За Смерть на серебре...

х х х

Как ты вошла сквозь двери и засовы?
Чьей волей высшей,
Старели вороны или мудрели совы
И свет был лишним...
Я торопился угадать свеченье
Последней капли,
Не веря в снов предназначенье
Под знаком Цапли.
Иные символы и вехи
Неслись над миром...
Взрывались звезды, как орехи,
И пахло миром.
Гекзаметр всходил на троне
Точеных звуков,
В зеленой царственной короне
Из листьев бука!
Смешение нездешних красок
В вечерних тучах,
Как ощущение, что Разум -
В строфе созвучий.
Пылай, возвышенная нота!
А тонкость мысли
Игриво, с полуоборота
Срезала числа,
Сметала, брошенное в свет,
Единство мнений.
И ты вошла, как силуэт,
Без тени...

х х х

Устала ночь, прошел испуг,
Растаяв в дыме сигареты.
В объятьях тысяч разных рук
Залапано лицо с монеты.
Определенный нестандарт,
Но я плачу любую цену -
Наполеон Буанопарт
На острове Святой Елены!
Я бросил все на эту твердь
И большего отдать не в силах...
Какую ласковую Смерть
Мне в кубок Вечность нацедила.
Какая нежная печаль -
Глотать твое непостоянство
И позолоченную сталь
Лелеять, как строку ромansa!
Болею святостью твоей
Уныло, невообразимо...
И липким шепотом друзей
Заклеиваю окна в зиму.
Пересыпаю вицмундир
Дурманной дурью против моли.
Краду из мышеловки сыр,
Сам над собой смеясь до колик.
А неразложенный пасьянс
Винит крапленую колоду.
Какой высокий мезальянс
В предновогоднюю субботу
Должна нам выставить судьба...
Отточенно, легко и мило,
Словно настойка на гробах,-
Прощальный поцелуй в затылок!
Не той ли женщины слеза
Юдифью над олигофреном,
Решится мне закрыть глаза
На острове Святой Елены...

х х х

Привет тебе, Телефонный Бог!
Спасибо за все, что старался сделать.
Ты наши души верстал несмело,
Соединяя, что только мог.
Усиливал голос, как мегафон,
И каждое слово гремело медью,
А в трубке мраморный перезвон
Изящно стирал голоса соседей.
Ты, все понимая, пытался снять
Окалину нервов с пустого слуха...

И круглой ладони твоей печать
Так ласково грела больное ухо.
Я весь был болен. Я бредил ей,
Дышал ее именем в тьму мембраны.
Я тайный номер хранил во сне,
Как правоверный строку Корана.
Как бард - гитару, как маг - число,
Как червь музейный свои эмали...
И мне хватало десятка слов,
А телефон довершал детали.
Вдруг добавляя интимный треск
И резонанс на ведущих фразах,
Или шумя, словно хвойный лес,
Или шепча, словно вздох экстаза.
Это другие кричали: "Ах!
Требуем права, суда, огласки!"
А ты раскладывал в проводках
Нашей любви золотые сказки.
У всех романов один итог -
Очень счастливый! Очень либо...
Плачет в углу Телефонный Бог.
Он тоже не верит в мое "спасибо"...

х х х

Сердце находится в клетке тела.
Тело - в доспехах джинсовой ткани.
На фоне стены, крашенной мелом,
Не пляшут в белом никакие цыгане.
И на Босфоре я тоже не был,
Так что сама все о нем придумай.
Каплей молочной, краюхой хлеба
И облаков номинальной суммой
Выражен круг основных стремлений
Или потребностей. Мне так нужно...
Синие лапы кремлевских елей
Напоминают, что будет вьюжно.
И что за нами придут когда-то,
Как неподкупные конвоиры,-
Наших несбывшихся встреч солдаты,
Гордые, словно обломки лиры.
Скрутят нам локти чужой дорогой,
А несложившеюся любовью
Мягко завяжут глаза... И вздрогнет
Истинный мир, обливаясь кровью!
С первого залпа. Второй не нужен.
Все это было, но так нелепо...
И вознесутся несмело души
В вечную пропасть Седьмого неба!

х х х

Поздно.
Все раздавлено этим словом.
Звездно...
Просто полночь ползет над склоном.
Тише -
Старый город пришел за данью.
Слышишь,
Это кто-то поет над нами.
Свечи
Я сегодня поставлю в церкви...
Встречи
Забываются, но не меркнут.
Длится
Вечность быта, как жанр искусства.
Лица
Устремленно играют в чувства.
Стены -
Исцарапанные укрытья..
Вены
Сами выберут время вскрытья.
Плохо...
В сердце привкус кола осины,
Вдоха
Нерожденного тобой сына...

х х х

Я вор... Я краду твои мысли и сны.
Краду твои взгляды, улыбки и слезы.
В слепой канонаде случайной весны
Нелепо грохочут апрельские грозы.
Отмотанный срок, от звонка до звонка,
И новая кража, как новая веха...
Но цепью наручников бьется строка
В завистливых плитах соседского смеха.
Чахоточный лик бледно-желтой луны
Порезан, как свадебный торт, на квадраты
Решеткой окна, и скользит вдоль стены
Приблудный рассвет без вины виноватый.
Дрожит тишина. Изменение сфер
Всегда впечатлительней в замкнутом кубе,
Где смотрит в глазок чуть хмельной
Люцифер,
И стрелки часы не считают, а рубят.
Где песни о воле, а ворон кружит
И здесь над моей головой, потому что -
Ты так далека... и рукой непослушной

Наколото имя тюремною тушью
На створках святой, неподсудной души...

х х х

Минотавр топчет звезды...
Геи молоко разлито.
Ночь темна. Наверно, поздно
Ощущать себя разбитым,
Если и хрусталь небесный
Уступает грубой силе.
Мне сегодня стало тесно
В этом доме. Или - или?
Или мы совсем не звезды
И умрем не так красиво...
Может, тихо, может, грозно,
Может, даже агрессивно.
Или - звезды?! Это значит,
С неба падая упрямо,
Мы летим туда, где плачут
Дети, брошенные мамой.
Загадайте пожеланье -
Мы замедлим ритм паденья,
До последнего свиданья
Будет целое мгновенье.
Все исполнится, поверьте...
Только нам, судьбой забытым,-
Тихий хруст зеркальной смерти
Под раздвоенным копытом.

х х х

В слепом горниле медных труб,
В горячке быта и страстей -
Я помню лишь касанье губ,
И то на миг... а дальше тень.
А дальше дикая тоска,
Тупая боль, желанье выть...
И холод дула у виска,
Как невозможность изменить
Узор давно ушедших лет.
Я не жалею ни о чем,
А твой раскованный портрет
Слепит оранжевым плечом.
Твой образ в раме. Глупо ждать
Ответа с плоскости холста,
Где авангардная печать

Сковала горькие уста.
Каких еще цитат и слов
Нам может выбросить во сне?
Нас просто снегом занесло,
Но все оттаяет по весне...
Но все вернется на круги
В высотах гор, в глубинах шахт,
Где неумеренность строки
Решилась на последний шаг.
Полузабытый континент,
Судьбы священное число...
И все, что ты считала "не..." , -
Произошло!

х х х

Кареглазая моя праведница,
Девочка-синичка...
От разлуки не сразу старятся,
И отлично...
Тебе нравится быть жертвою?
Все - впустую...
Я тебе эту Осень жертвую,
Влажную и золотую!
Принимаешь подарок царственный,
Твой и только...
А ветра поминают дарственную
Листьев болью...
Зайчик солнечный серьги трогает -
Брысь, лукавый!
Все от полночи до полудня -
Нам по праву.
Вот восток заалел и пенится
Рваной раною...
Ничего уже не изменится,
Не станет заново.
Бесполезно гонять строку,
Словно рекрута...
От тебя никуда я не убегу,
Мне - некуда.
От былого не отрекусь,
Бессмысленно...
За окошком такая грусть -
Не-мыс-ли-ма-я!
Что ж, тебя-то я развязал,
Праведная...
Смотришь Господу прямо в глаза,
Все ли правильно?
Все, любимая, все. Пора...
Между всхрапами

Вниз,
с ладони топора,
счастье каплями...

х х х

Поэзия - привставшая на цыпочках...
Принцесса - танцевавшая на ниточках...
Как сцена ей мала... В театре кукольном
Страдает плоть нешуточными муками.
Вот жест под тайным знаком Скарабея.
Вот нож картонный в пальчиках злодея.
Не надо слез... По замыслу создателя,
Герой поверит проискам предателя.
Потом придут пираты и разбойники,
И, угрожая голосочком тоненьким,
Их атаман сверкает пистолетами
Пред королевскими блестящими каретами.
Наивно так... Но мы-то знаем истину!
Мы умудренно отмечаем мысленно -
Сюжет не нов, и реплики избитые,
И автор весь измучен простатитом,
Под жалкие аплодисменты зала.
Как это мило... Как нам надо мало!
Чтоб чувствовать себя всеильным Господом,
Пред каждым, кто чуть-чуть пониже ростом.
Но... Девочка! Остановись, ты плачешь
Над тем, что кукла падает? Иначе
Не может быть... А принц придет - поверь мне!
О, сколько стоит детское доверие...
А не придет, то мы изменим пьесу,-
Я сам пойду спасти твою принцессу...

х х х

Снег был бел.
Бел, как твоя фата,
Школьный мел,
Горний отсвет креста.
Я листал
Книгу без слов и цифр.
Умирал
Осени гипогриф.
Желчь и ярь
Разбеленный сменил бокан.
Бил звонарь
В одубелые лбы мирян.
Ты жила

Далеко, за полярным сном...
Три числа
Повелела отдать на слом.
Три строфы
Честно вывела в дневнике,
Крик совы
Растворялся невдалеке.
Три слезы,
Три попытки сойти с ума.
Яд гюрзы
Размешала в вине зима.
Белый трон -
Путь в поднебесье взрыт!
Лишь с икон
Кто-то кричал навзрыд...

х х х

Она давно не видит сны -
Она живет во сне...
Диск алюминиевой луны
Зажат в ее окне.
Разрезал шторы мертвый свет,
Но о ее плече
Поет шекспировский сонет
Погаснувшей свече.
Она по пальцам перечтет
Строй утренних забот,
Чуть задыхаясь, перечтет
Червленого Рембо.
В стакане остывает чай,
И терпкий аромат
Напоминает древний рай...
Как много лет назад
Она бродила там в цветах,
А мир был чист и свеж...
Она спала на облаках
Возвышенных надежд.
Ей ноги целовал прибой,
И неба свет не гас,
Казалось, все само собой
Свершится в должный час.
Там вздохи были так легки
Всему и всем назло...
А здесь гуляют сквозняки,
И крошится стекло.
Здесь обездвижен серый дом
С фатальностью раба.
Здесь под серебряным крестом
Лежит ее судьба,

И смерть узорчатым крылом
Уже коснулась лба...

х х х

Как началось начало?
Не знаю... Да, бог весть!
Ты меня не искала,
Не знала, что я - есть...
Но к ночи рухнуло небо,
И сплюнула яд гюрза,-
А наша судьба нелепо
Решилась поднять глаза.
Земля вспоминала вьюгу,
В зените смеялся зной,
И кони неслись по кругу,
Расчерченному не мной.
Горящая пентаграмма
Замкнула обхват лучей,
Где древнеиндийский Рама
Зажег хоровод свечей.
И годы влеклись за годом
Сквозь цепкие лапки дня...
Ты вырвалась на свободу
В том мире, где нет меня,
Где так хорошо и сухо,
Где выверен каждый взлет.
Обученная старуха
Вещает, что все пройдет...
Но разве хоть что-то значат
Законы, угрозы, лесть?
Все будет теперь иначе,
Ты знаешь, что я - есть!

х х х

Ты мне говоришь, что тебе постоянно снится
Неведомый мир, где реальное слито с чудом...
И ломкие пальцы пролистывают страницы
Такого былого, что даже поверить трудно.
Где каждый день из минут ожидания соткан
И даже стать на колени уже не волен...
Я должен молча смотреть на твой кружевной локон -
К чему кричать о своей любви или боли?
Стихи по ночам о тайном и сокровенном...
Какие слова! Какое упрямство страсти!
Поэзия прошлого, как аромат вербены,
Покажется сном, словно привкусом Высшей Власти.

Но время придет, - вспоминая слова молитвы
И горько и сладко, как в детстве, просить прощенья.
Березовый Бог, с опрокинутым небом слитый,
Позволит, как в осень, вступить в костер очищенья...
Тогда я коснусь щеки твоей легким ветром,
А может быть, каплей дождя охлаждая кожу
Фаянсовых ног, обожженных татарским летом,
И ты улыбнешься... И ты мневеришь тоже.
Растай же вплоть до воздушного поцелуя!
Весь мир измени водопадом случайной ласки!
А я зимой тебе на стекле нарисую
Прекрасного принца, скачущего из сказки...

х х х

Ночь вступила в мой дом легкомысленным хлопаньем окон...
На рулетке эпохи опять выпадало зеро,
Словно кто-то прорвал надоевший до времени кокон,
И вздохнула бумага, и зашевелилось перо.
Я бы жил как всегда в ожидании срыва и сдвига,
Я ладонью пытался поймать ускользающий луч...
Но пришла восемнадцатилетняя леди Интрига -
Все окутала тайной и двери закрыла на ключ.
Я потрогал замок и пошел к необъятному морю,
Как возвышенна смерть в белопарусном гордом гробу...
Если водкою можно залить и бездонное горе,
Море выправит нервы, с колен поднимая судьбу.
А потом я пройду по всемирным анналам и весям,
Где сомкнутся вселенные с лязгом гигантских клещей.
Но века утверждают, что мир бесконечно чудесен,
Если мы не ломаем природную сущность вещей.
Отдавайте любимым цветы, небеса и планеты.
Отдавайте поэзии радость любви и потерь.
Пусть окрасится ночь фейерверком стихов и сюжетов
И замки упадут. И стучащим откроется дверь...

х х х

Я судьбу свою разыграю сам
В освещении знакомых тем,
А моя любовь спит по кабакам
И, похоже, довольна всем.
Я дарил цветы, я хотел помочь...
Объяснял, где честь, а где грязь,
Но моя любовь уходила в ночь,
Не скрываясь и не таясь.
Не прощал обид, не считал потерь,
На охоте бил - только влет!

А моя любовь открывала дверь
Для любого, кто не придет.
Все, чего хотел, получил давно...
Скажешь птицам - петь, и поют!
Но моя любовь молча пьет вино
И идет, куда позовут.
Я блуждал впотьмах, я искал ответ
И решился, в конце концов...
А моя любовь мне смеялась вслед,
И менялось ее лицо.
Мне любые мерки грехов малы,
Если эта любовь, не та...
По серебряной пуле загнав в стволы,
Я до срока - плачу счета!

х х х

Предрассудительный вопрос,
Как бег по краю...
Пусть в вашей жизни все всерьез,
А я - играю. Балансирую на берегу
В опасном танце,
Я Вас уже не сберегу...
Зачем пытаться?
Хватаю воздух на скаку,
Борясь с зевотой,
Ловлю заблудшую строку
И брежу нотой!
Верблюжьей шкурой ляжет степь
К подножью ночи...
Наш прошлый век фальшиво слеп
И так просрочен...
Качает Время на Весах
Атлант угрюмый,
И смутно помнят паруса
Отдышку трюма.
К плечам ласкались ковыли,
Звенели цепи,
Зачем же Вы свой мир сожгли,
Оставив пепел?
И мой горит, как камыши,
Но боль честнее...
Ваш пепел спрятан в глубь души,
А мой - развеян...

х х х

Я сегодня - Дон Сезар!

Я небритый, но при шляпе.
За спиной шумит базар,
То ли в песне, то ли в храпе
Мается торговый люд.
Кроя мир непостоянства,
Нехорошим морды бьют,
Отстранясь от сна и пьянства...
Улыбаюсь всем подряд,
Хмурю брови, строю рожи!
Мне сегодня - черт не брат!
И судья любой прохожий...
Город похмелен весной...
Примиряющая зелень
С лиц сползает пеленой
И восходит на деревьях.
Благодушные коты
С крыш стекают торопливо,
Спины выгнули мосты
Элегантно и лениво.
Я сейчас пойду - влюблюсь!
Рифмы взяв в небесном хоре,
И стихами расстелюсь
Первой встречной Терпсихоре...

х х х

Войди в рассвет, пока роса легка,
Пока вокруг всего и понемногу...
Дежурный ангел сдвинет облака
И выправит бумаги на дорогу.
Короткий путь из небыли в сюжет.
Короткий вздох о прошлом безразличья.
Любимых глаз необратимый свет
И запах трав, и этот щебет птичий...
Все, как у всех, банально и смешно,
Рассказано, отыграно, пропето...
И повторяться было бы грешно,
Но так удобно, как иным поэтам.
Дай мне слова,- я их сплету в строку.
Хотя бы звук - он зазвучит иначе...
И музыка, что вечна на слуху,
Не разразится в смехе или плаче.
Она сгорит, как нотная тетрадь,
В огне каминном, пламенно и нежно.
Я все прошу, я все смогу понять -
Безудержно,
безумно,
безнадежно...

х х х

Ты - моя, а не чья-то. Другие лишь пена...
Сорняки, меж которых бредешь по колено.
Талый паводок, дань прошлогоднему бреду,
Невозможность пути по остывшему следу;
Сигаретный дымок, отравляющий небо,
Невозможная быль, отреченная небыль...
Ты - моя! Мы друг другу даны, как эпоха.
Мы - от первого сна, до последнего вздоха,
Предназначены быть обоюдным дыханьем
И всегда говорить кружевными стихами...
Ты - моя! И не стоит наивно пытаться
Утверждать, будто выцвели гроздья акаций.
Будто ветры не жгут, будто сосны не плачут,
Будто грубости наши хоть что-нибудь значат,
Что расстаться когда-нибудь будет возможно...
Все неправда, любимая, все это ложно.
Даже сплетни пусты и проблемы излишни -
Все давно решено и отмечено свыше.
Где сведутся мосты, где откроются двери...
Ты - моя.
И я сам
в это скоро
поверю...

х х х

Ночью холодно... имя твое не греет.
На вокзале вообще плохая погода.
Надо быть, наверно, чуть-чуть мудрее,
Ведь умнеют другие от года к году.
Далеко до рассвета, и режет уши
Истеричный визг поездов унылых.
В них другие люди, но кому-то нужно
Встретить только их, дорогих и милых...
Медитация на параллельность рельсов,
А глаза слипаются от усердия.
Но, наверно, стоит нарушить цельность,
Чтоб почувствовать боль в глубине предсердия.
Я потом вернусь к оживлению темы.
Подниму паруса на забытом судне,
Изменю свой стиль и с лицом богемным
Яркостью метафор смою "серость будней".
Может быть, усну. Паровоза крабик
В чертовой дали, там ему нескучно.
А меня во сне вряд ли кто ограбит -
Ради двух стихов и неновой ручки...

х х х

Не прощай меня... Никогда.
Я могу предать тебя снова.
Уходи, не сказав ни слова,
В обреченное - никуда...
Мы обязаны будем жить,
Спотыкаясь на каждом круге,
И позволить собакам выть
На безлунную тень разлуки.
Проклиная капкан колец,
Подчиниться законной власти,
Торопясь отскрести с сердец
Накипь чистой, безумной страсти...
Не прощай меня... Не спеши.
Мы и так с тобой разминулись,
Подозрительным взглядам улиц
Доверяя тепло души.
Хлещет яростных снов поток,
Где под звездами роковыми
Полушепотом, между строк,
Неуклюже скрывая имя...
Мы стараемся соскользнуть
В бездну быта, но параллельно
Изнутри обжигает грудь
Невозможность - дышать отдельно!
Не прощай меня... В том пути
Давит небо сырою ватой.
Если мне суждено уйти,
Так хоть в чем-нибудь виноватым.
Напридумай себе обид,
А причины найдутся сотни...
Не прощай... Пусть меня простит
Тот, кто дал мне тебя и... отнял.

х х х

Ты вновь уходишь в страну без ветра.
Я разбираю неровный почерк...
Как безоглядно и беспросветно
Скулят у входа замерзшие строчки...
В этой стране все не так. Иначе
Дышат деревья и плачут кони,
Кот подбирается на карачках
К осоловевшей в дугу вороне.
Там стрелки часов, сойдясь на волос,
Скрестили клинки, как лихие князья.
Все ваши заповеди воют в голос:
"Нет!" - а если и есть - "Нельзя!"

Там падают с крыш оловянные капли,
И жидкий свинец выпивается махом!
Там меч самурая со знаком цапли
Питается чисто животным страхом.
Азотная горечь слезы мужчины
Здесь служит для гравировки стали.
Шуты и герои, сменив личины,
Упьются в монмартровском квартале.
Зеленое солнце взлетит к зениту,
Где Фэб лучами бьет мимо цели...
Как ненавязчиво полуоткрыты
И губы женщин, и двери борделей.
Я в эту страну ухожу с закатом,
Ища тебя по ночной прохладе...
Мне что-то шепчет гитара с бантом
О дробном стуке костяшек сзади.
О том, что ночью стреляют в спину,
Что тело мое украдут наяды...
А если пахнет вино маслиной,
То так отбивается привкус яда.
Но в этой стране между двоеточий
Всегда есть место - оттиснуть палец!
И только здесь престарелый кормчий
Наводит на воду зеркальный глянец.
На хрупких гранях цветка и праха
Сойдутся на крест и быль и небыль...
А в звездной патоке тень Аллаха
Покажется светлой дорогой в небо!
Здесь нет запретов, как нет законов.
Воздушные поцелуи теплы на ощупь.
Здесь на плечи мои, словно два погона,
Легли твои руки и... гаркнула площадь
Восторженно троекратным "Да здравствует!".
О, нас здесь любят и благословляют,
В моей стране - мы донныне царствуем,
Нас балует пламя и море качает.
Вольготно бродить по ладоням Вечности
Своих же загадок, своих же ответов...
Свеча слезливая - нам не советчица,
А напоминание о греховности лета.
Но жизнь продуманна и случайна,
Что ж, нас в нее окунули заживо...
На чуждых пальцах - осколки тайны.
Не надо лезть.
И не надо спрашивать...

х х х

Для графини травили волка.
Его поступь была легка...

Полированная двустволка,
Как восторженная строка!
Он был вольный и одинокий.
На виду или на слуху.
Стрекотали про смерть сороки
Беспардонную чепуху.
Упоенно рычала свора,
Егеря поднимали плеть,-
Все искали, где тот, который
Призван выйти и умереть?
Нет, любимая... Даже в мыслях
Я не буду ничей холоп.
Я уже не подам под выстрел
Свой упрямый, звериный лоб.
И моя негустая шкура
Не украсит ничей камин.
Пуля - дура. Конечно, дура...
Только в поле и я - один...
Все бело, и борзые стелят
Над равниной беззвучный бег.
Эх, дожить бы хоть до апреля -
Поглядеть, как растает снег...
Как по небу скользят беспечно
Облака до краев земли...
И влюбиться в тебя навечно,
За секунду
до крика:
"Пли!!!"

х х х

За минуту до разлуки
Ты спешишь замедлить шаг
И заламываешь руки,
Что-то тихо ворожа...
Ты прекрасная актриса,
В шуме рамповых чудес
Наши яркие репризы
Отмечают скромность пьес.
Вот вокзал. Лениво стрелки
Расчленяют циферблат.
Чувства скупы. Дождик мелкий.
Можно отступить назад.
Дом. Квартира. Утро. Рано...
Душ сродство. Взаимный такт.
Страсть в безбрежности дивана.
Затянувшийся антракт.
Ты смеешься, ты сгораешь,
Плачешь, мечешься, поешь...
Ты уже не замечаешь -

Где играешь, где живешь?
Слово классике! Из Блока
В меру выпранный стишок...
Ты со всеми так жестока?
Я со всеми так смешон?!
Критик в действие не влезает,
Молчаливо кофе пьет.
Как упрямо не стреляет
Бутафорское ружье...
Но к финальным песнопеньям
Празднуя толпы экстаз -
Ты убьешь меня на сцене
В первый и последний раз...

х х х

Мой прекрасный палач... Я сейчас непослушная жертва,
Никакими тисками нельзя удержать мою страсть.
Пусть безноса Смерть направляет горячее жерло,-
Есть другая и более, более высшая власть!
Мой прекрасный палач... Что вы можете взять, кроме боли?
Изощренности женщин еще не положен порог...
Мерно капает кровь, но поверьте, что будь в моей воле,
Я бы сам вам помог, сунув ногу в "испанский сапог".
Мой прекрасный палач... Ваши сладостно-нежные руки
Остужают огонь. Я готов на все это, но лишь...
Невозможно так долго кричать от тоски и разлуки,
Ожидая разрыва горящих страданием мышц.
Мой прекрасный палач... Моя вера, любовь и надежда.
Почему нам четыре коротких, обрывочных дня
Отпустила судьба? Если кожа ползет, как одежда,
Вниз с ободранных плеч и вконец обнажает меня...
Мой прекрасный палач... Обозначив закат на рассвете,
Мне осталось недолго в мучительном свете бродить.
Головою отрубленной, падая, сладко отметить
Роковой поцелуй на твоей вдохновенной груди...

х х х

"Боже, боже, боже, боже!
Я люблю, а он не любит..."
Как твои стихи похожи
На распахнутые губы.
На песочные галеты,
На случайные снежинки,
На вопросы без ответа,
На ответы без ошибки...
Все так хрупко и непрочно,

Но с наивностью ребенка
Ты спешишь погладить строчку,
Как заблудшего котенка.
Ты не думаешь о стиле,
Стихотворческом законе,-
Словно голуби, кормились
Рифмы у тебя с ладони.
Быт жестокосердно-скучен.
Ты живешь с открытой дверцей.
Каждый может плюнуть в душу,
Протереть и оглядеться,
Медленно поправить шляпу,
Уходя к своей машине.
Вот уже стекают на пол
Неприступные вершины...
В ритме стрессов и коммерций
Сколько стоит вдохновенье?
Исцарапанное сердце
Словно вздох стихотворенья.
Разноцветный кубик-рубик,
Искры прошлого тревожа:
"Я люблю, а он не любит!
Боже, боже, боже, боже..."

х х х

Начало холодов. Тугой, ранимый ветер,
Как лезвие скользит, а шея так бела...
Ты кутаешься в шарф, ты говоришь о лете,
А под ногою хруст декабрьского стекла.
О, этот первый лед... Невыносимый символ
Сердец или дверей, предместий или чувств -
Из колоннады лет неровным снегом выпал,
Оставив на губах солоноватый вкус...
Меняются вблизи поступки и деревья -
От неприступных фраз, до непрозрачных крон.
Белеет на холстах рубцовская деревня,
И капает с небес покровный перезвон.
Любимая, прости... Граненые метели,
Напав исподтишка, бьют в спину, не дыша.
Ты не придешь во сне, чтобы согреть в постели,
И мечется в душе косая сталь ножа...
Измерим пустоту в хрустальном дне бокала.
Заблудшие стихи загоним в стойло книг.
Друг друга помянув в старинных мадригалах,
Серебряным кольцом оттиснем каждый миг.
Прими случайный взгляд с отравленной картины,
По буквам спой судьбу, и, комкая листок,
Твой черно-белый шарф на шее Коломбины
Затянут в узелок, последний узелок...

х х х

Любимая, мне плохо без тебя...
Мне холодно и ветрено, и страшно.
По половицам, жалобно скрипя,
Проходит сиротливо день вчерашний,
Лелея пожелтевшие листы
Сентябрьского клена на ладони.
Качает память невские мосты,
Где злобно пляшут клодовские кони,
Роняя пену с бронзовых удил
На грудь слепому яростному галлу.
Где черный ангел гордо-легкокрыл,
Но навсегда привязан к пьедесталу.
Сковал гранит свинец угрюмых вод,
И тучи повторяются по кругу...
Любимая, уже который год
Бредем в опасной близости друг к другу.
Мы - дети, заплутавшие в бору.
Наш путь завален жесткими снегами.
Мы зажигаем спички на ветру,
Но как мгновенно умирает пламя...
И кажется вот-вот за горизонт,
Приглаживая крылышки украдкой,
Зареванная Муза уведет
Хромающую, белую лошадку...

х х х

Тебя украли у меня.
Теперь ты спишь в чужой постели...
Как освистали свиристели
Бег рыжегривого коня!
Безумно угрожать свинцу,
В висок влетевшему без правил...
Того, кто вел тебя к венцу,
Никак не упрекнуть в бесправьи.
Ликуй, законная струя!
Напыщенно и неумело
Листает камерное дело
Червонокрылый судия.
Ты руку подала сама,
Как луч прощального заката...
Тогда зима... Теперь зима...
И есть ли кто-то виноватый?
Чем пахнет пепел прошлых встреч?
Еще до твоего рожденья

Намеревался нас сберечь
Беспечный бог Предназначенья.
Прошел молитвенный экстаз
В каком-то ненормальном раже,
Но как ты улыбалась краже
Самой себя не в первый раз...
Я тупо ждал. Один из всех...
Судьба смеялась и визжала,
Когда другие брали верх
Над тем, что мне принадлежало!
Я был ничем не лучше их...
Над головой ломая шпагу,
Когда высокопарный стих
Коверкал рифмы и бумагу,
И мудрость веселилась властью...
Ты получила, что хотела.
Душа возвышена, но тело...
Всегда берет над нею власть!

х х х

Вот и нет меня, будто не было...
Растворясь в снеговой глуши,
Я кажусь себе сонной небылью
Половины твоей души.
Погадай, полукавь у зеркала,
Посчитай диких звезд лучи...
Божья искорка не померкла ли
На венце у твоей свечи?
Распечатана и раскована
Белой сказкою у окна,
Этой ночью ты коронована,
Словно царственная весна!
Твой надел, пресвятая вотчина,
В боголепной лежит тиши.
Горькой песнею оторочена
Золотистая вязь души...
Но в какой-то день приснопамятный,
Заскучав по родным глазам,
Я войду в твой храм белокаменный,
Упаду лицом к образам.
Ощувив неземное счастье,
Отдышусь от пальбы и гроз
И приму, как глоток причастия,
Сладкий вкус твоих детских слез...

х х х

Какой нелепый век!
Как беспросветна мгла!
Я - просто человек.
И я не делал зла.
Я не стрелял в людей,
Не жег детей и жен.
Я верую своей
Так не вооружен.
Да, я стоял в строю,
Несущем только смерть.
И знал, что я пою
Не то, что надо петь.
А пыль из-под сапог,
Как нимб над головой.
Забыв, что значит Бог,
Я знал, что он со мной.
Нас мчали поезда,
И долг присяги гнал.
Да, я пришел сюда,
Но я не убивал!
Мои друзья стократ
Стреляли вся и всех.
Я был плохой солдат:
Я помнил слово "грех".
Пусть всех друзей моих
Ждет преисподняя,
Но почему за них
Ответить должен я?
Завязаны глаза,
Войны жесток оскал.
Меня нельзя, нельзя...
Ведь я не убивал!
Но лишь один ответ,
Как смерти жадный храп,-
Довольно, страха нет.
Покончим с этим...
Залп!

х х х

Мы все мечтали о дальних странах,
Где волны пляшут, где ветры воют.
Мы все делились на капитанов,
На пассажиров и китобоев.
Ломались снасти, хрипела пена,
По фунту лиха, по пуду соли...
Мы выросли, и постепенно
Менялись взгляды, менялись роли.
Все так непросто - живем, как в тигле.
Посмертной славой конец увенчан.

И китобои обычно гибли,
Всегда спасая детей и женщин.
Но согнуть лихо не так уж трудно...
Кто будет первым в финале пьесы?
И капитаны, покинув судно,
Спивались к черту, стрелялись к бесу!
Сминались судьбы, и рвались нити,
А в синем небе все так пристойно...
И выходило, как ни вертите,
Что пассажиром куда спокойней.
В кортеже звездном летит планета...
Мы привыкаем, что как ни странно,
Но окупает цена билета
Жизнь китобоев и капитана.
А пассажиры, сойдя по трапу,
Вдруг вспоминают ушедших к рыбам
И аккуратно снимают шляпу,
Себя поздравив за точный выбор...

х х х

Тяжелый крест мечтателей
Нам плотно лег на плечи,
И в разных храмах матери
Спешили ставить свечи,
А мы, упившись досыта
Тоской о дальних странах,
Вручали души господу,
А тело океану.
Мы были дивно молоды
Без граней и условий,
А в наше время золото
Ценилось выше крови.
И только пушки ахали,
Отплюнувшись картечью,
И плакали, и плакали
По нам, заблудшим, свечи.
Блеск алых звезд над стапелем
Знак силы и азарта,
И восковою капелькой
Жизнь падала на карту,
А смерть свистала около,
И я берег от ветра
Листок стихов, заботливо
Прикрытый пистолетом...

х х х

Далеко до Басры и Багдада,
Бьется время в вымышленных клетях,
В третьем путешествии Синдбада
Скрыто все чадрой тысячелетий...
Что нас ждет на том и этом свете?
Мы поднимем головы из праха.
Дайте парусам соленый ветер -
Вечное дыхание Аллаха.
Верьте все, что мы вернемся вскоре
В город минаретов, снов и лилий.
Ах, какое ласковое море
Нас качает в бирюзовой сини...
Шелк, стекло, фарфор, душистый мускус,
Жемчуг с берегов Слоновой кости.
Свет - пророку, а шайтану - уксус!
Чтоб он сдох от зависти и злости!
Старое вино сродни святыне,
Золотом засыплем дно морское.
Лучшие румийские рабыни
Усладят наш взор... и все такое...
Если море есть, не надо рая.
Если есть корабль - у ног полмира!
Златокованой парчой Китая
Устилайте улицы Каира!
Все отдам - любовь не знает судей!
Я теперь увижу так не скоро
Маленькую родинку над грудью
Моей дивной пэри из Бальсоры...
Путь планет донине не разгадан,
Время стерло все - мечты и краски,
Но опять рассказывает сказки
Старый нищий с именем Синдбада...

х х х

Я пришел в этот мир.
Это было давно...
Кривоногий сатир
Пил под кленом вино.
Были жидкими выси,
Тряхни - звездопад!
Дни не ведали чисел,
События - дат.
Обреченные боги
Твердили, скуля,
Величавый и строгий
Акафист корабля!
Я пришел в этот мир
И его же отверг,
Я отпраздновал пир

Всех религий и вер.
Мышцы свиты в кольцо,
Поглядим, кто слабей?
Я смеялся в лицо
Однобокой судьбе...
И, застряв в облаках,
Время падало ниц -
В потревоженный прах
Древних царств и гробниц!
Я пришел в этот мир
И поставил печать.
Я еще не решил -
Что стереть, что начать?
Бесполезный ответ
Над вопросом зачах...
Мирозданья скелет,
Покачнув на плечах,
Я швырнул его в тлен
И под траурный звон,
Поднимаясь с колен,
Распахнул горизонт!
Но с последним - "прости".
Память выставит счет
Вечной жаждой пути
И ответом - за все!

х х х

Дым вулкана, покинув кратер,
Черной смертью ползет за нами.
Ночь темна, и забит фарватер
Затонувшими кораблями.
На борту больше нет команды,
Море приняло всех матросов.
После пушечной канонады
Всюду видится тень Курносой...
Мне давно бы открыть кингстоны,
Словно кто-то толкает сзади.
Но я слышу! Я слышу стоны!
Из-под сонной зеленой глади
Вышло солнце, и сотней сабель
Замелькали на море блики.
Я вернусь, я спасу корабль,
Сам к себе прорываюсь в крике,
Сам себе отдаю команды,
Выполняя их в срок и строго.
И дрожат в нетерпенье ванты,
Судно верит в меня, как в бога!
Вам знаком дефицит отваги?
Надо жить и любя, и смея!

Благородные наши шпаги
Впредь не будут лежать в музеях!
Я вернусь, я спешу, я вижу!
Синий берег, далекий остров,
А по палубе шаг чуть слышно,
Как костяшки стучат по доскам.
Крики чаек и шум прибоя...
Не спешите с салютом - рано...
Тело в парус, отдайте морю
Прах последнего капитана...

х х х

Надоело... Я устал притворяться.
Коль поймете - не осудите строго...
Ну какой я капитан, что вы, братцы?!
Отправляйтесь без меня, ради бога!
Грани жанра не увяжешь с судьбою...
Жизнь придумашь себе поподробней...
И ведь было это все не со мною,
Но от первого лица петь удобней.
Я особо и не врал, право слово,
Мне и штилей и ветров - даже слишком.
Что касается штормов, безусловно,
Мне о них известно только по книжкам...
Все моря мои, на контурной карте,
Разрисованы старательно, с толком.
Я писал стихи в каком-то азарте
И себя считал просоленным волком!
Океан ко мне вливался сквозь стены,
И я впитывал раскрывшейся кожей
Крики чаек, клочкотание пены,
Раздававшиеся где-то в прихожей...
Что поделаешь, вот так все и было.
Жизнь в матрасной суете, на кровати...
Мое время от меня уходило
На сверкающем, как солнце, фрегате.
Я умнее стал и многое знаю,
И наивных планов больше не строю.
Ну какой я капитан? Понимаю,
Самому смешно... Да что же такое?!
А... послать всю эту жизнь, тоже тяжко...
Да, прощайте. Не увидимся вскоре.
Привезите мне на память тельняшку
Или раковину с запахом моря...

х х х

Что в имени твоём? Осенний лед,
И привкус Греции, и аромат распада,
И на столе раскрыта Илиада,
Читаемая ночи напролет.
Жестокий век... Кормящийся с копья
Всегда при деле, гость кровавых пашен.
Хрустальная картинка бытия
Уже дрожит, как скрип осадных башен.
Уже грохочет в небе щит на щит -
Литая медь взбесившихся героев,
И на ветру курганном догорит
Наивная, обманутая Троя!
В дощатом брюхе гордого коня
Таится мрак, и меч ползет из ножен,
Как меж камней гремячая змея,
И Смерть, кривляясь, топчет бездорожье...
О лик войны! Над павшими - костер.
Живым - вино, добыча и рабыни.
Подправленный Палладой приговор
Цветущий край низвел в полупустыни.
Что в имени твоём? Какая тень,
Воссоздавая мрачные фантомы,
Мне нагадала бесконечный день,
А вместо ночи - предрассветной дремы.
Старо как мир... Конечно же старо,
Но имя?! Имя - таинство и мера,
Где каждый звук звенит, как серебро
Немеркнущих монет времен Гомера...

х х х

Храм мой - тело твоё белое...
Вольно трактуя строку Писания,-
Господи, что я с собою делаю
В явном соблазне непонимания...
Читаю ладони твои, как Библию,
Вглядываясь в каждую черточку пристально,
Иду Израилем, прохожу Ливию,
Возвращаюсь в Россию жадно, мысленно...
Лбом запыленным коснусь коленей:
Так, припадая к порогу церковному,
Раненый воин, бредущий из плена,
Спешит к высокому и безусловному Слову;
Наполненные смирением,
Рвутся цветы из под снежной скатерти,
Или осенних лесов горение
Огненной лавой стекает к паперти.
Плечи твои... Не на них ли держится
Весь этот свод, изукрашенный фресками? -
Не Богоматерь, не Самодержица,

Не Баба степная с чертами резкими...
Не нахожу для тебя сравнения.
Сладко притронуться, как к святыне...
В каждой молитве - благодарение
Древне-возвышенной латыни!
Дай мне войти, позабыв уклончивость
Пришлых законов. Взгляни на шрамы.
Время любого бессилия кончилось.
Нужно держаться легко и прямо.
Храм мой - прими меня сирого, серого...
Не с плюсом, минусом - со знаком равенства.
Губ твоих горних коснуться с верою
И причаститься Святыми Таинствами

Поздние встречи (2001)

х х х

Твой подарок - на руке
Ободок степного солнца.
Мир, сбегающий к реке,
Оборвался у оконца...
Нет, вагонное стекло,
В кандалах оконной рамы,
Равнодушно отсекло
Город, детство, сына, маму...
Мне не слышно ваших слез.
Только грустные улыбки
Говорят, что все всерьез -
От судьбы и до ошибки.
Все! Разрублены узлы...
У взбесившейся эпохи
Очертанья скулы злы
И напряжены при вдохе.
Выдохну... Толкну в плечо
Ослепленный рок событий.
На мгновенье отвлечет
Путь, расчерченный на нити,
На две узких полосы,
Где безвольно каплют звуки...
...Многоточием часы
Разбавляют век разлуки.

х х х

Девочка глядит из окошка -
За окошком едет рыцарь на кошке.
Или, может быть, на медведе...
Непонятно - куда он едет?
Может, хочет спеть серенаду
О любви с каштановым взглядом
И кудрями спелого лета?
Рыцари - такие поэты...
Если даже ловят дракона,
Говорят с ним о красе небосклона,
И загадывают гаду загадки,
И играют, простодушные, в прятки.
А потом они дерутся, недолго.
У драконов велико чувство долга.
И кончается весь бой - отпираньем
Душ, и дружбой, и взаимным братаньем.
...Смотрит девочка в окно на балконе,-
Едет рыцарь на крылатом драконе.
Тихо плачет позабытая кошка.
Все красиво...
только грустно...
немножко...

х х х

Я помню звук твоих шагов,
Как дети помнят сердца стук
Во чреве матери. Из снов
Слагался бледный мой испуг.
Мне снилось, будто ты ушла.
Я падал, я бежал, я звал,
Забыв про боль, не помня зла...
Какой бездушный карнавал -
Сломал, смешал и в порошок
Растер все то, что было мной...
Наверное, нехорошо
Вот так размахивать судьбой.
Но кажется, еще чуть-чуть,
И жилы лопнут от тоски.
Свинец прочертит сладкий путь
Через саднящие виски.
А там, сквозь пистолетный дым,
Судья всех бед и всех побед,
Слезу уронит серафим
На мой червлёный эполет...

х х х

Верстаю страницу к странице мелеющих дней,
Чьи постные лица незримой бегут чередой.
Расстреляна птица и дым револьверный над ней
Не порохом пахнет, а срезанною резедой...
Не надо слияний дождей и промозглой тоски,
Призывов вождей, наставляющих "песенно жить!"
С семи этажей, сединой умиляя виски,
Шагнуть в облака и навек вместе с ними уплыть...
Позволить судьбе отрицать моногамность души.
Легко прорицать откровенья библейских цитат.
Укладывать спать под подушку стальные ножи,
Чтоб даже во сне не бояться вернуться назад...
Изломанный ритм веселит до икоты гортань.
Со смуглых ланит я губами снимаю упрек...
А небо знобит пьяных туч кучерявая рвань,
И падают звезды и, плача, сгорают у ног.
Останки, обломки, осколки былых анфилад...
И мертвые волки неслышно скулят о луне.
Нелепые толки под сердцем устало саднят,
Как теплые письма, что ты не отправила мне...

Ф. Г. ЛОРКА

В возвышенную обитель
Я брошен упрямством стали.
Где ты, мой ангел-хранитель?
Меня вчера расстреляли...
Четырнадцать пуль порвали
Мне грудь полновесной болью.
Меня в пыли закопали,
Посыпав могилу солью,
Чтоб я никогда не ожил,
Чтоб я не вернулся к детям
И ворон над бездорожьем
Ни-че-го не заметил!
А я, не дыша от крика,
Отплевывал комья глины,
И запахом базилика
Звенела земля равнины.
Я выполз, я шел, хромая...
Дорога казалась длинной,
И звезды к исходу мая
Слегка холодили спину.
За что меня убивали?
Хотелось бы знать, не так ли...
Ромашка Святым Граалем
Неспешно ловила капли
Моей недопетой крови...
И только слепая вера

Стояла над изголовьем
Расстрелянного романсеро...

х х х

Скоро год, как я живу тобой,
Заклоченный круговым движеньем,
Замкнутым зеркальным отраженьем
В серебро с эмалью голубой.
Скоро год, как я дышу не в такт
С окружающим реальным миром,
Нестыковку лиры и квартиры
Разделяет арестантский тракт.
Скоро год, как я иду туда,
Где звезда святого Вифлеема
Катится по плоскости колена
В пруд, где не расколется вода.
Скоро год, как я ношу цветы
К пьедесталу собственных иллюзий,
Своенравно-кареглазой Музе
Возводя горящие холсты.
Скоро год, как теплая ладонь
Чуть касалась лба, благословляя,
А в камине тихо догорают
Наших писем святочный огонь.
Скоро, скоро - подытожив срок,
Век пройдет, и я поставлю крестик...
Мы давно, конечно, будем вместе.
Дай-то бог...

х х х

Скажи мне: "да". Уверенно и просто.
Одно лишь слово - "да". Я позабуду
Свой долгий путь к промерзшему погосту
В надежде на рождественское чудо.
Я вспомню томно-ласковую осень
И жаркий лед январских поцелуев,
Снежинки, расшибавшиеся оземь,
Шептавшие пред смертью: " Аллилуйя..."
Ну надо же, как быстро мчится время...
Вот целый год, спеша, скатился в Лету.
Прозрачная надуманность камелий
Нас заставляет обернуться к лету
И расчертить буквально поминутно
Те несколько веков, что нам остались...
Вот век перинный - мягко и уютно,
Вот жесткий век - из вороненой стали.

Век золотой - весь из опавших листьев...
Он самый щедрый, но недолговечный.
Небесный век - возвышенный, как мысли,
Как бисер, рассыпаемый беспечно.
А ты твердишь, что нам осталось мало.
Но, милая, мы прожили - столетья!
Под царственным копытом Буцефала
Крошились сплетен злые междометья...
Нас медленно, но верно все простили.
О эта христианская эпоха...
В твоих кудрях искринки звездной пыли,
Ты бродишь там одна, и это плохо.
Мелькает строф сверкающая рвань,
Дрожа в хитросплетеньях черных полос.
Но дважды вряд ли переступишь грань,
Где отнимают и любовь, и голос.
Где хайкой утонченного Бассе
Нефритовый рассвет над Волгой зачат.
Скажи мне "да!", что будет значить - все!
Скажи мне "все...",
что ничего не значит...

х х х

Не бывает далека зима сугробная...
В небе месяц затаенной грустью мается.
Заневестилась подруга белолобая...
Не меня ли так упорно дожидается?
А и грустно молодцу, да все невесело...
Все не в душу, все в тоску, в печаль жестокою...
Что ж кручина над рекой туман развесила?
Понапрасну, что ж, аукаю и окаю?
Белолобая подруга, саван траченный,
Не ходи за мной по свету, зря баюкая...
У меня да что ни долг, то неоплаченный.
У меня что ни любовь, то неприютная...
Не ходи, не торопи, небось успеется.
Коли что не за горами, так уж сбудется.
А пока в моих кудрях метели стелятся...
А пока моя душа ветрами студится...
Разведу вино вином да не посетую.
Всех прошу слезой, рекою, пряной вербою.
Залатаю платье песнею неспетою
И отправлюсь за тобой с святою верою.
А длинна ли, коротка ли жизнь загробная -
Ни один же возвращения не праздновал...
Поцелуй меня, подруга белолобая,
Никому о нашей свадьбе не рассказывай...

х х х

Может быть, где-то есть жизнь без тебя?
Но ведь была в недалеком "когда-то"..."
Может быть, можно прожить не любя,
Над суетой поднимаясь крылато?
Просто парить, не касаясь земли,
Мыслью и взглядом, сознанием и словом...
Не возвращаясь туда, где цвели
Вишни в знакомом саду богослова...
Где обреченно вздыхала сирень,
Книге церковной закладкой служила
Пара ромашек, и сладкая тень
Древнеславянского душу томила...
Чай был настоян на мяте. Лимон
Ели вприкуску, сощурившись - кисло...
Стрелки считали часы в унисон,
Вкруг обходя терпеливые числа.
Сотовый мед, белый хлеб на столе...
Боже, когда это все-таки было?!
Где это место на грешной земле,
Где ты меня безоглядно любила?..
...Вечер в дома колотушкой стучал
И на кладбище с упрямой заботой
Имя твое и мое - отчищал
Ветром от ржавчины и позолоты...

х х х

Уходи...
С моей ладони
Скатывайся вниз, как капля.
Падай палевой звездой в задремавшие сады.
Отражается в затоне
Месяца кривая сабля.
Ходит Золушка по людям, собирая лоскуты.
Хочет сшить обновку к балу...
Работящая нимфетка,
Ты достойна уваженья, но... наивный человек...
Понимаешь, фей так мало,
Я и сам их вижу редко.
А уж выполнить желанье - не допросишься вовек!
Мне хотелось бросить к черту
Опостылевшую раку -
Нет святых мощей. И сразу небо сделалось глухим,
Быт сильней сжимал аорту
Вдохновенному маньяку,
Тот, с завидным постоянством, убивал свои стихи.
Золушка! Не надо песен

О собачке с белым бантом,
О шиповнике и розе, о свече и вере в сны.
Ах, душа - не много весит...
В гроб с багрово-алым кантом
Сложим все, что отскребется от расстрелянной стены.
Как-нибудь наступит лето,
В многомудрости решений
Мы уйдем, как все уходят, в обеззвученную мглу
По натертому паркету
Наших прошлых отношений,
Нарушая все законы,
вверх
слезинкой
по стеклу...

х х х

Тебе не нужен сон, тебе не нужен пес,
Тебе не нужен я... Ты мечешься без толку
В разорванном кругу, где каверзный вопрос
Навязчивый ответ хоронит втихомолку.
Люблю. Люблю тебя... Стараюсь не кричать,
Ты водишь коготком по сердцу, множа раны.
И на моем челе, как Каина печать,
Прорезан ряд морщин. С упорством пилорамы
Судьба терзает плоть, я не виню тебя.
Я сам тебя вознес в такие эмпиреи,
Что дня не проживу, не мучась, не любя,
Да что тебе с того, Когда уже не греет
Холодная ладонь, и хочется бежать,
И не смотреть в глаза, и не дышать на руки,
И принимать отказ легко, как благодать,
И в ссылку уходить, как в каторгу разлуки.
Но ты не веришь мне. Ты знаешь, что сказать.
Ты отдала мне все, что посчитала нужным.
Ты подвела итог. Кто мог предполагать,
Что долгим будет век, а путь настолько व्यюжным?
Вот бесится в виске предчувствие конца?
И надо бы успеть, как шар вбивая в лузу,
Поэзии вернуть две порции свинца,
А ветер отпоет, а ночь отплачет Музу.
Накинем черный плат и бросим пепел вверх,
Раз звездной пыли лоск не украшает обувь.
И млечной полосы дежурный свет померк,-
Нам нечего делить, когда виновны оба...
За серые слова, за пролитую кровь,
За слезы и вино в слепящий миг кончины,
С нас спросят в небесах - за смятую любовь,
Не приведи Господь, нам не назвать причины...

х х х

Вкус медной денежки во рту под языком...
Харон весло обмакивает в Лету.
Я сам с собой сегодня не знаком
И в каждой песне путаю куплеты.
Мороз, мороз!
Ты не морозь меня.
Чего стараться? Ни жены, ни дома...
Никто не ждет, а белого коня
И след простыл...
Ночная глаукома
Навеки ограничивает взор
Одним пятном безлико-грязной формы.
Лишь зодиак чеканит свой узор,
Да Норны плавно переходят в нормы.
Нормально...
Отдышавшись до петли
Простить, смешав, потери и утраты,
Всеядности кладбищенской земли
Пожертвовав тупой удар лопаты.
За все мои высокие грехи
Мне денег в рот досыпят сами боги,
Чтоб я молчал и не читал стихи
Мешая перевозчику в дороге...

х х х

Безверье рождает - тлен. Это хуже плена...
В наручниках есть стремление к внутренней свободе.
А так... не предательство, не измена,
Просто нет веры. Все на исходе...
Родная, я тоже ходил по этому краю.
Всковыривал вены и носом дышал в Пространство.
Познание того, что от любви умирают?-
Легко переходит в почти беспробудное пьянство.
Но даже в предрвотном, дурманном, хмельном угаре...
Когда молча падаешь в мягкую прель асфальта -
Вся лирика кажется бряцаньем на кифаре,
Разбросанным в лоне рек, словно цветная смальта.
И вязкая кровь от спирта горчит устало,
Неспешно сползая с разбитой губы на плиты...
И не было слышно хотя бы зеванья зала,
Но зрители были - эстеты и сибариты.
Родная, мне тоже хотелось мечтать, и петь, и
За руки держать детей, гуляя втроем по саду,
И птицам весною распахивать дверцы клетки,

И каждому дню давать по гитарному ладу.
Ты помнишь, я тоже использовал галстук для...
Тот самый, который ты же мне подарила.
Какой удобной себя проявила петля...
Скользящим узлом, по шелку, без всякого мыла.
Конечно, не помнишь... Я не писал сам,
Друзья и не знали имени адресата.
Но шею долго уродовал то ли засос, то ли шрам
Цвета несвежего финского сервилата.
Родная, все кончилось... Я, к сожаленью, жив!
И даже трезв сегодня, что, впрочем, редкость...
Неторопливо бросаю стихов ножи в
Прозрачную стену плача... плевать на меткость!
Мне не к чему ждать земных, неземных чудес,
Тяжесть разлуки влача по пустому кругу.
И если б Слово и вправду имело такой же вес -
Ты была бы здесь, удерживая мою руку.
Ты сумела б найти именно то звено,
Ту ноту, тот тон, тот оттенок краски...
А если там, наверху, Всевышнему не все равно
И он хочет увидеть счастливым финал развязки...
Родная, тогда не надо играть в судьбу!
А просто жить друг другом до того момента,
Когда мы услышим: "Божьему рабу
Венчается раба Божия..."
Занавес.
Аплодисменты...

х х х

Уезжаю от тебя
В нелюбимый мною город.
Чайки серые парят
Над Невою, и покорно
Сфинксы сторожат гранит.
В облаках больничной ваты
Голос, что-то говорит
О наличии крылатых
Самолетов, мыслей, птиц,
Но не ангелов, жестоко...
В неулыбчивости лиц
Сразу виден оттиск Рока.
В вежливости четких фраз
Снисхождение к невежде.
Все богини напоказ
Выставляют грудь в надежде,
Что появится герой,
Вырвет их из-под балкона
И умчит к себе домой,
В край вина и кардамона.

В мир, где солнце правит власть,
А зима бежит без боя.
Где целуют губы всласть
И смеются над судьбою.
Потому-то все подряд,
Морщась от дождя и ветра,
Музы жадно ловят взгляд
Загулявшего поэта!

х х х

Каждое утро несу конвертик
И, возвращаясь, не жду ответа.
Ты далеко, и тобою вертят
Разные люди... зачем-то... где-то...
Можешь быть слабой, это естественно,
А я... что я? Становлюсь философом.
Упиваясь собственным бездействием,
Оттачиваю ответные вопросы.
Народ пьет пиво. Его цена
Вполне доступная для поэта.
Кто-то спивается... Чья вина?
Кого-то в психушку везет карета.
Но я - камень. Меня можно бить,
Не боясь расколоть. Я не чувствую боли.
А если камню захочется пить,
Бросьте росинку,- и он доволен...
Тем более дождь. Такой, как здесь,-
На несколько дней стекловидной массой...
У "волчьего города" мокнет шерсть,
Но все попытки сбежать - напрасны.
А я вспоминаю твое лицо.
Вижу глаза... остальное застит
Небо, насыщенное свинцом.
Где же ты, где ты - наше счастье?
Ветер ознобом бежит по спинам
Каменных львов, те прижали уши...
Вечером водки глотну с малиной.
Мне не хотелось, но кашель душит.
Осень крадется походкой рысьей.
Я обещаю - мы будем вместе.
...Если однажды не будет писем,
Значит, тебе отдадут мой крестик...

х х х

Прозрачной веткой серебра
Безудержность крылатой ночи,

Немая доля многоточий
Взойдет над гробом декабря.
Раскроет ветренный мотив
Шальных и шалых губ русалки,
И горьким смехом из-под палки
Взлетит к венцу российских нив.
Разрежет вязь чугунных струй
Ограды, выковавшей - реку...
Волна подобна человеку,
Вдыхающему поцелуй.
В безветрии зеленых рос,
Когда линейный шепот громок
И рвань несдержанных постромок
Несет твой выдох под откос...
Разбрасывай шальную кровь!
Эпоха не считает всходов,
Пробившихся в душе народов,
Извечно топчущих Любовь!
Пусть даже я, не догорев,
В обугленном плаще презренья
Уйду...
Но было - Озаренье!
И цвет, и образ, и напев...

х х х

Черный город... Он не лечит душу.
Поливает спины львов слезами.
Сыростью тумана сфинксов душит
И глядит бесцветными глазами
На живого, гордого поэта -
Казака, художника, бродягу...
А у вас, наверно, бабье лето?
А у нас без зонтика - ни шагу...
В четкий ритм партикулярных линий
С древностью петровской позолоты -
Невозможно втиснуть запах пиний,
Вкус полыни, свежесть первой ноты
Хлебниковских строчек... И не надо.
Воздух здесь перенасыщен грустью.
Вязкая, чугунная ограда
Никуда меня уже не пустит...
Невская возвышенная слякоть
Давит с основательностью танка.
Даже Муза не решится плакать,
Чтоб не забрала к себе Фонтанка.
Говорят, что там вода воочию
Тянет к неизбывному покою.
Черный город вышел белой ночью
И уже идет,

сюда,
за мною...

х х х

Ты звонишь по телефону, говоришь, что очень рада,
Что растянутой разлуки непомерно длинный срок.
Мне все кажется - сегодня небо рухнет звездопадом,
И возьмет наш город в руки жадный, сладостный Восток...
Ты сидишь в тени, напротив, обхватив руками плечи,
Лисий взгляд, полуулыбка, как мерцанье янтаря.
Путешествие сквозь время и чарует, и калечит.
Мы оставим эту тему. Звезды молча догорят.
Удивительно, но пепел - к нам сюда не долетает.
Разве что, осколок черный стукнет в спину иногда...
И гадай - что это было? То ли просто рассветает,
То ли камушек случайный, то ль действительно - звезда...
Мы идем под этим ливнем, снегопадом, листопадом,
С божьей искоркой в ладонях, спотыкаясь на стихах,
И дыхание друг друга ощущаем где-то рядом,
На каких-то параллельно расположенных веках,
Или веках? Смутный выдох, вздох о прошлом безразличье,
Упоение свободой и удобством кандалов.
Избалованное солнце грянет всполохом синичьим
В вечном крике - вне пространства, вне акустики, без слов,
Без боязни, что услышат, что поймут или поверят...
Временной отрезок строчки - под названием "среда"...
Выдрав косяки с гвоздями, яростно срывая двери,
Мы оставим души - настезь...
Безоглядно, навсегда!

х х х

Теперь уже и я переживу
Щемящую размеренность событий.
Пусть грязный снег напомнит мне - халву
И серость неба - перламутр мидий.
Промозглый дождь - улыбку рейнских струй,
Колючий ветер - ласку первой ночи,
Холодный взгляд - апрельский поцелуй,
А твой отказ - надежду многоточий...
Я каждый минус зачеркну, и вот -
Сплошные плюсы нашего романа
Воссоздадут божественный кивот,
Вся боль уйдет, зализывая раны.
Убив любовь, вот так же мыслишь ты,
К ее могиле принося цветы...

х х х

Меж нами шесть часов.
Не шесть веков, не шесть вселенных,
Что до чисел Зверя...
Не я придумал нам с тобой любовь,
Но признаю, что я - в нее поверил.
Рассудок, как нетленный Парацельс,
Рекомендует быть сильней и суше...
И грязно-серый бинт холодных рельс
Наматывает на больную душу.
Ты виновата...
Но твоей вины
Не смоет кровь, не спишет смерть, а время,
Святым лучом скользнув из вышины,
Сияньем нимба озарило темя.
Ты далеко.
Ты мыслишь об ином.
Чего-то ждешь и так боишься встречи...
Но время перевернуто вверх дном,
И мне земля могильно давит плечи.
Река судьбы необратима вспять.
Я выдохнусь, изверюсь и устану.
Я без тебя не захочу дышать
И... перестану.

х х х

Два года любви и два года боли...
С белыми ромашками иду полем.
Тем самым, которое перейти -
Не жизнь прожить и не стать в пути
Верстовым столбом. Отсчитав столетья,
Муза подарит лишь междометья
А... или О... остается наполнить смыслом
Оба сосуда, подцепить коромыслом,
Водрузить их на плечи румяной красавице,
Улыбнуться и вскинуть бровь - нравится!
В этой стране все-таки много хорошего:
Такие снега выпадают совсем задешево.
Кругом белизна... словно идешь по крылу
Ангела, а если падаешь, то во мглу
(как в омут, сразу и с головою)
Такую звездную, что ощущаешь себя - звездой...

х х х

Умерщвленные разлукой,
Мерно падают столетья.
Кажется такую мукой -
Вдох на грани диколетья...
В мире пусто, в небе жарко.
Мы не вместе, мы - одни...
Из прозрачной пряжи Парки
Я выдергиваю дни.
Этот - влево, этот - вправо,
Этот - добрый, этот - злой.
Неприкаянная слава
Под трагической золой...
Невостребованность ночи,
Ибо - некого любить.
Косу, ножницы ли точат?
Все понятно без пророчеств.
После - траур многоточий.
И вообще...
была ли нить?

х х х

Чужая женщина со мною пьет вино
Неторопливо, нежась и смакуя.
Своих стихов нигде не публикуя,
Она меня простила... И давно
Забывла все, чем пламенный накал
Осенних листьев возвышал эпоху.
А опустевший розовый бокал
Взамен напитка наполняет вздохом.
Я чувствую, как винные пары
Густым дурманом отупляют разум.
Так страстно любят плаху топоры,
Ее целуя в стоне, до экстаза...
И так могилу начинает бить
Ознобом жажды алчущего воя,
А женщина, сумевшая - убить...
Тихонько плачет.
Дай ей бог
покоя...

х х х

Не умирай, ландграф...
Густая ночь
Над гробом встала, как над колыбелью...
И, обожженный ржавою купелью,
Дорожный ужас порождает дочь.

Ей имя - Смерть. Ее глаза белы,
В ее устах беззвучно бродит имя...
Твое, ландграф.
И сталь из-под полы
Дурманно бредит ранами косыми...
Ее ладони тянутся к теплу,
Ей не забыть хрустящий привкус плоти.
И, медленно отцеживая мглу,
Она идет по следу...
На болоте
Едва горят гулящие огни.
Твой конь, ландграф, покоится в трясине.
Все кончилось. Чешуйкою брони
Ползет луна на почерневшей сини.
О чем печаль?
Твоя душа мертва.
Любой герой есть нравственный калека.
Зачем твоя шальная голова
Так льнет щекой к щербатой плахе века?
Не умирай, ландграф...
Ты слышишь смех?
Ты видишь тех, что развалились в ложах?
Как пахнет псиной соболиный мех
Заезжих королев с холодной кожей...
Весь смысл игры - не в выборе ферзя.
На дисбаланс меж черным и меж белым.
Поставить жизнь, как правило, нельзя.
Свою нельзя.
Твою - поставят смело!
Поторопись, уже второй звонок.
На плечи плащ, зализанный ветрами...
И Тьма призывно ластится у ног,
И пыль иллюзий в одряхлевшей раме,
И боль...
Тупая, с левой стороны.
Твоя любовь теперь тебя не любит.
Шаг - до обитой войлоком стены...
И дождь по нервам монотонно лупит.
Не умирай, ландграф...
Корявый слог
Скупых доносов ближе к укоризне.
Перешагни.
Перелистни листок.
Пусть мир прогнил, а ты устал от жизни.
Но, отражаясь в пламени свечей,
Твоя судьба пригрелась в ожиданье
Насмешливого блеска на Мече,
Хранящем
непонятное
молчанье...

х х х

Я уезжаю в Дождь.
И вот ночной вокзал
Встречает вечер, вымытым до блеска.
Луна, раздвинув тучи-занавески, дробится в лужах тысячей зеркал.
Дождь льет, и льет, и льет смывая все подряд:
Окурки, мусор, пыль, песок и пепел...
На буйство струй под удивленный лепет
Лишь фонари сутулые глядят.
Обычная холодная вода с рыдающих небес,
Как божий гнев... Любой второй прохожий
Его так тонко ощущает кожей,
Что суеверно шепчет: "Я - не бес!"
Но молний нет как нет...
Нет грома. Благодать
прозрачной негой лечит... Души - настезь!
Любовь и дождь - непревзойденный пастиш
Времен, эпох, событий... Что считать?
Бессмысленно... дай смыть природному врачу
С лица - тоску, а с памяти - упреки,
пустые звуки, пошлые намеки,
Все эти "не люблю!" и "не хочу!",
И быт, и быль, и боль, растерзанные сны,
Обиды, ссоры, замершие руки,
Неправду слов, безудержность разлуки,
Неверие в предчувствие весны.
Забуть... Две ложки коньяка добавить в кофе,
Но... прежде чем осмотришься окрест,
Под твоей недорогой нательный крест уже готовят место на Голгофе.
Ты смотришь в Дождь, и тоже не до сна...
Оденем лес туманной пелеринкой
И двум еще не выпавшим дождинкам
Дадим украдкой наши имена...

х х х

Я шагаю по подсохшей корочке ожога.
Легкий укол и сукровица проступает сквозь трещины.
Боли никогда не бывает слишком много,
Но самая страшная - даруется рукой женщины...
Причем любимой.
Только любимой, единственной на земле...
Возможны вариации, но без этого чувства
Еще можно выжить, выпрямиться в седле,
Выломать тело до тихого костного хруста.
Пустить коня, именуемого Судьбой,
Вскачь по выжженной душе, чтобы горячий пепел
Взвился вверх, наполнил легкие ворожкой

И скомкал горечью строчек прощальный лепет.
Ты - любишь.
Я - люблю.
Разве это причина
Для того, чтобы вечно быть вместе?
Где был светлый лик, там сейчас личина
И прогорклый вкус ежедневной лести...
Если такое допущено богом на небесах,
Значит, это - крест и расплата за вечность - близко...
И ты когда-нибудь тоже почувствуешь тот же страх
За жизнь,
приравненную к выцветшей
долговой расписке...

х х х

Раздели со мною смерть,
Кареглазая подруга...
О Васильевскую твердь
Расшибает лица вьюга
Людам, шедшим до конца
Перпендикулярно веку.
Злые капельки свинца
Отмечали эту веху,
На груди или на лбу
Прорастая розой алой,
А плевать на судьбу
Или глупо, или мало.
Тем, кого не втиснуть в строй,
Режут головы и ноги.
Милосердною сестрой
Представляется убогим
Обольстительная мгла
Деревянной крышки гроба...
Суд толпы, из-за угла,
Ждет, пока мы рухнем оба
В грязь и в пепел, в пыль и в тлен,
В лужу зависти и сглаза,-
Ибо в Книге Перемен
Наш конец давно предсказан.
Мир без смерти был бы сер...
Вот - с отчаяньем и верой -
На двоих один фужер
Самой быстрой,
высшей,
меры!

х х х

Она уедет в далекий город,
Где ждет супруг, где ждут друзья,
Где каждый камень любим и дорог,
Где все - ее, где все - не я.
Она уедет, наставит точек,
Простит сумбур моей руки.
Из сострадания изменит почерк,
Как ритм стиха в конце строки.
Ей будет больно, ей будет сладко,
Ее любовь прольет слезу.
Седой Исаакий поправит шапку,
А шпиль петровский наточит зуб.
Ей все там рады, напоят чаем,
Как бы случайно припрячут крест,
А если спросят: "Что отмечаем?"
Весь город грянет: "Ее приезд!"
Она забудет, и ей помогут
Под шум столичный, фужерный звон,
Все-все притрется, и понемногу
Сойдет с загаром вчерашний сон.
Она проснется, вполне уместно,
Заскочит в ванну и примет душ.
Холодный Невский широким жестом
Ее запишет в ранг верных душ.
Металл Фонтанки змеится в камне...
Я режу вены - течет любовь!
А волчий город глядит в глаза мне,
И скалит зубы, и лижет кровь...

х х х

В Петербурге не видно звезд.
Тучи в пляске святого Витта
Небо приняли за погост
В грязно-серых могильных плитах.
Я за ними в упор слежу
Из окошка шестой палаты,
Словно кладбищем прохожу
И считаю свои утраты.
На душе так легко - легко...
От обиды любой, невзрачной,
Сердцу хочется мотыльком
Биться в пламень луны прозрачный.
Или долго кричать в туман,
Поглощающий сны и даты,
Сквозь венозные воды ран
По каналам спеша куда-то.
А когда зазвонит мороз -
Солнце скупое и с неохотой

Облака из разбитых грез
Кроет временной позолотой...

х х х

Мне одиноко в небе без тебя...
И облака вздыхают, теребя
Край горизонта перышком лебяжьим...
А ты бесцельно бродишь в Эрмитаже
Среди холстов, портьер, скульптур, картин,
Старинных ваз, свисающих гардин,
Лепнины потолочной, стройных стен,
Диан, не преклоняющих колен
Перед мужчиной. Смотришь, не дыша,
На серебристый свет карандаша
Буше или Гольбейна. А паркет
Хранит твой шаг, как сохраняет след
Прозрачность неба, где сегодня нет
Тебя. И кажется, меж строк,
Я таю в небе. Пуст и одиноч...

х х х

Я разучился плакать в Петербурге.
Здесь вообще не ценят сантименты...
Бросающие мелочь демиурги
Чертовски скупы на аплодисменты.
Я был один. Ни голоса, ни драмы.
Пустые руки. Волчий вой в карманах.
На фоне петергофской панорамы
Не чувствуешь оптических обманов.
Все кажется и ближе и теплее,
В особенности жесты или взгляды.
Над головой с кудрявым Водолеем
Флиртует звездноглазая наяда.
Немой намек, прозрачный донельзя,
Уже велит определиться в теме.
Мелькнет заря, закусывая трензель,
Но в целом все вокруг, такая темень!
И ходишь, снисходительно кривясь,
На общегородское лицедейство,
Нащупывая родственную связь
Иглы шприца с иглой Адмиралтейства.
Все чуть сутулы... Тяжесть чугуна
Нездешних туч успешно давит карму.
Нирваны нет... И мы - не та страна,
И Пушкин не похож на Бодгикхарму.
Никто не ждет счастливого конца.

Но все же как вплетается в молебен
Заметное присутствие свинца
И в пуле,
и в усталости,
и в небе...

х х х

Жизнь неспешно плетется по кругу,
Вдоль речушки к березкам и лугу,
А душа остывает под плугом,
Как распластанная борозда...
Под закатом - гуляю по лесу,
Служат сосны вечернюю мессу,
И багрового неба завесу
Отмечает скупая звезда.
Я когда-то из дома уехал
И упал в соловьиное эхо,
В отголоски ручьевого смеха,
Где о вечном лепечет листва.
Ходят кони в траве по колено,
Рвется луч из паучьего плена,
И седеет, смирясь постепенно,
Удалая моя голова...

ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ

Как стук колес вычерчивает ритм,
Как сердца стук подобен четкой дроби
Ночных копыт...
Извечный алгоритм,
Воздвигнутый над чередой надгробий
Живых существ, украсивших мой путь,-
Мужчин и женщин, лошадей и кошек,
Собак и птиц...
Их хочется вернуть,
Но тени так бесследно тают в прошлом.
Я одинок...
Пылает на плечах
Багряный плащ.
(Сиреневый?
Пурпурный?)
В моих глазах, как в каменных печах,
Дымится пепел погребальной урны.
Скулящий страх калечит души жертв,
Шагнувших в этот круг без покаянья.
Прожорливая выверенность жерл,
В моем лице нашедшая призванье -

Сминать, как лист лирических основ,
Судьбу и жизнь,
Прощенье и разлуку,
И детский смех, и радость чистых снов,
И мертвых клятв возвышенную муку.
Я чувствую свой страшный, черный дар
Всей яростью обугленного мозга.
Я рвал зубами вены,
Но пожар
Моей крови был безразличен звездам.
Я принял паству.
Выбирая ночь,
Когда медведи понимали слово
И искренне старались превозмочь
Звериной волей волю - рук другого,
А именно - мой жесткий произвол,
С которым я удерживал их страсти.
Дивились Рыбы, Скорпион и Вол
Моей незримой и врожденной власти.
Пастух медведей!
Выжженный на лбу
Извечный титул...
Вызов вере в небо,
Вселенной, раздувающей клобук,
И Року, обесцветившему небыль!
Я противопоставлен был всему
И был бы мертв при первом же намеке
Готовности -
приветствовать ту Тьму,
Что отнимает травяные соки
У заспанной поверхности Земли...
Поверьте, что слова с заглавной буквы
Меняют смысл, переродясь в пыли
В самшит, и кипарис, и бук...
Вы
Напрасно попытаетесь понять
Урок друидов.
Каменные руны
Не обратят затертый разум вспять
И не затронут выцветшие струны.
Медведи спят.
Ущербная луна
Дарует серебро косматым мордам.
В мои виски крадется седина
Неторопливым, матовым аккордом.
Как хочется уснуть...
Закрывать глаза,
Увидеть поле, полное ромашек,
Где над ручьем кружится стрекоза,
А в небе бродит облако - барашек.
Вот в этот мир хочу шагнуть и я,
Продолжив путь по кромке алой меди

Заката.
В те запретные края,
Где светится Арктур -
Пастух медведей...

х х х

Я свободен, как ветер
В кудрях ускользнувшей красоти!
Я улыбочиво-светел,
И возвышенна легкость походки.
Я иду по Москве,
Расточая прохожим улыбки.
В добродушной листве
Слышен отзвук мерцающей скрипки.
Не Ванесса, а жаль...
Демонесса - играет этюд!
Ах, какую печаль
По-э-ге-с-сы вразвес продают...
Между дымом и пивом,
Чуть склоняясь, шепча наугад,
Перегарно-лениво
Закругляют концовку сонат.
Я люблю быть чужим,
Как сказала недавно одна.
Мне не нужен нажим,
Я и так с вами выпью до дна!
А когда разорвусь
И приму с панихидой судьбу -
В две строки наизусть
Так, чтоб было не тесно в гробу!

х х х

Вот и настала пустота
Навязанного отреченья...
Серебряная чернь креста -
Черней любого вдохновенья,
Дарованного темнотой,
Проникшей в голос, в кровь и в мысли.
Где, освященный немотой,
Твой остров (континент ли, мыс ли?)
Покинут мной.
Как Одиссей,
Я изгнан заживо из быта,
Из дома, из семьи, из всей
Возможной жизни...
Так избито,

Бездарно, пусто, лживо и
Не-пра-ви-ль-но!
Но, так уж вышло...
Поют влюбленным соловьи,
А разлученные не слышат
Сладкоголосья честных птиц,
Не видят в радуге всю гамму
Цветов.
Вот, в прорезях бойниц
Смерть размещает панораму
Для кладбища былых утрат,
Восторгов, встреч, записок, смеха,
Предновогодних канонад,
Степного дня, лесного эха,
Отхохотавшего костра...
О, как легко и непреложно
Все вдруг признали, что - пора
И далее так быть не должно.
Лишь поцелуй благую весть
Ждет, как ребенок у сугроба.
Он так поверил, что мы - есть!
И мы за ним
вернемся
оба...

х х х

Вдоль кладбища под вечер
Скорей спешу пройти...
Звезд желтенькие свечи
Едва чадят в пути.
Сосны сгоревшей вертел,
Дрожащий крик совы,
Душистый запах смерти
От скошенной травы.
Устало и тревожно
Вздыхает хлябью гать...
Я тоже думал, можно
Успеть и убежать...
Молился, было б силы,
Под карканье и трель
Упасть на дно могилы,
Как в брачную постель.
Где саван, а не платье.
Где не кольцо, а крест -
Чтоб распахнуть объятия
Последней из невест!

х х х

Была любовь... Был вектор и число,
Направленная линия движенья
И поцелуи до самосожженья,
Зеркальное, друг в друге, отраженье -
Всем вопреки или всему назло.
Назло законам, штампам, датам, шорам,
Ритмичности, цикличности вращения,
Земного, неземного всепрощенья,
Как просьбы - навсегда отдернуть шторы!
Впустить в окно волну живого света
И, удивясь падению иллюзий,
Ночных химер, краснеющих конфузий,
Чуть поклонившись пораженной Музе,
Легко отдать невнятный дар поэта -
В обмен на счастье быть с тобою рядом.
Дышать, смеяться, улыбаться небу,
Молиться Богу, молоку и хлебу,
Идти вдвоем в возвышенную небыль,
В листопаденье и цветенье сада...
Была любовь, парящая, как птица.
Глаза в глаза, почувствовав дыханье,
Потребность говорить с людьми стихами,
Но кто-то свыше изменил название,
Не дав ей и возможности - родиться...
А что теперь мы можем бросить миру?
Штамп в паспорте и сломанную лиру...

х х х

Одиночество стало - отчеством...
Небо - крышей, деревья - стенами.
Обреченный твоим пророчеством,
Я брожу облаками пенными.
В Петербурге легко состариться,
Здесь иные часы и скорости...
В фонарях монотонно плавают
Все печали мои и горести.
Этот город с гранитной нежностью,
С розовой луной над крышами
Дышит сам такой безутешностью,
Что любые страдания - лишние...
Эти встречи считать подарками -
Что пред каменным львом заискивать.
Не сутулясь бродить под арками,
Или дождь в свои вены впрыскивать.
Петергоф обнимать в подрамники
И высматривать птичье пение
Там, где листья плывут подранками
Вслед фонтанному откровению.

Все пастелью тумана смажется,
Все насытится вдохновением,
И слеза на щеке не кажется
Ни судьбою, ни преступлением...

х х х

Устаю от вранья,
От никчемной борьбы сам с собой...
Сонных туч полынья
Вознеслась над моей головой.
Ах, как тянет туда...
В запредельность скопления лиц,
Где осколками льда
Изрешечена плаха страниц.
Как не хочется петь
На костях отзвеневших надежд...
Огрызаюсь на плеть
И хватаюсь за крылья одежд
Проходящих богинь
С демоническим блеском в глазах...
Но какая же стынь
В оловянно-спокойных слезах.
Все равно, все равно...
Головой повалясь в ковыли,
Продырявлено дно
И свинец затерялся в пыли.
Из каких половин
Я судьбой этот узел связал?
У последней любви
Сладок вкус и смертелен оскал...

х х х

Сколько снега меж тобой и мной -
Километры хрусткой белизны.
Этой накрахмаленной зимой
Так надолго мы разведены.
Сколько непорочных простыней
Постелило сладострастье вьюг,
Но семнадцать бесконечных дней
Подтверждают истину разлук.
Сколько намелованных листов
Разложил декабрь только для -
Ста рисунков, тысячи стихов
И шальных записок на полях.
Сколько белогрунтного холста,
Брошенного утром в небеса,

Подарила каждая верста
Для портрета веры в чудеса.
Сколько лебединых облаков
Подтверждают, что не вечен снег
И веселый шум твоих шагов
Нас вернет к заждавшейся весне.
Ты не можешь обо мне не знать.
Я стараюсь справиться с тоской,
А искусству равнодушно ждать
Учат лишь за гробовой доской...

х х х

На бумаге мысли так нечетки...
Брошенные к свету впопыхах,
Строфы дней, размеренные четки
В совершенной формуле стиха.
Встречи обреченные на нежность,
Не касаясь, даже в мыслях, губ...
Совершенно северная снежность
В отзвуках фаготов, флейт и труб.
Марш бравурный, выдох на морозе,
Безразличья сладостная месь...
Рифмочки близки к банальной прозе...
Никаких подтекстов, все как есть.
Поцелуй, наложенный на веки,
Облегчает утомленность глаз.
Так ли трудно полюбить навеки,
Как и умереть в последний раз?
Как поверить в собственную старость,
Как увидеть ангела во сне,
Выясняя, сколько нам осталось,
У глухой кукушки на сосне.
Соком мяты и чертополоха
Склеить сердца рваные края
И ответить не кивком, а вздохом
На вопрос о смысле бытия...

х х х

Любовь - тоска...
И гроб - доска...
И тише времени река...
Метель, метель -
Стели постель,
Укрой в ладонях казака...
Устал мой конь, и нет звезды:
Упала с неба в поздний час.

В стальном молчании узды
Прощальный свет ее угас.
Нас степь неслышно отпоет,
И ночь простит любую блажь.
Зима всегда возьмет свое...
И не захочешь, а отдашь.
Не надо слов,
Не надо снов,
Не надо плакать обо мне.
Там в облаках,
С звездой в руках
Я буду мчаться на коне...
Растает снег, и наголо
Взмахнет лучами солнца круг.
Весны веселое тепло
Разбудит и перо, и плуг.
Вернется песня, и лоза,
И строки первой борозды,
Когда взойдет ее слеза
Взамен моей больной звезды...

х х х

Наступит день, наступит век,
И разойдутся облака,
И мягко снимет слезы с век
Твоя прозрачная рука.
Утихнет страх, отступит лоск
Унылых и пустых сонат,
И херувим сомнет, как воск,
Всю мелочность былых утрат.
Взойдет луна, погаснет зной,
Отдышится от боли грудь,
И медный всадник головой
Кивнет, указывая путь.
Ты будешь верить, как тогда,
В иной среде, в ином краю.
Я буду знать, что никогда
Фальшивых рифм не пропою.
Нас примет мир, как двух детей,
Блуждающих по кромке звезд.
Зашепчет раны Водолей
Разбитым откровеньям грез.
Нам все простят, да будет так...
И мы пойдем в руке рука,
Дыханье смешивая в такт,
За облака, за облака...

Из неопубликованного

** *

Моя неясная любовь,
Болезненное раздраженье...
Слепая мешанина слов
И напряженное движенье
По кругу, по спирали вниз,
Почти на уровне насмешки...
Чужая прихоть и каприз,
Отброшенный тобою в спешке.
Нет смысла думать и гадать -
Я знаю все, что скажут карты.
Я начинаю понимать
Котов, поющих песни в марте.
Я задыхаюсь от весны
В восторге птичьих канителей,
Ночь дышит запахом лесным
Прохладных, петербургских елей.
Как ни смешно, но этот грех
И этот крест не будет вечен,
О мой успешный неуспех
Во искупленье прошлой встречи.
Но наш таинственный союз
Приемлет рознь как всепрощенье
И поцелуем нежных муз
Отмечен в высшем воплощенье...

х х х

Когда убивали последнего единорога -
Лес содрогнулся, и даже птицы роняли слезы.
Глядела в испуге девочка недотрога,
Как копыта дрожали, словно виноградные лозы,
Вонзаясь в белую спину зверя,
Что голову прятал у нее на коленях.
И бледное солнце отворачивалось, не веря
В людскую жестокость. Таилась в глазах оленьих
Вассальная преданность королю леса,
Тому, кто царственным рогом даровал волю...
Запевали сосны хором дневную мессу
О том, кто сегодня захлебывался болью!
А после мясо с размаху швыряли на блюдо,
И пили охотники в честь величайшей победы
Над силой природы, ее тонконогое чудо
Убили люди. Наши отцы и деды...

х х х

Смотреть судьбе в лицо -
что в зеркало глядеться.

И ощущать себя извечно не у дел.
Но некуда спешить, раз никуда не деться
От неумелых фраз и равноценных тел.
И если разделить бывшее равнодушие
На девять звонких грамм, уложенных в патрон,
То выстрел прозвучит мелодией пастушьей,
Упругой, как свирель готических времен.
Мне ни к чему гадать о довоенном прошлом,
У каждого из нас прошла своя война...
Но истина проста, чиста и непреложна -
В признании вины и крепости вина.
А там... все как у всех! Язычество картин,
Рифмованный поток и выросшие дети.
И зеркало, где ты намеренно один,
И солнце на закат, и ничего не светит.
Унынье - это грех, а мы и так грешны
Стремленьем, в мишуре, возвысить день вчерашний.
Но сердце не болит, лишь просит тишины
И умиряет бег, так медленно и страшно...

х х х

Г...

Сегодня впервые рисую тебя без одежды...
На мне - серебряный крест, на тебе - только нитка бус.
Ничего не смыслящие в живописи невежды
Никогда не поймут такой откровенности муз.
Мастихином врываюсь в аромат твоих волос...
Говорят, что оранжевый цвет - это цвет экстаза.
Но с глиняных ног валится тот огромный колосс,
Призванный вуалировать истинный смысл каждой фразы.
Все открыто... Не только тело, но и сама душа
В восторге от собственной наготы распрямляет спину.
Бумага атласной кожей вздрагивает, дыша,
И первый набросок твоей судьбы готов наполовину.
Все, что свершилось сегодня, никак не могло быть вчера.
Давно умершие чувства привычно не имеют сраму...
Любовная связь фломастера и округлой линии бедра
Плавно перетекает в какую-то древнегреческую драму.
А если вдруг возникает не слишком скромный вопрос -
Я уйду туда, откуда пришел, где ветра и стужа...
Но все закончится одним рисунком твоих обнаженных грез,
Которые ты будешь прятать от будущего мужа...

х х х

Сердоликовое сердечко на твоей золотистой груди
Сам принес, подарил и доныне приятно глазу.
Никому не известно, что у нас впереди,
Даже маленькое счастье всегда подвержено сглазу.
И теперь гадай, не гадай на кофейной гуще про сны -
Все равно между нами принимает решения не разум,
А случайная встреча в начале лета, в конце весны,
Когда диск луны входил в свою полную фазу.
Я не хочу обещаний или чрезмерно значимых слов,
Как хорошо, что и тебе штампованных клятв не надо.
Статуя, в Млечный путь окуная свое весло,
Нас провожает завистливо-робким взглядом...
Хотя, по идее, нам бы стоило, шепот срывая в крик,
Соприкоснуться лбами и думать, а что же дальше?
Если жизнь так коротка, если наша любовь - миг,
Если мы оба с тобою не переносим фальши...
Наверно, земля остановится или замедлит бег.
У той же луны изменится угол вращения и орбиты.
Ты - далеко, я - далеко, и бесконечно уныл век -
Не доцеловано, не досказано, не забыто...

х х х

Несопоставимые слова
Мечутся в восторге птичьих трелей.
Кружится шальная голова
От густых февральских акварелей.
От внезапно выпавших снегов
Удивленно-круглолико солнце.
Минул век в предчувствии стихов,
И в горящих бликах брызжет стронций!
На деревьях кадмий и кармин,
В теплый кобальт выкрашены крыши.
Солнечных зайчишек подкормить
Я спешу на холст, где сонно дышит
Будущий весенний силуэт
Утомленной проповедью Музы.
Хочешь, мы десятком ярких лент
Ей украсим однотонность блузы?
Нарисуем поле с мотыльком,
Все простим, обиды и промашки,
Чтоб ее дыханье так легко
Щекотало лепестки ромашки...

х х х

И. Д.

Девушка с душою цвета осени
Пишет вдохновенные стихи.
И четыре карты наземь бросили
Духи четырех слепых стихий.
От червонной масти в небе марево,
В тон заката выжжена трава.
И янтарно-солнечное варево
Впитывают хрупкие слова.
Под пиковым ливнем, над оврагами
Ошалело рвутся ввысь цветы.
Словно память плачет над гулагами
Медленно расстрелянной мечты.
И звенит метелица бубновая,
Удалая, козырная масть,
Ярая, разгульная, фартовая -
Или в королевы, или в грязь!
А когда сентябрь взойдет наместником,
Затеplit лампадку, не дыша,
Под крестовым христианским крестиком
Вздрагнет вдруг осенняя душа.
И польются рифмы с переливами,
И взойдут возвышенно-легко
Над небесно-чистыми проливами
Караваны песен и стихов...

х х х

Ну вот... теперь между нами еще и слезы.
А я-то, надеялся, что будет лишь только радость...
Мне это не в тягость, и я для тебя не в тягость,
Но как же банально зимой замерзают розы...
Мне кто-то сказал, что всегда остается память:
Наброски, картины, кадры и фотоснимки.
Высокие фразы, пустые ошибки, слова и ужимки-
Засыпаны снегом, заматы... наверно, отсюда "заметь"...
Разумней всего тебя отпустить на свободу.
Ты дикая львица, что учится жить в неволе.
Хотя я в твоих думах, как раз-таки и не волен,
Тебе не нужна свобода.
Ты ищешь в огне - броду.
Его там нет.
И не было.
И быть не может!
Я - это пламя, которого боятся все звери...
Ах, если бы ты могла мне чуть больше верить,
Сегодня бы нам не пришлось ничего итожить.
Ни вех, ни часов, ни рассветов, ни карточной масти,
Упавшей в раскладе козырным тузом на плаху...
Все будет как будет.
К Иисусу или Аллаху

Склонимся в молитве и вверим им наше счастье...

х х х

Я никогда не умру.
Просто уеду в Локхайм...
Туда, где ландграфа по-прежнему ждет королева.
Та, что любит меня, а я, бродяга и хам,
Не ценю этого, а вечно гляжу налево...
Иду вообще вправо, наперекор себе.
Благо о собственный меч порезаться невозможно...
И если что-то меняется в моей судьбе,
То уж, как правило, не вовремя и безнадежно.
Какие письма... закаты... холсты и цветы
С равновеликой ценностью будут закопаны в глину.
Никому не хочу завещать своей немоты,
Но... все книги - дочери, все картины - сыну!
Рано не рано, но есть ощущение, что пора
Всем раздавать серьги - сестер у меня много...
Багряной жемчужиной катится с ангельского пера
Моя земная и яркая прижизненная дорога!
Не торопите, я знаю время и знаю срок.
Мы еще успеваем наговориться друг с другом,
Но вся поэзия - это итог строк
А в конце ее, что показательно, лишь пустота и вьюга...